

12+

1
2019СОЮЗ
ПИСАТЕЛЕЙ

литературно-художественный журнал

**Герой номера
Анна Плеханова**

«Разумеется, если бы мне выпал шанс отправиться на другие планеты, я бы воспользовалась им не задумываясь. Что бы я ожидала там увидеть? Об этом я во всех подробностях рассказываю на страницах своих книг».

с. 14

«Вчерашние небеса»: Фантасмагорический
калейдоскоп событий и тайн

с. 23

«Меч слова» в творчестве
Александра Белкина

с. 29

Редколлегия:

Главный редактор: Д. А. Суховейко

Ответственный секретарь: С. А. Чалый

Литературный консультант:
член Союза писателей России
И. И. Суховейко (Малкова)

Вёрстка: С. А. Чалый
Корректор: Г. В. Донина

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС77-44356
от 21 марта 2011 г.

Учредитель и издатель:
Индивидуальный предприниматель
Суховейко Денис Александрович

Адрес редакции:
654063, Россия, Кемеровская область,
г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30, корп. 4.

Адрес издателя:
653033, Кемеровская область,
г. Прокопьевск, ул. Яворского, 24-44

Для писем:
654079, Россия, Кемеровская область,
г. Новокузнецк, а/я 170.

Тел: 8-800-301-2620

E-mail: sp@izdat-kniga.ru

journalsp.ru
vk.com/journal_sp
knigi-market.ru

Все произведения и материалы, опубликованные в журнале, охраняются законодательством РФ об авторских и смежных правах. Воспроизведение публикаций журнала в каком-либо виде без письменного согласия редакции не допускается. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. За достоверность фактов несут ответственность авторы опубликованных материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Редакция оставляет за собой право на литературную правку рукописей, не вступая в переписку с авторами. Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.

Отпечатано в типографии издательства
«Союз писателей»,
Россия, Кемеровская обл.,
г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30/4.
Подписано в печать 21.01.2019
Журнал вышел в свет 26.01.2019
Формат 60x84/8. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Times New Roman».
142 стр. Тираж 3000 экз.
Цена договорная.

Литературно-художественный
журнал

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

№ 1/2019 (97)

Издаётся с 2011 года

Содержание номера

Жизнь после Нового года,
или Сюрпризы января.....3

Литературный календарь

Литературный календарь.....5
Литературные события 11
Литературные конкурсы 12

Герой номера

Фантастика в реальности
и литературе..... 14

Диалог с писателем

Женское счастье глазами героинь
Ларисы Агафоновой 17

Обзор книжных новинок

«Приключения в драповом королевстве»
Людмилы Шмидт 22
«Вчерашние небеса»: Фантазмагориче-
ский калейдоскоп событий и тайн..... 23
Нереальные рассказы Марины Сливко... 24

Рецензии и критика

Образ природы в лирике
Сергея Скудаева 25
Функции приёма ретроспекции
в произведении Надежды Казаковой
«Зеркало потерь»..... 27
«Меч слова» в творчестве
Александра Белкина 29

Гоголевский вестник

Финальный праздник проекта
«Три толстяка» 32

**Психология творчества
с Ларисой Агафоновой**

Пять привычек творческой личности, или Как встретишь новый год, так его и проведёшь	34
---	----

Тема номера

Анна Васильева <i>Выключи эту штуку</i>	36
Евгений Волков (Чертополохоцвет) <i>Стихотворения</i>	39
Наталья Дёмина <i>Стихотворения</i>	41
Юрий Кузнецов <i>Бобровые лапы</i>	45
<i>Спираль миров</i>	47
Валерий Лепов <i>Стихотворения</i>	54
Игорь Плетинский <i>Эмоции двоичного кода</i>	55
Анна Плеханова <i>Дождливые сны</i>	65

Поэзия

Владимир Гакштетер	69
Николай Ивлеев	70
Андрей Ивонин	73
Виктория Никитина	76
Лев Пряхин	77
Ирина Соляная	86

Проза и публицистика

Лариса Агафонова <i>Снежка (Окончание)</i>	87
Виктория Данилова <i>Подруги</i>	92

Лидия Девушкина-Соммэ <i>Мама, бабушка и продавцы биодобавок</i>	94
Татьяна Летова <i>Жизнь понарошку</i>	103
Эльвира Мухаметшина <i>Жить дальше</i>	115
Мария Нестеренко <i>Работа делает свободным. Главы 2–3</i>	117
Дмитрий Сарвин <i>Приквел</i>	121
Марина Сливко <i>Необычная соседка, или Мечты сбываются</i>	127
Елена Чурсинова <i>Хозяин леса</i>	134

Комната отдыха

Василий Копысов <i>Стихотворения</i>	136
---	-----

Цветные зонтики

Лариса Назарова <i>Стихотворения</i>	137
---	-----

Детский клуб «Озарёнок»

Совещание молодых авторов «Драматургия слова» в Уфе	138
Подведены итоги Всероссийского литературного конкурса памяти Л. Н. Афанасьевой	139
Анастасия Нестерова	139
Настя Лобанова	141
Екатерина Лобанова	141
Герман Гаус	141

Жизнь после Нового года, или Сюрпризы января

Пробили куранты на Спасской башне, возвещая о начале 2019 года, отгремели праздничные салюты, отзвучали поздравления, отшумели вечеринки. Пришла пора возвращаться к обычной жизни, открыв новую главу и смело устремившись вперёд, в светлое будущее. Этот январь обещает быть снежным и морозным. Работы после долгих выходных накопилось много. Устав после трудового дня, непременно захочется заварить сладкий чай, укутаться в тёплый плед и погрузиться в мир фантазий вместе с любимыми литературными героями. Лучшие произведения современных авторов можно найти на страницах январского номера журнала «Союз писателей».

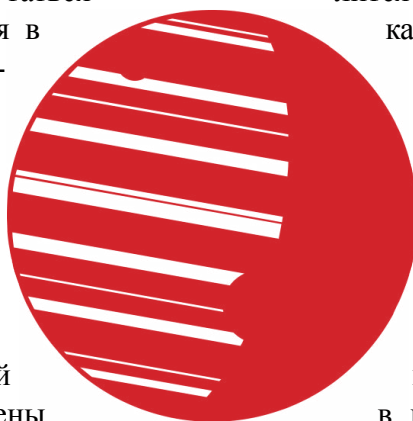
Открывает первый в этом году выпуск «Литературный календарь». В нём представлены знаменательные даты из мира литературы и список конкурсов и премий, подать заявку на которые можно прямо сейчас.

Героем январского номера «СП» стала известная писательница-фантаст Анна Плеханова. Трижды она становилась лауреатом программы «Новые имена современной литературы». Её перу принадлежат романы «Переплетения смерти», «Загадки гигантской планеты», «Иномирье». В интервью, данном корреспонденту издательства «Союз писателей», Анна рассказывает о своём творчестве, взглядах на современную фантастику и наиболее актуальные для жанра темы, а также личном отношении к сверхъестественному.

Рубрика «Диалог с писателем» представляет интервью с ещё одним интересным автором – Ларисой Агафоновой. Здесь речь пойдёт о материях более насущных:

о женском счастье и судьбах наших современниц. Л. Агафонова – автор популярных книг «Счастливой быть не запретишь» и «Надо только выучиться ждать», а также новинки, увидевшей свет в конце прошлого года, – «Кладовая женских тайн». Будучи психологом, писательница знает множество интересных историй и умеет прослеживать причинно-следственные связи человеческих радостей и горестей. Своим мнением она делится с теми, кто задаётся вопросом, как поймать синюю птицу.

Держать руку на пульсе поможет «Обзор книжных новинок». В разделе рассказывается о новой сказке Людмилы Шмидт «Приключения в драповом королевстве». Читателям также будет интересно познать неожиданные стороны бытия в компании Марины Сливко и героев её сборника «Нереальность», а затем проникнуть в тайны мироздания и пережить фантастические приключения вместе с Игорем Плетинским в его книге «Вчерашние небеса». Ну а если хочется проникнуть в самую суть литературных произведений и понять, чем творчество современных авторов отличается от книг, знакомых нам со школьной скамьи, можно заглянуть в раздел «Рецензии и критика» с трудами кандидатов филологических наук. Наталья Романова подготовила статью «Образ природы в лирике Сергея Скудаева». А Любовь Калинина предложила вниманию публики материалы «Функции приёма ретроспекции в произведении Надежды Казаковой “Зеркало потерь”» и «“Меч слова” в творчестве Александра Белкина». Аналитические статьи рассчитаны на тех, кто хочет действительно лучше разбираться в

литературе и, возможно, научиться новым творческим приёмам.

«Гоголевский вестник» делится впечатлениями от финального праздника проекта «Три толстяка». О ярком мероприятии, состоявшемся в Новокузнецке 20 декабря, рассказывают Е. Э. Протопопова и Е. О. Бахарева.

Рубрика «Психология творчества», рассчитанная на писателей и людей других творческих профессий, как всегда, является собой кладёшь ценной информации, которая поспособствует их профессиональному росту. Статья, с которой предстоит познакомиться в январе, называется «Пять привычек творческой личности, или Как встретишь новый год, так его и проведёшь».

А дальше начинается фантастика! В прямом смысле, ведь этому литературному жанру посвящена главная рубрика выпуска. Авторы-современники предложили вниманию читателей стихотворения и прозу, уносящие в мир грёз. Среди поэтов, чьи фантастические произведения попали в «Тему номера», – Евгений Волков (Чертополохоцвет), Наталья Дёмина и Валерий Лепов; среди

прозаиков – Анна Васильева, Юрий Кузнецов, Игорь Плетинский и Анна Плеханова.

Январский номер журнала «Союз писателей» собрал для поклонников современной литературы стихи поэтов Владимира Гакштетера, Николая Ивлева, Андрея Ивонина, Виктории Никитиной, Льва Пряхина, Ирины Соляной, а также рассказы от прекрасных прозаиков Ларисы Агафоновой, Виктории Даниловой, Лидии Девушкиной-Соммэ, Татьяны Летовой, Эльвиры Мухаметшиной, Марины Нестеренко, Дмитрия Сарвина, Марины Сливко и Елены Чурсиновой. «Комната отдыха» приглашает отдохнуть в компании Василия Копысова. А «Цветные зонтики» начинают год с представления творчества Ларисы Назаровой.

Выпуск завершается новостями из МДЛК «Озарёнок». Чем живут юные воспитанники литературного объединения и их педагоги? Наверняка ребята приготовили немало интересных сюрпризов взрослым читателям!

Вперёд – в фантастическое путешествие по страницам!

Начал работу сайт журнала
journalsp.ru

График выхода • Читательская и авторская подписка • Приём рукописей
Каталог выпущенных номеров • Поиск публикаций

Литературный календарь

16 января – 270 лет назад в Асти (Пьемонт) родился поэт **Витторио Альфьери** (1749–1803). Его называют «отцом итальянской трагедии». Свои произведения Альфьери классифицировал на любовные трагедии (например, «Клеопатра»), трагедии свободы («Виргиния»), трагедии о борьбе за трон («Мария Стюарт»), трагедии семейных чувств («Меропа»), трагедии внутренней борьбы («Мирра»).

17 января – 135 лет назад в Санкт-Петербурге родился русский советский поэт **Сергей Митрофанович Городецкий** (1884–1967). На раннее творчество автора оказали влияние произведения символистов. Часто обращался к славянской языческой мифологии. После революции много писал на политические темы, в том числе агитки времён Гражданской войны. Автор стихов, рассказов и историй для детей. Среди сборников писателя «Кладбище страстей. Рассказы», «Дикая воля», «Цветущий посох», «Алый смерч», «Ангел Армении» и другие.

18 января – 330 лет назад родился французский писатель, правовед, философ и политолог **Шарль Луи Монтескье** (1689–1755). Наиболее известна книга автора «Персидские письма». Также писал статьи для «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремёсел». Интерес представляет труд Монтескье под названием «О духе законов».

19 января – 210 лет назад в Бостоне родился писатель, поэт, эссеист, литературный критик и редактор, представитель американского романтизма **Эдгар Аллан По** (1809–1849).

Мальчик появился в семье странствующих актёров. Когда ему был год, отец ушёл из семьи. А спустя ещё год умерла мать. Эдгар, его брат и сестра остались без опеки. Детей забрали в разные семьи. Брат отправился к родственникам отца, а сестра и

будущий писатель попали в дома к чужим людям. Эдгар оказался на воспитании у бездетной пары из Ричмонда. Новая семья была состоятельной, отчим занимался торговлей табаком и хлопком и неплохо на этом зарабатывал. Ребёнка полюбили. С ним обращались как с родным и позаботились о хорошем образовании.

В 1815 году экономика Америки находилась не в лучшем состоянии. И мистер Аллан, приёмный отец Эдгара, решил упрочить своё положение с помощью новых торговых связей в Европе. Семья перебралась сперва в Ливерпуль, затем некоторое время провела в Шотландии, а далее оказалась в Лондоне. К сожалению, жизнь в Англии была намного сложнее, чем предполагал торговец из Нового Света. Через несколько лет стало ясно, что оставаться в Европе дальше не имеет смысла.

В 1820 году Эдгар По с родителями вернулся в Штаты. Мальчик отправился в школу, где провёл пять лет, изучая античную литературу и историю, латынь, греческий и французский языки, математику и английскую литературу. В 1826 году он поступил в недавно открывшийся Виргинский институт, где выбрал курсы философии и современных языков. Там молодой человек провёл всего год. Эдгар пристрастился к азартным играм, постоянно испытывал нужду в деньгах и вскоре вернулся домой, имея весьма смутное представление о том, чем будет заниматься далее. Такое несё-

рьёзное отношение к жизни послужило причиной большого конфликта с отчимом, вследствие которого будущего писателя выгнали из семьи. К тому моменту он уже начал писать. Юноше посчастливилось найти издателя, готового опубликовать его первый сборник «“Тамерлан“ и другие стихотворения». Несмотря на то, что автор получил очень хороший гонорар, в целом его финансовая ситуация не улучшилась, потому в 1827 году Эдгар По записался в армию добровольцем. К тому моменту ему исполнилось восемнадцать лет. Будучи человеком грамотным, он работал в штабе и занимался бумагами. Вместе с полком ему довелось много путешествовать. Существует версия, что в те годы он даже побывал в России.

В судьбе Эдгара По было немало перипетий. На протяжении всей жизни его преследовали финансовые трудности. Главной причиной этого была убежденность, что он может заработать на жизнь исключительно своими книгами. Кроме того, имея проблемы с алкоголем, Эдгар непрестанно усугублял ситуацию и в итоге погряз в нужде.

Творчество Эдгара Аллана По повлияло на литературу последующих столетий. Именно он считается создателем первого детектива в его современном представлении. Стоит упомянуть о роли, которую По сыграл в формировании популярного сегодня жанра научной фантастики. За свою жизнь писатель создал две повести, две поэмы, одну пьесу, около семидесяти рассказов, пятьдесят стихотворений и десять эссе. Среди самых популярных произведений Эдгара По – «Рукопись, найденная в бутылке», «Ворон», «Гротески и арабески».

20 января – 135 лет назад в Беверли (штат Нью-Джерси) родился американский писатель и журналист **Абрахам Меррит** (1884–1943). Работал преимущественно в жанрах фантастики и мистического детектива. Произведения Меррита пользовались огромной популярностью и оказали значительное влияние на многих писателей, в том числе на Говарда Лавкрафта, Джека Уильямсона, Фрица Лейбера, Рэя Брэдбери.

Дебютной работой Меррита стал фантастический рассказ «Сквозь Драконье Стекло» (1917), размещённый в журнале «All-Story». Новелла автора «Лунная заводь», опубликованная в том же издании в 1918 году, принесла автору громкую славу. Среди других примечательных произведений автора – «Металлическое чудовище» (1920), «Семь следов на пути к Сатане» (1927), «Обитатели миража» (1932).

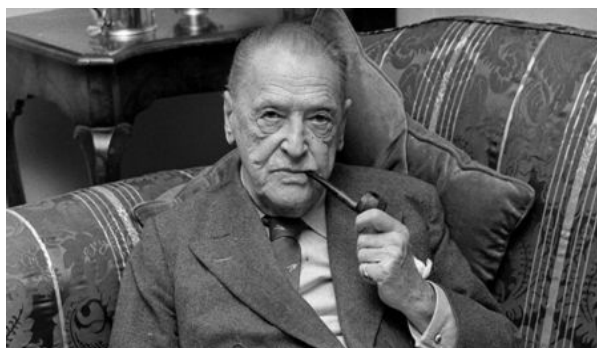
22 января – 115 лет назад в Льгове Курской губернии родился советский детский писатель и киносценарист, журналист, военный корреспондент **Аркадий Петрович Гайдар** (Голиков) (1904–1941). Первые публикации датируются 1925 годом. Дебютной стала повесть «В дни поражений и побед», напечатанная в ленинградском альманахе «Ковш». Затем Аркадий Петрович стал сотрудничать с пермской газетой «Звезда», где был опубликован рассказ «Угловой дом» – первое произведение, подписанное псевдонимом Гайдар. Наиболее известные работы: «Дальние страны» (1932), «Военная тайна» (1935), «Тимур и его команда» (1940). Произведения Аркадия Гайдара вошли в школьную программу, активно экранизировались, переведены на многие языки мира. Сам писатель признавался, что большое влияние на его творчество оказали Гоголь, Гфман, Диккенс и Марк Твен.

24 января – 75 лет исполняется американскому писателю **Дэвиду Герролду** (1944). Пишет в жанрах научной фантастики и фэнтези. Первым изданным романом автора стала книга «Летающие колдуны» (1971), написанная в соавторстве с Ларри Нивеном. Также примечательны романы Герролда «Когда ХАРЛИ исполнился год»,

«Дублированный», «Одиссея “Лунной Звезды”». Получением сразу нескольких литературных премий – «Небьюла», «Локус», «Хьюго» и «НОМер» – автор обязан своему рассказу «Мой сын – марсианин» (1994), позднее положенному в основу одноимённого романа. В разное время Дэвид Герролд также выступал сценаристом таких популярных телесериалов, как «Звёздный путь», «Сумеречная зона», «Скользющие», «Вавилон-5».

25 января – 260 лет назад в шотландском селе Аллоуэй родился поэт **Роберт Бёрнс** (1759–1796). Является автором ряда известных стихотворений и поэм. В частности, его перу принадлежат произведения «Тэм о’Шентер», «Честная бедность», «Джон Ячменное Зерно», «В горах моё сердце». День рождения Роберта Бёрнса, 25 января, объявлен национальным праздником в Шотландии.

145 лет назад родился английский писатель, новеллист, драматург **Уильям Сомерсет Моэм** (1874–1965). На момент появления сына на свет родители Моэма жили во Франции. Его отец был послом. Семья всё подготовила так, чтобы мальчик родился именно в посольстве, то есть на территории Великобритании. Дело в том, что как раз в то время вступал в силу закон, согласно которому ребёнок, рождённый во Франции, автоматически становился французом и мог быть призван на фронт. Этому Моэмы стремились избежать.

В детстве Сомерсет общался только на французском языке. Но когда ему исполнилось десять, он остался сиротой и был вынужден вернуться на Британские острова, где в совершенстве овладел англий-

ским. Мать мальчика умерла от чахотки, а отец – от рака желудка. Ребёнок отправился на воспитание к родственникам, которые жили в Кенте. Дядюшка-викарий позаботился о том, чтобы племянник получил образование. Сомерсет пошёл сперва в Королевскую школу в Кентербери, а потом поступил в Гейдельбергский университет.

В студенческие годы Уильям начал писать. Первым самостоятельным произведением Моэма стала биография композитора Мейербера. До наших дней оно не сохранилось. Отвергнутый издателем, молодой человек уничтожил рукопись. В 1892 году судьба сделала новый поворот, и Сомерсет оказался в медицинской школе при больнице св. Фомы в Лондоне. Это был ценный опыт, который талантливый юноша использовал для создания первого романа «Лиза из Ламбета» в 1897 году. Но тогда до успеха было ещё далеко. Лишь спустя десять лет, в 1907 году, талант Моэма оценили по достоинству. Публике пришёлся по нраву его роман «Леди Фредерик». Среди других известных произведений автора «Театр», «Бремя страстей человеческих», «Пироги и пиво».

27 января – 140 лет назад родился российский и советский писатель, фольклорист, публицист и журналист **Павел Петрович Бажов** (1879–1950). Известность автору принёс цикл уральских сказов, среди которых «Хозяйка Медной горы», «Огневушка-поскакушка», «Серебряное копытце» и другие. Первое издание сказов увидело свет в 1939 году и получило название «Малахитовая шкатулка». Книга при жизни автора продолжала пополняться новыми произведениями. Сказы и деятельность Бажова оказали значительное влияние на уральскую фольклористику, на десятилетия определив направление её развития – сбор «рабочего фольклора».

30 января – 110 лет назад в Москве родился русский поэт, драматург и киносценарист **Виктор Михайлович Гусев** (1909–1944). Лауреат двух Сталинских премий второй степени: 1942 – за сценарий фильма «Свинарка и пастух», 1946 – за сцена-

рий фильма «В шесть часов вечера после войны», посмертно. Помимо сценариев, известность автору принесли песни на его стихи («Ах ты, зимушка-зима», «Были два друга в нашем полку», «Песня о Москве», «Песня артиллеристов» и другие).

1 февраля – 135 лет назад в Лебедяни Тамбовской губернии (ныне Липецкая область) родился русский писатель, критик и публицист, киносценарист **Евгений Иванович Замятин** (1884–1937).

Отец писателя был православным священником, мать – пианисткой. Евгений Замятин учился сперва в Лебедянской, а затем в Воронежской гимназии, последнюю окончил в 1902 году с золотой медалью. Продолжил учёбу в Санкт-Петербургском политехническом институте на кораблестроительном факультете. В 1908 году Замятин закончил институт и написал свой дебютный рассказ – «Один». Два года начинающий автор преподавал на кораблестроительном факультете, работал инженером и одновременно заканчивал рассказ «Девушка». В 1911 году за нелегальное проживание писателя выслали в Лахту. В это время он пишет повесть «Уездное», в которой с горечью изображает полный инертности мир русской провинции. Повесть имела успех среди критиков и других писателей и принесла автору первую известность. В 1914 году Евгения Замятина привлекли к суду и сослали в Кемь за антивоенную повесть «На куличках» о небольшом военном отряде на Дальнем Востоке.

В марте 1916 года Замятин, как опытный инженер, был командирован в Англию для участия в строительстве российских ледоколов на верфях Ньюкасла, Глазго и

Сандерленда; побывал в Лондоне. Был одним из главных проектировщиков ледокола «Святой Александр Невский», получившего после Октябрьской революции имя «Ленин». Во время командировки были созданы повести «Островитяне» и «Ловец человеков», с тонкой сатирой описывающие английский быт.

В сентябре 1917 года Замятин вернулся в Россию. Вскоре после Октябрьской революции писатель стал заметной фигурой, активно участвовал в литературной жизни страны: занимал должность председателя ленинградского отделения Всероссийского союза писателей, входил в Комитет Дома литераторов и Совет Дома искусств, был членом редколлегии «Всемирной литературы» и участвовал в издании журнала «Русский современник».

Первые годы после революции Замятин печатался под псевдонимом Мих. Платонов. В своих статьях он анализировал отдельные моменты деятельности большевиков – цензуру, красный террор, отмену смертной казни в России; за критику политики большевистского правительства на Политбюро дважды обсуждался вопрос высылки писателя.

В 1920 году Замятин заканчивает работу над знаковым романом «Мы», с которого начинается расцвет жанра антиутопии. Он описывает общество жёсткого тоталитарного контроля над личностью, свои представления о развитии и будущем периода военного коммунизма. Советская цензура усмотрела в романе прикрытую издёвку над коммунистическим строем и запретила публикацию произведения. В 1925 году роман был издан в США на английском языке.

В 1931-м, понимая бесперспективность своего дальнейшего существования в СССР, Замятин обратился к Сталину с письмом, в котором просил разрешения на отъезд за границу. По ходатайству Горького он получил положительный ответ и перебрался в Париж, где стал писать для французских газет и продолжать работу над рассказами. Скончался писатель 10 марта 1937 года в Париже.

2 февраля – 80 лет исполняется российскому фотографу, журналисту и писателю **Юрию Михайловичу Росту** (1939). Работал корреспондентом в таких изданиях, как «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Московские новости». В настоящее время является обозревателем «Новой газеты». Обладатель премии «Триумф» за высшие достижения в литературе и искусстве.

3 февраля – 145 лет назад в Пенсильвании родилась американская писательница и литературовед **Гертруда Стайн** (1874–1946). Экспериментальная, близкая к кубизму поэзия и проза Стайн не находили широкого читательского признания среди её современников. Единственным исключением стал очерк «Автобиография Алисы Б. Токлас» (1933), написанная Гертрудой Стайн уже в достаточно пожилом возрасте. Книга неоднократно переиздавалась и переведена на многие языки мира.

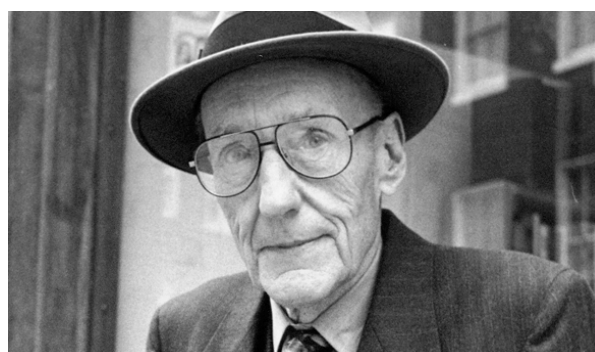

Гертруде Стайн принадлежит авторство термина «потерянное поколение», которым она называла эмигрировавших за границу американских писателей. Стайн была близко знакома с Матиссом, Джойсом, Максом Жакобом, Хемингуэем, Паундом, Фицджеральдом, Уайлдером, Пикассо. Среди работ последнего есть полотно «Портрет Герруды Стайн».

120 лет назад в Пекине родился китайский писатель **Лао Шэ (Шу Шэюй)** (1899–1966). Преимущественно известен реалистической и сатирической прозой. Автор социального романа «Философия почтенного Чжана», сатирического романа «Записки о кошачьем городе», исторической

драмы «Кулак во имя справедливости» и прочих произведений.

5 февраля – 215 лет назад в Борго родился финско-шведский поэт и драматург, автор текста национального гимна Финляндии **Йохан Людвиг Рунеберг** (1804–1877). Другие известные произведения, вышедшие из-под пера автора, – поэма «Охотники на лосей», «Король Фьялар», цикл стихов «Рассказы прапорщика Столя». «Рассказы...» считаются частью финского национального эпоса. Рунеберг также занимался переводческой деятельностью, к примеру, переводил на шведский произведения Пушкина, Жуковского, с немецкого – Шиллера и Уланда.

105 лет назад в Сент-Луисе (штат Миссури) родился американский писатель **Уильям Сьюард Берроуз** (1914–1997). Считается одним из ключевых американских авторов второй половины XX века. Дебютную книгу Берроуз опубликовал в довольно зрелом возрасте – в 39 лет. Начало литературной славы писателя положил экспериментальный роман «Голый завтрак», вышедший в 1959 году. Авторству Берроуза принадлежит около двух десятков романов и более десяти сборников малой прозы. Книги продолжают переиздаваться по сей день, большая часть произведений переведена на русский язык.

6 февраля – 105 лет назад родился белорусский советский поэт и переводчик, сценарист **Аркадий Александрович Кулешов** (1904–1978). Первое стихотворение автора было опубликовано на страницах газеты «Наш працаўнік», когда ему было всего двенадцать лет. Впоследствии многие печатные

издания публиковали стихи одарённого ребёнка, а затем и взрослого, состоявшегося писателя. Первый сборник поэзии Аркадия Кулешова был выпущен в 1930 году и получил название «Расцвет земли».

65 лет назад в шотландском городе Данфермлине родился писатель **Иэн Бэнкс** (1954–2013). Автор множества научно-фантастических романов, большинство из которых входит в цикл «Культура». Среди самых популярных произведений Бэнкса можно назвать следующие: «Осиная фабрика», «Шаги по стеклу», «Мост».

10 февраля – 520 лет назад родился швейцарский писатель-гуманист **Томас Платтер Старший** (1499–1582). До нас дошли путевые заметки автора, в которых рассказывается о его странствиях по ряду европейских стран: Испании, Франции, Фландрии.

100 лет назад в Минске родился русский драматург, сценарист и писатель **Александр Моисеевич Володин** (1919–2001). В начале 50-х годов Александр Володин писал рассказы, первый сборник произведений автора вышел в 1954 году. Как драматург дебютировал в 1955 году с пьесой «Фабричная девчонка». В 1960-х автор углубился в кинематограф. Среди наиболее известных фильмов, поставленных по сценариям Володина, – «Дочки-матери» (1974), «Пять вечеров» (1978).

11 февраля – 125 лет назад родился русский писатель **Виталий Валентинович Бианки** (1894–1959). Произведения Виталия Бианки для детей, посвящённые природе, сегодня можно причислить к классике. Библиография автора включает в себя такие книги, как «Лесная газета на каждый день», «Прятки. Рассказы старого охотника», «Кувырк и другие рассказы». Всего автор написал более трёхсот рассказов, сказок, повестей и статей, выпустил 120 книг, которые были напечатаны общим тиражом в 40 миллионов экземпляров. В Советском Союзе книги Бианки широко использовались в детских садах и в начальной школе.

13 февраля – 250 лет назад в Москве родился русский поэт, публицист и баснописец **Иван Андреевич Крылов** (1769–1844). При жизни автора было выпущено девять сборников басен, первый из которых увидел свет в 1809 году. Большинство сюжетов басен Крылова являются оригинальными, однако отдельные из них восходят к творчеству французского писателя Жана де Лафонтена. Многие выражения из басен писателя прочно вошли в русский язык и стали крылатыми.

235 лет назад родился русский поэт, переводчик и драматург **Николай Иванович Гнедич** (1784–1833). Писал стихи, но больше прославился своими переводами. Более двадцати лет Николай Иванович посвятил переводу на русский язык «Илиады» Гомера; этот труд был опубликован в 1829 году.

14 февраля – 615 лет назад родился итальянский учёный, писатель и гуманист **Леон Баттиста Альберти** (1404–1472), ведущий теоретик искусства эпохи Возрождения. Среди трудов автора комедии «Филодокс» и «Деифира», сатирически-аллегорический цикл «Застольные беседы», диалоги на этические темы «О семье», «О спокойствии души» и другие.

15 февраля – 110 лет назад родился советский поэт **Николай Иванович Рыленков** (1909–1969). Лирика Рыленкова тяготеет к классическим и фольклорным традициям. Его перу принадлежат сборники стихов «Берёзовый перелесок», «Корни и листья», «Снежница» и другие. Также известен как автор стихотворного пересказа «Слова о полку Игореве».

Литературные события

20 января – 40 лет назад (1979) на расширенном заседании парткома Союза писателей подвергся разгрому выпущенный Василием Аксёновым альманах «Метрополь».

22 января – 5 лет назад (2014) в Национальной библиотеке Испании обнаружена рукопись пьесы «Женщины и слуги» Лопе де Веги, считавшейся потерянной около 400 лет назад.

23 января – День ручного письма (День почерка). Сейчас взрослые люди, едва закончив школу, берут в руки письменные принадлежности только при заполнении официальных документов, да и то исключительно затем, чтобы поставить свою подпись возле галочки. Тем не менее письменность имела колоссальное значение на протяжении многих тысячелетий. Почерк каждого человека уникален и неповторим, в отличие от компьютерных шрифтов. Праздник, который отмечают по всему миру, призван напомнить об этом хотя бы на один день.

24 января – 115 лет назад по указу императора Николая II основан журнал «Пограничник» (ныне – публицистический литературный ежемесячник Пограничных войск РФ).

25 января – 100 лет назад (1919) была открыта первая государственная библиотечная сессия в советской России. Её участниками стали представители интеллигенции, согласившиеся сотрудничать с советской властью, библиотекари и различные деятели, связанные с библиотечным делом. Данное совещание стало первым шагом к реорганизации библиотечного дела в республике.

27 января – Международный день без Интернета. Этот праздник появился девятнадцать лет назад, когда стало ясно, что Всемирная паутина, опутавшая земной шар, может стать источником зависимости

для многих людей. Инициатор праздника, Британский институт социальных изобретений, призывает граждан всего мира посвятить хотя бы один день в году обычным занятиям без вмешательства высоких технологий.

30 января – 115 лет назад в Москве на сцене МХАТА состоялась премьера комедии Антона Чехова «Вишнёвый сад» в постановке К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

31 января – 290 лет назад в Стамбуле была издана первая печатная книга с арабским шрифтом – толковый словарь Джаухари в переводе на турецкий язык.

1 февраля – 135 лет назад (1884) выпущено первое издание Оксфордского словаря английского языка.

2 февраля – 745 лет назад (1274) состоялась первая встреча Данте и Беатриче, чей образ на протяжении всей жизни вдохновлял создателя «Божественной комедии».

8 февраля – 90 лет назад было впервые задокументировано слово «вертолёт». Авторство слова принадлежит авиаконструктору Николаю Камову. Новый термин прижился как синоним слова «геликоптер», заимствованного из французского, а к концу 1940-х годов полностью его заменил.

10 февраля – 45 лет назад (1794) на Тульский оружейный завод назначен «мастером оружейного дела и надзирателем всего до дела ружья касающегося» Алексей Сурмин, ставший впоследствии прообразом Левши из одноимённой повести Николая Лескова.

12 февраля – 45 лет назад (1974) был арестован, обвинён в измене Родине и лишён советского гражданства писатель Александр Исаевич Солженицын.

13 февраля – 90 лет назад (1929) в Москве состоялась первая постановка феерической комедии В. В. Маяковского «Клоп».

Литературные конкурсы

Литературный конкурс для детей и юношества «На благо Родины»

Актуально до 1 февраля

На конкурс принимаются произведения, посвящённые родному краю: истории, героям, природе, близким людям. Возраст участников – от 7 до 25 лет. Допускается выдвижение ранее опубликованных работ.

Номинации:

- «Проза» (рассказы, очерки, эссе, биографии);
- «Поэзия» (стихотворения);
- «Публицистика» (репортажи, интервью, статьи, хроники).

Рекомендуемые темы: «История семьи», «Будущее через десять лет», «Источник мудрости» (о русском языке), также возможно участие произведений на свободную тему в рамках основного направления конкурса.

Все участники получают сертификаты конкурса, победители (первые три места в каждой номинации) также будут награждены почётными грамотами и сборниками с конкурсными произведениями.

Подробнее: www.club-key.ru/index.php/ru

Литературная премия им. Натальи Серовой

Актуально до 1 февраля

На соискание премии рассматриваются произведения, изданные в течение 2018 года в виде книг и опубликованные в газетах и журналах, а также рукописи в жанрах: проза, поэзия, драматургия. От одного автора принимается одно произведение (книга, подборка стихотворений или рассказов, повесть или роман, пьеса) в одной номинации.

Номинироваться на премию может любой автор, проживающий или проживавший на территории Тверской области. Также на премию могут быть номинированы произведения, действие которых происходит в Твери или городах Тверской области авторов других регионов.

Победитель получит денежный приз в размере 50 000 рублей. Для дипломантов премии предусмотрены ценные подарки.

Подробнее: www.karavan.tver.ru/gazeta/16073

XIV Всероссийский творческий конкурс «Наследие предков – молодым»

Актуально до 1 февраля

Конкурс проводится среди российских школьников старших классов, студентов и аспирантов в возрасте от 18 до 25 лет. Принимаются статьи, эссе объёмом до 40 тысяч знаков.

Номинации:

- «Военная история России. Допетровская эпоха»;
- «Переломные точки русской истории»;
- «Доходчиво и интересно о нашем прошлом»;
- «История моей малой родины».

Авторы, допущенные к участию в конкурсе, получают дипломы участников. Победители (1-е место) и призёры (2-е и 3-е места) номинируются на премии МОО «Императорское Русское историческое общество», а также награждаются дипломами.

Подробнее: ist-konkurs.ru

IV Международный молодёжный фестиваль-конкурс «Берега дружбы»

Актуально до **15 февраля**

К участию приглашаются авторы в возрасте от 18 до 25 лет, вне зависимости от гражданства, места жительства и членства в творческих союзах.

Рассматриваются авторские стихотворения на русском, украинском, белорусском и языках народов России, а также поэтические переводы. Заявка участника должна включать 10–12 стихотворений в формате Word, набранных шрифтом Times New Roman 14 кегля, но не более 10 страниц текста. Тексты на украинском и белорусском языках принимаются с обязательным подстрочным переводом на русский.

Все участники финального этапа получают «Сертификат финалиста IV Международного молодёжного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов “Берега дружбы”». Обладатель гран-при, лауреаты конкурса, занявшие 1-е, 2-е и 3-е места, и призёры конкурса награждаются дипломами и ценными подарками.

Подробнее: www.bibneclin.ru/берега-дружбы

Международный молодёжный поэтический конкурс, посвящённый поэту «К. Р.» (Великому князю Константину Романову)

Актуально до **28 февраля**

К участию в конкурсе допускаются русскоязычные молодые поэты России, а также стран СНГ и Европы в двух возрастных группах: от 14 до 21 года и от 22 до 27 лет. В специальных номинациях конкурса для молодых журналистов участвуют авторы от 18 до 35 лет.

Поэтические номинации:

- «Сказки русской живописи» (произведения, посвящённые живописным произведениям русских художников или произведениям художников-символистов);
- «По улице слона водили» (современная басня; номинация посвящена 250-летию баснописца Ивана Крылова);
- «Я к вам пишу...» (эпистолярный жанр; предлагается представить, каким могло быть письмо современной Татьяны к Пушкинскому Евгению Онегину);
- «Большая звезда» (авторам предлагается поэтически пофантазировать на тему необычных названий дорожек и просек Большой звезды – района Павловского парка).

Всего на конкурс предоставляется не более пяти стихотворений общим объёмом до 400 строк: в номинации «Сказки русской живописи» допускается два стихотворения, в остальных – по одному.

Номинации для молодых журналистов:

- «Путешествие по музейному Северо-Западу» (репортаж, интервью, эссе о любом музее Санкт-Петербурга и Ленинградской области);
- «Музей – портрет без рамы» (рассказ о «закулисной» жизни любого музея России, СНГ или стран ближнего зарубежья – о реставраторах и климатологах, зрителях и хранителях и т. д.).

Объём произведений для журналистов – не более 4000 знаков.

Финалисты конкурса награждаются дипломами и публикацией в сборнике по итогам конкурса. Призёрам, занявшим первые, вторые и третьи места в каждой номинации, помимо дипломов, вручаются подарки.

Подробнее: kaeromania.ru/pol_o_kon.html

ФАНТАСТИКА

в реальности и литературе

Фантастика и фэнтези – это больше, чем просто литературные жанры. Это мечты, которые обрели плоть и кровь. Это фантазии, воплотившиеся на бумаге. Это невозможное, которое стало возможным. Вырваться за границы привычного, разорвать прочные оковы, связывающие нас с повседневностью, испытать сильнейшие по накалу чувства – всё это можно вместе с героями захватывающих книг, увлекающих читателей в иные времена и эпохи.

Анна Плеханова – яркий представитель современных фантастов, подаривший людям радужные сны и новые мысли о том, какой может быть жизнь в прошлом или будущем,

в параллельном измерении или на далёкой неведомой планете. Будучи художником, она пользуется своим даром, чтобы яркими мазками рисовать картины фантастических Вселенных. Будучи чуткой женщиной, она отражает в своих романах все тонкости любви. Будучи талантливой писательницей, она умеет создать интригу и динамичные сюжеты, позволяющие полностью поверить в правдивость происходящего.

Романы Анны Плехановой «Переплетения смерти», «Загадки гигантской планеты» и «Иномирье» были выпущены издательством «Союз писателей» в рамках гранта «Новые имена». Мы побеседовали с автором о фантастике в реальности и литературе.

– Здравствуйте, Анна! Фэнтези и фантастика – это синонимы или не связанные понятия? К какому жанру можно причислить Ваши романы?

– Как мне кажется, фэнтези и фантастика похожи между собой, но это не синонимы. Скорее, фэнтези – подраздел фантастики. И в том, и другом жанре есть вымысел. Однако фантастические романы по большей части описывают наш реальный мир, а фэнтези – вымышленный. Те необычные события, которые происходят с героями в фантастическом романе, как правило, объясняются автором с точки зрения науки или природы. В фэнтези всё преподносится как данность. Что касается моих романов, то я их причисляю к жанру фэнтези. Например, во всех моих книгах описываются различные измерения, планеты, которые могут не иметь какого-либо отношения к нашему реальному миру. В них действуют придуманные мною законы и живут вымышленные

существа. Я не даю по этому поводу никаких объяснений читателям, а заставляю их воспринимать всё это как само собой разумеющееся.

– Можно ли, рассуждая о фантастических материях, выразить реальные драмы и описать настоящие ситуации? Есть ли шанс, что заложенный в книгу посыл не потеряется за яркими декорациями? Как считаете, Вам удалось достичь нужного результата?

– Для меня фантастика, прежде всего, – фон для человеческих взаимоотношений. Я раскрываю перед читателями характеры героев, их замыслы, цели. Герои моих романов отстаивают свою любовь, свободу и попутно путешествуют по вымышленным мирам. Знакомятся со всевозможными существами. Поэтому, конечно, в первую очередь я продумываю образы, характеры, а уж потом создаю нужную атмосферу, где развиваются события. Так что да, думаю, я всегда достигаю нужного результата.

– Каков посыл Ваших романов? О чём, прежде всего, Вам хотелось сказать читателю?

– В своих романах я пытаюсь расширить сознание людей. Показать разные стороны жизни. Главными героями моих книг всегда выступают люди сильные духом, умеющие ценить свободу и верящие в настоящую любовь. Самое главное для меня – найти своё истинное предназначение в жизни и, несмотря ни на что, всегда делать выбор в пользу добра и света. Именно это я и хочу донести до своих читателей.

– Что стало для Вас источником вдохновения при создании фантастических миров? Откуда Вы черпали идеи, когда описывали Крадоллу¹ в романе «Загадки гигантской планеты» и параллельные реальности в «Иномирье»?

– Я стараюсь вообще не употреблять такие слова, как «вдохновение» или «муза», потому что мой творческий процесс про-

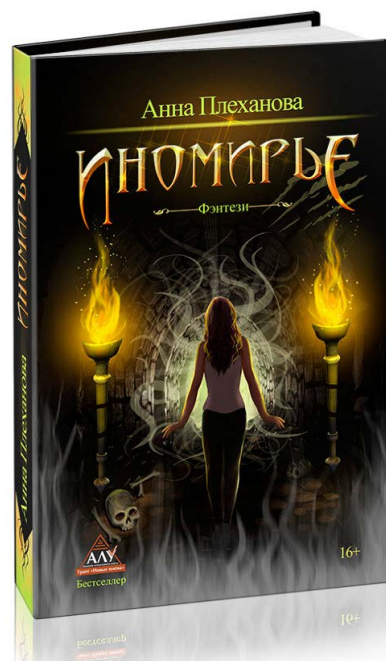
исходит несколько иначе. Я просто сажусь к компьютеру в любое время суток и продолжаю писать оттуда, где остановилась в прошлый раз. Я не могу сказать, где черпаю идеи, когда описываю другие планеты. Возможно, подключаюсь к хроникам Акаши и просто вижу иные измерения. ☺

– Верите ли Вы, что человек не единственное разумное существо во Вселенной? Как Вы относитесь к свидетельствам «очевидцев», наблюдавших НЛО?

– Да, я верю в то, что разумных существ во Вселенной великое множество. Об этом свидетельствуют и многие археологические раскопки, и некоторые древние источники. Более того, наука не может опровергнуть подобную точку зрения. Что касается очевидцев, видевших НЛО, то, наверное, с кем-нибудь из людей, живущих на Земле, и происходили подобные события. Я, по крайней мере, такое допускаю.

– Хотели бы Вы побывать на других планетах? Что ожидали бы там увидеть?

– Я очень много размышляю о том, как всё устроено в нашем мироздании. Смотрю об этом документальные фильмы. Читаю

Купить книгу
knigi-market.ru/inomire-anna-plekhanova

¹ Крадолла – вымышленная планета из книги А. Плехановой, населённая существами, владеющими высокими технологиями, но не способными к творчеству. – Прим. ред.

соответствующую литературу. В своих собственных книгах пытаюсь создавать удивительные миры с их необыкновенными жителями. Разумеется, если бы мне выпал шанс отправиться на другие планеты, я бы воспользовалась им не задумываясь. Что бы я ожидала там увидеть? Об этом я во всех подробностях рассказываю на страницах своих книг.

– А параллельные миры, на Ваш взгляд, – это реальность, или всё же вымысел, который годится только для страниц романов?

– Мне кажется, что параллельные миры не фантастика. Ко всему прочему, многие учёные пытаются выяснить это опытным путём. Надеюсь, что рано или поздно им это удастся. Но так как всё неизведанное вызывает неподдельный интерес, то вполне заслуживает того, чтобы появиться на страницах фантастических романов.

– Герои Вашей первой книги «Переплетения смерти» реинкарнируют. Верите ли Вы в возможность перерождения? Кстати, «год 3UF29» – это когда?

– Я верю в реинкарнацию, так как в противном случае для меня просто теряется смысл бытия. Ведь перерождение даётся людям не просто так. С каждым новым витком мы приобретаем более высокий уровень сознания или же, наоборот, деградируем. К сожалению, многие люди рождаются только для того, чтобы вести обывательский образ жизни. Они даже не задумываются о том, зачем пришли в мир, каковы их задачи и что ждёт впереди. А что касается года 3UF29, то он наступит на Земле через миллиард лет. Я не знаю, как будет обозначаться летоисчисление в этот период времени. Возможно, не так, как сейчас. Чтобы не писать слишком много нулей, можно будет использовать какие-то сокращения. А так как язык будущего тоже загадка, то я взяла условные буквы.

Купить книгу
knigi-market.ru/anna-plekhanova

– Работаете ли Вы сейчас над новым романом? О чём он будет? В каком жанре и сеттинге?

– Да, сейчас я пишу новую книгу. Она тоже будет в жанре фэнтези. В ней я опираюсь на древнеиндийские веды, но, разумеется, эти знания полностью перемешаются с моей фантазией. Замысел книги заключается в переосмыслении истиной сути жизни.

– Что бы Вы пожелали читателю, который только собирается знакомиться с Вашими романами?

– Мне бы хотелось, чтобы читатели просто наслаждались чтением. Путешествовали вместе с героями моих книг, сопереживали им, удивлялись необычным местам и испытывали целую гамму эмоций.

– Спасибо, Анна! Уверена, читатели никогда не забудут путешествия по мирам и эпохам в компании Ваших героев. Удачи Вам во всех начинаниях!

Екатерина Кузнецова, пиар-менеджер издательства «Союз писателей»

Читайте рассказ Анны Плехановой на с. 65!

Женское счастье глазами героинь

Ларисы Агафоновой

Что такое женское счастье и как его найти? Этот вопрос милые дамы задают себе испокон веков. К сожалению, жизнь гораздо чаще преподносит испытания, чем моменты чистой, ничем не омрачённой радости. По крайней мере, так утверждают скептики. Но как не хочется верить их словам! Как хочется надеяться, что «синяя птичка» может залететь в любое окошко уже сегодня или максимум завтра!

О любви, о счастье, о женщинах и их тайнах на страницах своих книг говорит писательница и психолог Лариса Агафонова. За несколько лет сотрудничества с новокузнецким издательством «Союз писателей» писательница выпустила романы «Счастливой быть не запретишь» и «Надо только научиться ждать», повествующие о непростых судьбах, жизненных проблемах и том самом прекрасном и светлом ощущении счастья, достичь которого пытается каждая из нас. А под занавес 2018 года свет увидела ещё одна книга автора, «Кладовая женских тайн».

Предлагаю поговорить о новинке и выяснить, кто стал героинями историй, попавших в сборник. В интервью с Ларисой Агафоновой мы узнаем всё самое интересное о книге и женском счастье из первых уст.

– Здравствуйте, Лариса! Поздравляю Вас с выходом новой книги. Сборник «Кладовая женских тайн» стал для Вас третьей книгой. Со временем ощущение радости от публикации притупляется или наоборот? Что Вы чувствуете сейчас, когда держите в руках своё детище?

– Спасибо, Екатерина! У меня сейчас состояние абсолютной внутренней гармонии. А как иначе? Творчество – это такой процесс, по итогам которого ты либо получаешь удовольствие, либо нет. Первый вариант гораздо интересней.

Ощущение становится другим: эмоции не застревают в груди, как с первой книгой, когда, казалось бы, дышать забываешь от волнения и счастья.

Сейчас очень хочется делиться радостью. У меня впечатление, что от меня идут такие искры, как во время фейерверка.

Вы, кстати, абсолютно точно сравнили книгу с ребёнком. Он пока ещё маленький, о нём хочется заботиться, вести его к читателям, говорить о нём постоянно, так же, как любой родитель говорит о своём малыше. И не важно, первенец это или третий ребёнок. Конечно, когда я говорю о третьей книге тем, кто уже прочитал первые две, я встречаю гораздо большие интерес и внимание, потому что моя читательская аудитория уже готова познакомиться с новой книгой.

– Кто стал героинями Ваших новых историй? Имеют ли эти женщины прообразы в реальном мире?

– Я как раз недавно проводила в социальных сетях опрос среди творческих личностей на тему «внедрения» прототипов и прообразов в литературные произведения. И результаты впечатляют: многие авторы с удовольствием используют прототипы.

Что касается моих произведений, стать героиней моего романа, повести или короткометражки в тексте довольно сложно. Я редко «срисовываю» с натуры.

В моих героинях есть черты характера, иногда маленькие факты биографии друзей, близких или дальних знакомых, по крайней мере, в паре рассказов точно. Но это как мираж: иногда друзья, читая мои книги, говорят: «Кого-то вроде бы напоминает этот персонаж, а кого, не вспомню».

Однако довольно часто, подмечая мимолётный образ, я забираю его в свой сундучок персонажей и в нужный момент, порывшись в сокровищнице, выуживаю подходящий и примеряю его, например, на главную роль. Жизнь гораздо богаче человеческой фантазии, и почему бы не воспользоваться этим в своих интересах?

Книга в каталоге
knigi-market.ru/3784

– Чья история Вам ближе всего и почему? Есть ли героиня, с которой Вы себя ассоциируете?

– Пожалуй, ни с кем из героинь я себя не отождествляю. Но я слышу и чувствую каждого своего персонажа, вживаюсь, как артист на сцене, в его роль, плачу вместе с ним, грущу, злюсь или радуюсь. Иначе я бы не смогла вдохнуть «настоящее» в своих героев, сделать их понятными для читателей. Увлечь книгой можно, лишь подтолкнув, заставив читателя сопереживать персонажам, полюбить или возненавидеть. Вот тогда книга зацепит и оставит свой след в душе.

Мне порой хочется быть похожей на Снежку, которая не побоялась пересудов и круто изменила свою жизнь.

Я горжусь талантливой певицей Натали, справившейся с негативом, отравляющим её душу.

Я бы хотела, чтобы у меня была подруга, похожая на Свету, заражающая своим спокойным оптимизмом, и гордая и немного колючая Ежевика, идущая к своей цели, не смотря ни на что.

– Где искать надежду, когда сердце разбито? Есть ли шанс в реальной жизни встретить принца из сказки и стать Золушкой? Некоторым Вашим героиням повезло. Какова вероятность, что повезёт и читательницам? И что для этого необходимо?

– В моих историях нет Золушек и фей. Пожалуй, единственная, кто приблизился к этой волшебной роли Золушки, попавшей под чьё-то покровительство, – это Айгуль. Потрясающая девочка, практически тургеневская книжная барышня. Она заслужила свой островок тепла, свой «Домик книго-чая». Рядом с ней легко и спокойно, и она точно придётся по душе тем, кто ищет в книгах романтику.

Да, многие девушки мечтают о принце, пусть не на белом коне, а на чёрном «мерседесе». Так ведь и принцы попадают разные – потом не отделаешься.

А если серьёзно, то я уверена, что каждый из нас сам решает, кто он: королева или служанка, принц или привратник. И дело не в том, где и кем человек работает, сколько

зарабатывает, а в чувстве собственного достоинства.

Что нужно, чтобы повезло? Не ждать, что повезёт и кто-то другой придёт и решит все проблемы (хотя иногда очень хочется, и это тоже нормально), а двигаться вперёд и вверх. Именно на этом пути каждый из нас рисует сценарий своей счастливой жизни. Может быть, и в компании принца, кто знает.

*И в «надцать» лет я снова на коне,
А принц на пони гулко дышит в спину.
Медаль за верность припасите мне!
В любовь я верю. Принца жду... с повинной.*

Когда мы встречаем любовь, сами по кирпичику строим свои королевства и становимся в них королями и королевами. Я неисправимый оптимист и верю, что каждый человек рано или поздно встретит своё настоящее счастье. Надо только выучиться ждать!

– Как истинную любовь отличить от пагубной и разрушительной страсти? Где проходит невидимая грань между эмоциональными и токсичными отношениями, и как её разглядеть?

– Если бы можно было зайти в аптеку и купить прибор для измерения влюблённости, как, например, градусник или тонометр, то, наверное, изобретатель этого устройства обогатился бы за одну ночь. Но, к счастью, такого прибора нет. Почему «к счастью»? Да потому, что пропала бы тайна любви и арифметика страсти. А куда ж без них?

Токсичные отношения в парах – очень актуальная тема, по ней есть множество литературы, в психологии ей уделяется много внимания, и не зря. Я не буду углубляться, остановлюсь на трёх моментах, в которых чётко видна грань между влюблённостью и токсичной зависимостью.

Если только один партнёр готов приносить в жертву свои интересы, а второй благосклонно принимает их.

Если один из партнёров постоянно придирается к другому, выискивая недостатки во внешности, умственных способностях и манерах, а второй безропотно выносит это.

Если одного из партнёров физически начинает трясти при появлении другого, и

не от любовного волнения, а от осознания того, что сейчас он услышит нечто гадкое или обидное.

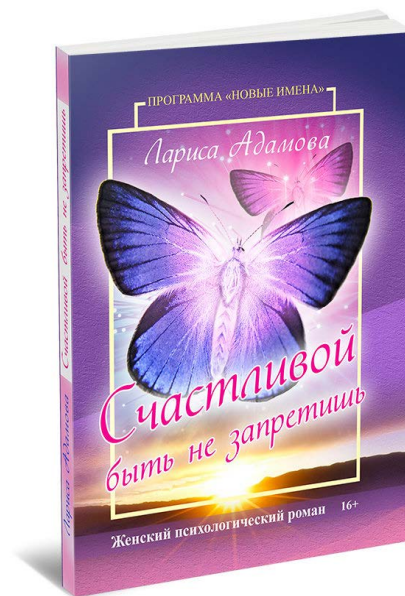
Вот такие отношения нужно прекращать, они не только не приносят ничего хорошего, они ранят, разрушают, отнимают самое драгоценное, что есть у человека, – время для настоящей любви.

– Как и в жизни, некоторые героини Ваших историй пережили обман и предательство близких людей. Есть ли гарантированный способ избежать подобных ситуаций или хотя бы минимизировать риски?

– Тема очень сложная, если говорить о настоящем предательстве, а не о тех случаях, когда мы приписываем другому человеку несвойственные ему мысли и поступки.

Предательство всегда оставляет след в душе, порой человек закрывается и теряет веру в любовь или дружбу. Но гарантий избежать подобных историй не существует.

Гарантии и реальная жизнь – несовместимые понятия. Невозможно предугадать действия другого человека, спрогнозировать его поведение в той или иной ситуации, но можно говорить о своих страхах, опасениях, недовольстве, не загоняя отрицательные эмоции внутрь. И быть услышанным!

Книга в каталоге
knigi-market.ru/2311

– В Вашем сборнике можно найти истории о девушках, решения которых кажутся сомнительными, противоречат установкам семьи и принятым в обществе нормам. При этом говорится практически прямым текстом, что родственники должны принять этот выбор и поддержать, когда их умненькая и образованная дочь, например, выбирает профессию дворника. То есть речь идёт о классическом дауншифтинге. Как Вы лично относитесь к этому явлению? Как должны реагировать на него близкие люди?

– Позволю себе не согласиться с тем, что моя героиня Снежка, а речь может идти только о ней, становится классическим дауншифтером.

О дауншифтинге можно говорить, когда налицо переход с высокооплачиваемой, стрессовой и отнимающей свободное время работы на спокойную и низкооплачиваемую. Человек при этом минимизирует свои потребности и социальные установки, довольствуясь малым.

Так вот, Снежка продолжает писать высокооплачиваемые статьи, что позволяет ей вести прежний образ жизни, но открывает для себя новую сторону жизни, в которой она, да, становится дворником, но таким немодным способом пытается сделать мир чуточку лучше. А удаётся ей это или нет – решать, безусловно, читателю.

И чистая психология: поддерживать или не поддерживать родителям решения своих детей. Да, здесь не может быть другого ответа. Воспитывать можно маленьких детей, закладывая в них основу, а взрослых отпрысков можно только поддерживать и помогать им. Но не бездумно и равнодушно, а искренне и честно. Хотя это, безусловно, может оказаться сложным решением.

– Что такое счастье, из чего оно складывается, и в каком возрасте его проще найти: в двадцать или в пятьдесят?

– Счастье, не побоюсь ответить банально, у каждого своё. Поспорию немного с Львом Николаевичем Толстым и его знаменитой фразой в «Анне Карениной» про счастливые семьи. Я абсолютно точно уверена, как психолог, который всё время стал-

кивается с желанием клиентов стать счастливыми, что нет одинаковых установок, нет любви, одинаковой для всех.

Даже если женщина хочет простого семейного счастья, то нюансы, картинки, визуализации у всех свои собственные. Счастье – и в реализации амбиций, и в детях – у каждого своё. И у женщин, и у мужчин. Как отпечатки пальцев уникальны, так и люди тоже уникальны. И, конечно же, нет возрастного или гендерного ценза для счастья. Мы складываем пазлы своего собственного мира, и какая картинка получится в итоге, знает только тот, в чьих руках очередная частица мозаики. Счастливым быть не запретишь!

– Как Вы считаете, понятие счастья для мужчин и для женщин одинаковое или отличается кардинальным образом?

– Психологические исследования давно подтвердили: мужчины и женщины настолько разные, что абсолютно в любой сфере жизни проявляются уникально. И в любви в том числе.

Самое простое – это спросить любимого человека, что ему нужно для счастья. А мы зачастую думаем, что наш партнёр сам догадается. Нет, не догадается. Разве только, если вы живёте вместе много лет и знаете друг друга как таблицу умножения (если вы её ещё помните, конечно).

И это здорово, что мы разные! Что может быть лучше, чем открывать для себя мир другого человека, читать его историю, прикасаться к тонким стрункам души!

Есть замечательная техника Гэри Чепмена «Языки любви». Она отлично работает тогда, когда нужно понять, как вы выражаете свои чувства и чего хотите от партнёра. Мы порой забываем, что с течением времени люди меняются: наше представление об идеальном спутнике жизни в двадцать и в пятьдесят – разное. И счастливы будут только те пары, которые развиваются и меняются синхронно, оказывая друг другу помощь и поддержку.

– Пробова Вы написать рассказы, где вместо женщин главными героями становятся мужчины? Как думаете, у Вас получилось бы? В чём принципиальное отличие?

– Главный герой – мужчина – это очень заманчивый сюжет. И я к нему подступаю. Как-то так складывалось, что пока мужчины галантно уступали дамам место впереди. Некоторые из них становились той самой каменной стеной, за которой так приятно спрятаться, другие бежали с поля боя, оставляя женщин в одиночестве разбираться с завалами. А некоторые продолжают идти рядом, отгоняя девушку своей мечтой.

– А Вы не думали о том, чтобы одну или несколько историй из новой книги дополнить и из рассказа превратить в роман? Как считаете, чья судьба подошла бы для этого лучше всего и почему?

– Катерина, Вы точно умеете читать мысли. Я не просто об этом думала. Мой следующий роман, где главную героиню, кстати, зовут Катя, родился из рассказа. Сначала это была небольшая история девушки, не умеющей строить отношения с мужчинами из-за психологической травмы в юности. Девушки очень сильной, застёгнутой на все пуговицы, я бы сказала, и очень ранимой одновременно. Маленькая такая история, страниц на пятнадцать. Я её написала и положила «на полочку».

А потом мои герои просто взбунтовались и не давали мне спать. Мне снилось продолжение их отношений, и я спешно записывала в заметки новые повороты сюжета. Их диалоги мешали сосредоточиться на следующем рассказе, а я как раз находилась в состоянии бума рассказов. Я практически силой заставила замолчать активных персонажей, пообещав себе (а может быть, всё-таки им) вернуться к Катюше и её истории.

И после того, как я выпустила из рук «Кладовую женских тайн», передав её на вёрстку, я открыла файл с разросшимся рассказом. И очень надеюсь, что мои герои ещё не передумали становиться персонажами нового романа.

– А что насчёт фильма по Вашим книгам? Если бы Вам сделали такое предложение, как бы Вы к нему отнеслись?

– Конечно, я бы очень хотела, чтобы по мотивам моих романов был снят художе-

ственный фильм или сериал. На эту мысль меня натолкнули читатели, когда стали присылать описание моих героинь, придумывая сцены, которых не было в тексте книги. И спрашивали, а будет ли продолжение книжного «сериала». Это настоящее чудо, когда твои персонажи нравятся читателям, вызывают у них эмоции и желание следить за их приключениями. Такое вот писательское счастье.

– Есть ли у Вас творческие планы на ближайшее будущее?

– Пожалуй, не ошибусь, если скажу, что творческий процесс нельзя совсем остановить. У писателей и поэтов не бывает полноценного отпуска, когда сложил на полочку бумаги и ручку и уехал на месяц отдыхать.

Можно, конечно, встать из-за компьютера, свернуть файл с пятой главой романа, установить будильник на послезавтра, чтобы вернуться к любимым героям.

Я иногда беру такую условную паузу и коллекционирую эмоции. А потом выплёскиваю их на бумагу. Сейчас я как раз разбираю очередную коллекцию. И творческих планов море. Кстати, море для меня – отличный вариант перезагрузки перед погружением в новый сюжет.

Впереди моих читателей ждёт новый роман, несколько рассказов уже готовы, задуман сборник стихотворений, к созданию которого я уже давно хочу приступить.

*Счастье пахнет плюшками с корицей,
Долгим школьным летом без забот.*

*«Пусть же это счастье повторится», –
Загадала я под Новый год!*

Уверена, что все желания, загаданные читателями журнала под Новый год, уже начали сбываться! Я желаю всем новых идей, творческих открытий и отличного настроения!

– Спасибо, Лариса, за интересную беседу. Хочется верить, что все Ваши желания сбудутся в 2019 году, все планы осуществятся, все идеи воплотятся в жизнь. Удачи Вам, Вашим книгам и Вашим читателям!

«Приключения в драповом королевстве» Людмилы Шмидт

Нет такого ребёнка, который не хотел бы попасть прямо в сказку и там стать настоящим героем. Что уж греха таить, спасти целый мир кажется привлекательным не только мальчишкам и девчонкам, но даже их родителям. Только у ребят фантазия более бурная, а мечты более яркие. А значит, в чудо верят они сильнее, что увеличивает их шансы преодолеть барьер между реальным миром и волшебным и совершить что-нибудь, о чём уже никогда не забудешь, даже когда вырастешь.

Издательство «Союз писателей» и Людмила Шмидт предлагают всем маленьким авантюристам посетить страну из своих снов и пережить «Приключения в драповом королевстве». Новая книга отличается динамичным сюжетом, живыми и необычными героями, вечной битвой Добра со Злом, позитивным посылом и поучительным смыслом без занудства и морализаторства.

Главная героиня истории — обычная девочка, что позволит ребятам с лёгкостью представить себя персонажем истории и перевоплотиться в Наденьку. Малышка своими руками создала нечто особенное и удивительное, а именно — существо из драпа, ленточки и мячика — настоящую крокогусеницу. Немного фантазии и капелька магии, и вот уже новый друг превратился в живое существо. Оказывается, желание творить и создавать родилось у Наденьки не просто так. Это королева волшебной страны прислала к ней свою племянницу. Сейчас драповое королевство переживает не лучшие времена. Злобная Молина и её слуги угрожают разрушить всё до основания. Говорят, спасти ситуацию может лишь семилетняя девочка, которая умеет читать и писать. Конечно, на белом свете полным-полно таких девочек. Но нужна особенная. Удастся ли Наденьке выполнить предназначение или произошла ошибка? А может быть, на месте героини способен оказаться любой читатель? И даже вовсе не обязательно девочка?

Книга Людмилы Шмидт — это возможность поверить, что каждый сон, каждая

Купить книгу
clck.ru/F2egX

игра могут обернуться явью и подарить удивительные мгновения. История поможет ребятам научиться мечтать, вызовет желание больше читать и непременно подтолкнёт к творчеству. Ну а истины и веч-

ные ценности, без которых не обошлось на страницах, разовьют лучшие стороны их характеров, заставят обратить внимание на ошибки и больше никогда их не совершать.

«Вчерашние небеса»: Фантазмагорический калейдоскоп событий и тайн

Наш мир — это лишь то, что мы видим перед глазами и можем потрогать? Всё, что не вписывается в научную картину и не подлежит толкованию с помощью чётких формул, в которых много чисел, но мало души, не имеет права на существование? Как это скучно! А что если позволить некоторые допущения и не запира́ть свой разум в границы, раз и навсегда установленные правилами и стереотипами?

Издательство «Союз писателей» и Игорь Плетинский представляют вниманию читателей, которые готовы поверить в большее, чем способны воспринять их собственные органы чувств, сборник рассказов «Вчерашние небеса». На страницах разворачивается настоящая фантазмагория, изобилующая яркими красками, неожиданными поворотами и увлекательными сюжетами. Невозможность перестаёт казаться такой однозначной. Герои историй сталкиваются с ситуациями, которые, как нам кажется, с нами никогда не произойдут, да и кому-то другому разве что присниться могут. Они развиваются в разные эпохи и неизменно преподносят сюрпризы, от которых захватывает дух.

Писатель, обладая необычайно богатым воображением, предлагает вернуться в прошлое и оттуда, из глубокого Средневековья, взглянуть на суматошную жизнь в двадцать первом веке. Он приглашает посетить настоящее чистилище, манит читателей к далёким звёздам, чтобы разгадать величайшие тайны Вселенной. И, конечно, каждый

Купить книгу
knigi-market.ru/vcherashnie-nebesa-igor-pletinskiy

желающий может примерить на себя какую-нибудь сверхспособность, чтобы понять — благо это или зло.

Чего же вы ждёте? Пришла пора забыть о бесконечных делах и, вынырнув из бездонной пропасти Интернета, совершить прогулку по невероятному миру «Вчерашних небес»!

Нереальные рассказы Марины Сливко

«Невозможно». «Нереально». «Такого просто не бывает». «Да вы с ума сошли!» Вот слова, которые мешают нам верить в чудеса и чувствовать себя счастливыми. Раздвинуть границы собственного сознания и поглядеть на мир под новым углом зрения предлагают современным читателям издательство «Союз писателей» и Марина Сливко. Сборник рассказов «Нереальность» вышел в начале зимы и готов удивлять и поражать, околдовывать и очаровывать, наталкивать на размышления и делиться неожиданными идеями, которые изменят читателя навсегда.

На страницы попали очень разные по тематике и колориту истории, которые объединяет одно – твёрдая вера автора в возможность самого невозможного. Мир глазами Марины Сливко намного больше и многограннее, чем принято считать. А потому каждое её произведение не только дарит яркие впечатления и острые эмоции, но и помогает увидеть то, что обычно скрыто от глаз, подумать над тайнами мирозданиями и философскими вопросами, которыми полнится жизнь. А ещё они романтичны, полны сюрпризов и гармонично сочетают в себе неоспоримую правду бытия и яркую, самобытную фантазию писательницы.

Что именно ждёт читателя в сборнике «Нереальность»? Конечно, прежде всего – разговор с интересным собеседником. Если сесть в какой-нибудь поезд и заглянуть в одно из купе, порой можно услышать кучу неожиданного. Истории о снах, инопланетянах, странных женщинах, являющихся пассажирам в самых неординарных ситуациях... Не сомневайтесь, это будет очень захватывающе! Тем, кто хотел бы капельку жути, станет любопытно познакомиться

Купить книгу
knigi-market.ru/nerealnost-marina-slivko

с существами из «бабкиных баек». Если вы устали от рутины и однообразия, тогда вам придется по нраву рассказы о космосе, звёздах, пространственно-временном континууме. Ну а романтически настроенным читателям понравятся женские истории о любви.

Перелистнув первую страницу, меняешься навсегда. Вынырнув из Вселенной авторских фантазий, читатель с удивлением обнаружит, что вдруг оказался в мире, о котором ничего не знает, и с радостью примется познавать его заново, вооружённый новыми тайнами и готовый ко всему на свете!

Екатерина Кузнецова, пиар-менеджер издательства «Союз писателей»

25

Постижение смысла жизни происходит у поэта тоже через природу, о чём свидетельствуют соответствующие метафоры, метонимии, сравнения. Природа помогает увидеть всю суть в истинном свете. В этом идеальном мире более правы шорохи травы, нежели «шёпоты молвы». Зрение в этом будто бы параллельном измерении обостряется, слух улучшается, а сердце обретает тот самый мир, которого так не хватает в шумном городе:

*Мне летний вечер как вино.
Я жизни смысл постиг давно.
Он в том, чтоб волнам вопреки
Увидеть глубь реки.
Не слушать шёпоты молвы,
А слушать шорохи травы,
Смотреть на искры от костра
И слышать комара.*

Даже Нью-Йорк, такой «городской город», по-особому оживает под пером Сергея Скудаева в стихотворении «Дождь в Нью-Йорке». Совершенно неожиданно для читателя, который привык воспринимать эту локацию с позиций исключительно урбанистических, появляются такие родные, такие умиротворяющие тополя; поля, кажущиеся вполне отеческими:

*Мокнут над землёй тополя.
Весь ноябрь саднит на душе.
Вижу то Парквэй, то поля,
Белые под снегом уже.*

Для автора природа – одушевлённый предмет. А ещё её тишина таинственным образом даёт больше музыки, чем самые лучшие классические музыкальные образцы. И это тоже удивляет и одновременно восхищает поэта. Конечно же, для этого нужно, как минимум, «к соснам уйти от людей»...

*И почему шурианье трав,
И треск костра, и шелест листьев
Мне ближе Шуберта и Листа,
А крик ночной внушает страх?*

Величие природы и эстетический восторг от неё дополняются чудодейственной природной силой, способной существенно преобразовать человека, дарить ему не только новые силы, но и утраченную молодость, перечёркивать то, что, казалось бы, уже невозможно изменить по воле рока:

*Родниковой воды зачерпну,
Будто прошлую жизнь зачеркну.
Отопью и над сладкой водой
Распрямлюсь молодой-молодой!
Потечёт меж ладоней вода.
Затокует, засвищет в бору!
Я на свете не жил никогда.
Никогда-никогда не умру!*

В этих строчках появляется тема бессмертия то ли самого поэта, то ли его души, которая легко странствует по разным временным измерениям. Он жил всегда... И его единение с живой природой началось ещё задолго до этого, условно говоря, «сто-летнего отрезка»:

*Я не рождён – я жил всегда!
Я помню всё: звериный голод,
И жар костра, и камня холод,
И гордых мамонтов стада...*

Даже тема любви в поэтическом мире Сергея Скудаева вписывается в широкие рамки темы взаимоотношений человека с природой. Женщины изменчивы, а ветер всегда верен, женщина – рыба, а мужчина – птица, и они, как в какой-нибудь русской сказке, в итоге женятся. Приведём пример употребления подобных фольклорных мотивов:

*Полюбила рыба птицу,
Просит под воду спуститься.
«Средь кораллов и жемчужин
Будем мы женой и мужем...»
Молвит птица ей в ответ:
«Полетели на рассвет!
Там, над розовой скалой,
Станем мужем и женой!»*

Вся жизнь, несмотря на периодические вспышки красок, создающих иллюзию вечной прижизненной радости, априори всё равно ограничена собственным устьем. Перетечёт ли каждый конкретный человек после своего финала в какие-то иные реки, это вопрос, но predetermined десятилетия лет у него есть, и каждый вправе выбирать то ли яркий хаос, то ли мирную тихую идиллию.

Выбор того поэта, о котором мы начали разговор, очевиден:

*В рдеющих лесах берёзы полыхают,
И движется стекло медлительной реки.
Раздастся тихий всплеск,
И кто-то завдыхает,
Завозится в кустах,
И заскрипят мостки...*

Наталья Романова, кандидат филологических наук

Функции приёма ретроспекции в произведении Надежды Казаковой «Зеркало потерь»

В произведении «Зеркало потерь» талантливой современной писательницы Н. Казаковой использован приём ретроспекции, не очень типичный для жанра рассказа. Как известно, рассказ представляет события, ограниченные во времени и пространстве, развивающиеся вокруг одного персонажа.

Исследуя приём ретроспекции в рассказе, мы попадаем в сферу временных, пространственных понятий, а также их реализации в языке. Ретроспекция – это своеобразная пауза в процессе линейного развёртывания текста. Через неё осуществляется осмысление настоящего. Именно благодаря ретроспекции читатель в состоянии понять «связь времён» и проникнуть в замысел писателя.

Рассказ «Зеркало потерь» имеет мозаичную структуру, которая композиционно и стилистически выстраивается перед читателем к концу произведения.

Повествование начинается с ключевого момента – «ведущий хирург онкологического отделения» Денис Грозин, разработавший эффективный метод лечения ра-

ковых опухолей, едет на съезд онкологов, знакомит коллег со своей уникальной системой. Выступив с докладом, готовится отправиться на отдых к морю. Но планам не суждено сбыться: он получает телеграмму. В самом факте получения телеграммы нет ничего неожиданного, и автор это отмечает: «За эти дни он к телеграммам привык». Функция приёма ретроспекции в данном случае – показать состояние героя, который не ожидает тревожных известий. Затем Н. Казакова отправляет читателя в недавнее прошлое – к приятелю институтских лет Кириллу, где его застаёт звонок однокурсницы Леночки Новиковой. Это воспоминание о юношеской любви героя даётся неслучайно, оно добавляет штрихов к его портрету и – главное! – в повествовании впервые читатель встречается с упоминанием о матери: «Многие тогда из своих деревень и городков привозили пузатенькие баночки, наполненные земляничным, малиновым или вишнёвым вареньем, заботливо укуренные мамами с помощью блестящей кальки и перевязанные поверх неё суровой ниткой, но варенье, которое

было сварено мамой Дениса, пользовалось особой любовью девчат и парней: вкуснее и душистее него не было». Только после этих воспоминаний героя автор раскрывает содержание телеграммы: «Мама тяжело больна. Приезжай. Катя». Именно такое расположение временных явлений способствует лучшему осмыслению названия произведения – «Зеркало потерь».

Следующая часть рассказа Н. Казаковой кажется не связанной с известными читателю событиями. Она возвращает в далёкое прошлое, где писательница знакомит нас с пятнадцатилетней девушкой Ксенией, вопреки желанию родителей вырвавшейся из села в город: «в городе, поди, всё чище и лучше, чем в деревне, там и кинотеатр есть, и витрины магазинов – загляденье». Девушка целеустремлённая, трудолюбивая, сильная, она добилась многого. Но планы разрушила война. Очень трогательно прощание девушки с отцом, уходящим на фронт, и тут трагически звучит выведенный автором приём проспекции – обращение к будущему героини: «...как будто чувствовала, что в декабре, из-под Каширы, придёт на отца похоронка (погиб, защищая столицу на дальних подступах); до лета сорок второго будет мучиться разбитая после этого известия параличом мать, а дети, один за другим, начнут пухнуть от голода, и из семи до Победы доживут только двое».

Далее автор обращается к детству Дениса Грозина: родная мать погибла во время бомбёжки, и он с шестью сёстрами оказался в детдоме.

В следующей части линии двух людей – девушки Ксении и двухлетнего Дениса – пересекаются, и читатель может оценить подвиг девушки, которая отважилась в тяжёлое, голодное время взять к себе семеро детей. Благодаря приёму ретроспекции Н. Казакова показывает, как много значила для героя приёмная мать и каково ему было получить сейчас известие о её болезни.

К приёму ретроспекции писательница обращается и впоследствии: герои, встре-

тившись, вспоминают прошлое: голодные военные, трудные послевоенные годы, когда они остались без коровы-кормилицы. Это прошлое ещё более сближает их, на какое-то время облегчает боль матери и даёт почувствовать читателю, что герои – действительно родные друг другу люди.

И от этого горше в финале звучит признание: «Опоздал на полгода и навсегда к самому главному человеку в своей жизни». Объединение в тексте двух временных планов – «полгода» и «навсегда» совершенно оправдано: опоздать на полгода при онкологии – это значит опоздать навсегда. Известный в стране онколог, учёный оказался бессилён помочь «главному человеку» – матери, скончавшейся от рака.

Мозаичное повествование складывается в единую картину жизни героев. Функция ретроспекции заключается в том, что она интегрирует временные срезы рассказа. Иными словами, ретроспекция заставляет рассматривать произведение с точки зрения прошлого героев (детство, юность, зрелые годы), настоящего и даже в определённых условиях, имплицитно – будущего. Эта мысль хорошо выражена учёным М. А. Сапаровым: «Каждый временной срез произведения как процесса самовоспроизводящегося и синтезируемого в актуальном тождестве объекта и субъекта неминуемо объединяет: 1) уже осуществившееся, “выкристаллизовавшееся” и “затвердевшее” прошлое; 2) непосредственно переживаемое настоящее; 3) ещё не осуществившееся, но уже антиципируемое будущее» [М. А. Сатаров, 1998]. Ретроспекция в произведении выполняет и ещё одну важную функцию: она является важным компонентом порождения у читателя сопереживания. Дело в том, что читатель всегда подвергает получаемую информацию оценке – либо сознательно-аналитической, либо бессознательно-эстетической (нравится / не нравится).

Таким образом, приём ретроспекции, не вполне типичный для жанра рассказа, в произведении Н. Казаковой оказался оправ-

данным, потому что он помог раскрыть характеры главных героев, а также удержать внимание читателей, которые словно проживали жизнь вместе с персонажами, радуясь и страдая вместе с ними. Ретроспекция

в рассказе «Зеркало потерь», способствуя более глубокому пониманию взаимосвязи отдельных частей текста, обеспечивает их интеграцию и включает читателя в процесс сопереживания героям.

Л. А. Калинина, канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Глазовский государственный педагогический
институт имени В. Г. Короленко»

«Меч слова» в творчестве Александра Белкина

Главная идея сборника стихотворений Александра Белкина «Русский ковчег» – патриотизм. Это касается гражданской, пейзажной и даже любовной лирики поэта. Любовь к Родине, народу, традициям, русскому слову и природе переплетается с присущей поэту «жаждой смыслов и поиском добра». Это придаёт его творчеству глубину и наполняет особым содержанием, затрагивающим за живое.

Название сборника символично. Слово «ковчег» многозначное и знаковое для христиан. Оно вызывает прочные ассоциации с идеей спасения, пристанища, с идеей объединения многих народов, их возрождения. Русская земля, Россия, по глубокому убеждению автора, является таким ковчегом и выполняет важную миссию – не даёт погибнуть человечеству. Но для этого важно, чтобы каждый из нас осознавал, что нужно беречь язык, культуру, заботиться о своём духовном развитии.

«Языку языков всё подвластно!» – в этой строчке заключена суть отношения автора к родному слову, гордость за него, ощущение его святости и силы. А. Белкин вдумчиво и серьёзно использует языковые средства, переплетает строки в замысловатую вязь, в которой можно разли-

чить и славянские мотивы, и советские, и современные, отказывается от пустых, неактуальных, неважных и легковесных утверждений, надеясь своими стихами, сокрытой в них правдой вырвать читателя из уютного царства равнодушия и потребительства.

Поэт прекрасно понимает, что «меч слова обоюдоостр, разит и правых, и неправых», но всё же использует его. Сладкие пилюли не то лекарство, которым он рассчитывает исцелить общество двадцать первого века от Зла и пороков. Нет, только с помощью меча-слова можно нести истину. И он бросает призыв, обращённый к русским людям, заблудившимся в дебрях «иностранины», подражательности и потерявшим связь со своими корнями (в то время как «корни, стволы и кроны – детища земли»). А. Белкин призывает вернуть самих себя, свою историю, свои традиции, свою землю – разрушенную, поруганную, пребывающую в духовном и материальном упадке:

*Земля моя! За годы потрясений
Всё предано и продано давно.
Поруганы святыни; нет сомнений:
Осталось что – на крест осуждено...*

Стремление отказаться от традиционных ценностей писатель считает главным бичом не только современности, но и прошлого страны. Ибо не сегодня начался этот бег в неизвестном, противоречащем нашему внутреннему духу, нашей ментальности направлению. В качестве одной из основных целей своего творчества Александр Белкин ставит поиск точки невозврата – момента в истории, когда славянское было вынуждено уступить пришлому, разлагающему русскую душу. А люди, поддавшись новым веяниям, начали свой путь в бездну. Трудно сказать, в древней ли истории искать эту точку:

*По пришествии варягов
Род, язык уничижён
Был словенов. Мы познали:
Кон латинян – страшный сон...*

или в более близкие к нам дни:

*Обгрыз историю России:
Пять с половиной тысяч лет
У нас украл царь Пётр. В силе
Тогда он был. Объездив свет...*

Стихотворение за стихотворением явно или исподволь не оставляет поэт своих размышлений, стремится проникнуть в суть законов мироздания, разложить по полочкам историю и, отбросив всё лишнее, всё чуждое, восстановить славянскую справедливость, вернуть русский дух на родные просторы. Всё остальное приравнивается в сознании писателя к оковам, препятствующим полёту, к Злу, разлагающему уже не снаружи, а изнутри. И потому пронзительно звучат слова:

*Цветок нездешний расцветает
На горсточке родной земли,
Но как спасти её – не знает...
А зла цветы горят вдали.*

Любовь ко всему славянскому находит своё отражение не только в высокопарных речах и попытках разложить по полкам

прошлое, но и в стремлении воскресить народную самобытность:

*И восстанем, как из пепла,
На измученной земле.*

Прах и пепел – именно такие слова выбирает Александр Белкин, чтобы охарактеризовать день сегодняшний – бездуховный, дающий богатую почву для развития «пошлости, мата, разгула».

Главными символами в сборнике поэта являются солнце и пламень – как древние источники тепла и света, разгоняющие тени и не позволяющие нечистой силе, злу в чистом виде захватить души, низвергнуть человека в вечность. Они же являются символами надежды и возрождения, в которое верит писатель. И эта вера расцветивает стихотворения, создаёт насыщенную атмосферу, перемешивая тона и прогоняя мрак из творчества автора и душ читателей:

*Звуки света пронзают меня,
И души расцветает природа
Под магическим куполом дня,
Что сверкает в сетях небосвода.*

Эту сияющую чистоту наполняет мелодия – исконно русская, сильная, высокодуховная и высоконравственная. Песнь народная, песнь соловья, песнь, которая всегда в сердце и дарует силы и новые возможности. Она очищает и освобождает, окрыляет (крылья и полёт – ещё два символа, близкие поэту) и согревает:

*Песня русская всё знает.
Как живой водой,
Наши души оmyвает,
И всегда с тобой!*

Слыша эту песнь, наслаждаясь ею, слышишь голос природы, которая щедра и прекрасна, благословенна и полна красок, насыщена эмоциями, изобилует настроениями, отзывающимися внутри каждого из нас своей собственной, особой нотой:

*Природа источает нежность,
Благоуханье и покой.
И я в зелёную безбрежность
Лечу крылатою душой.*

В «храм природы», где ждёт «благая весть», зовёт Александр Белкин своего читателя. Он рисует красочные картины, не жалея слов и проявляя недюжинную фантазию. Его метафоры необычны и яркие, граничат порой с фантасмагорией. Строки похожи на сны, на мечты, уносящие прочь от обыденного и повседневного, дают покой и манят в неведомые, чарующие дали, куда может добраться человеческая фантазия:

*Рыжей щёткою заката
Чешет солнце кудри сосен.
И мечтой земля объята,
И легка, прозрачна просинь.*

Но, несмотря на восхищение, поэт напоминает: природа – не всепрощающая и готовая бесконечно терпеть мать. Её терпение имеет границы. Перейдя черту, человечество рискует превратить любовь в ненависть:

*Природа вечная не любит человека,
способного смести
всё на своём пути.*

И это автор считает справедливым, правильным. Ибо видит зло вокруг и даже внутри себя. «И жаждет зла моя природа», – говорит он с болью, которая срывается со страниц и летит по миру.

Есть ли выход? Конечно! Александр Белкин на страницах сборника стремится най-

ти путь к свету. «Желай и создай, играя», – призывает он молодое поколение, наших современников, в руках которых будущее страны и мира. Ибо в глазах писателя «сам человек и Бог, и дьявол: он порождает рай и ад». А значит, ему подвластно изменяться и изменять. В его руках есть оружие, способное сделать мир лучше.

И так, шаг за шагом, строка за строкой, познакомившись с текстами Александра Белкина, прочитав его стихи, поэму, сказку, малостишия и зарисовки, вновь и вновь возвращаешься к символу слова-меча, который прорезает сознание, перекраивает души и сердца, заставляет думать и переоценивать привычные вещи.

Л. А. Калинина, канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Глазовский государственный педагогический
институт имени В. Г. Короленко»

Финальный праздник проекта «Три толстяка»

20 декабря в 14:00 у бывшего здания новокузнецкого кинотеатра «Коммунар» началось театрализованное завершение проекта «Три толстяка» (Санкт-Петербург – Новокузнецк), реализованного театром кукол «Сказ» в рамках Гранта Президента РФ на развитие гражданского общества при поддержке Администрации города Новокузнецка в партнёрстве и участии народного артиста России, Почётного гражданина Кемеровской области, художественного руководителя Московского Театра Олега Табакова **Владимира Машкова**.

Добровольными партнёрами проекта стали несколько учебных заведений и учреждений культуры Новокузнецка: ГПОУ «Новокузнецкий строительный техникум», МБУ «МИБС» (несколько подразделений), ГПОУ «Новокузнецкий педагогический колледж».

Театрализованное «восстание» началось на площадке под открытым небом в Снежном городке около «Коммунара», где под предводительством Кузнеца Просперо силы Добра вступили в противоборство с силами Зла.

Руководил праздником автор и художественный руководитель проекта, президент Международного фестиваля «Кукart» **Давид Бурман**, который и определил сверхзадачу действия – привлечь внимание к проблемам доступности среды для людей с инвалидностью.

Для реализации этой задачи у театра кукол «Сказ» силами волонтеров было создано креативное пространство, где пути самовыражения нашли все пришедшие на праздник – люди с инвалидностью, волонтеры, артисты и простые зрители.

«Восстание» – это проект-игра. Здесь все желающие попробовали себя в роли людей с ограниченными возможностями. Сидя на инвалидных колясках, они «восстали» против Трёх толстяков – Жадности, Лицемерия и Безразличия. Одновременно волонтеры из Новокузнецкого строительного техникума, Новокузнецкого педагогического колледжа и центра «Параскева Пятница» (МБУ «МИБС») в образах Горожан в специально изготовленных костюмах ремесленников устроили снежную баталию с Тремя толстяками (снежными головами).

И вот! Под предводительством ростовой куклы Кузнеца Просперо были прорваны лабиринты Снежного городка! Все участники благополучно добрались до сцены, где добрый Дедушка Мороз вручил участникам проекта подарки, а также пригласил на вторую часть праздника – в театр кукол «Сказ», где в 17:00 начался показ спектакля-эксперимента с участием непрофессиональных особых артистов (людей с инвалидностью).

Театр кукол «Сказ» не смог вместить всех желающих. Зрительский зал был переполнен. Вторая часть финала проекта «Три толстяка» превзошла все ожидания! В этом безусловная заслуга режиссёра-постановщика и автора работы с особыми артистами – заслуженного артиста России, заслуженного деятеля искусств Республики Крым **Юрия Самойлова**.

Юрий Алексеевич вместе с артистами предложил гостям совершить путешествие в один маленький город, где живут счастливые люди. И эти люди – мастера-ремесленники –

поведали каждый свою незабываемую историю. Получился импровизированный спектакль-откровение.

Замысел Юрия Самойлова – преодолеть себя, настроить на новое восприятие действительности, научиться побеждать пороки силой духа – полностью оправдался!

Пришедшие на финальный праздник горожане получили красочный буклет, повествующий обо всех этапах этого масштабного проекта.

ВМЕСТЕ МЫ СМОГЛИ!

Е. Э. Протопопова, член Союза журналистов России (МБУ «МИБС»),
Е. О. Бахарева (Новокузнецкий театр кукол «СКАЗ»)
Фото: О. Д. Анчкова

ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА

с Ларисой Агафоновой

Пять привычек творческой личности, или Как встретишь новый год, так его и проведёшь

Вы устали от праздников? Салаты и сладости вызывают желание сбежать от накрытого стола и немедленно сесть на диету, фейерверки и салюты не радуют, а незваные (или даже званые) гости с очередным тортом напоминают Винни-Пуха, застрявшего в норе гостеприимного Кролика? Мелькает робкая мысль, что пора бы вернуться к начатому роману, недописанной статье, забуксовавшему сюжету? Начать новую жизнь с понедельника, ну или хотя бы с первого февраля?

Налицо все признаки посленовогодней спячки. Давайте попробуем из неё выбраться! Готовы?

После отдыха зачастую тяжело входить в рабочий ритм, возвращаться к отложенным делам, справляться с полюбившейся ленью. И тут нам на помощь спешат волшебные палочки-выручалочки: **привычки!**

Привычка – это сформировавшийся способ поведения, осуществление которого в той или иной ситуации приобрело для человека силу потребности. В психологии образование привычек определяют как свойственную всем живым существам выработку ответной реакции на стимул. И самое приятное: привычка – действие, которое возникло постепенно, в результате повторения, и теперь выполняется само, *без усилий воли*.

Мы привычно застилаем по утрам постель, делаем зарядку (как, разве вы не делаете?) и завариваем ароматный чай. И практически не прикладываем усилий для выполнения этих действий.

Почему же тогда мы порой не дописываем начатое произведение, бросаем на полпути редактуру текста, получив отрицательный отзыв, откладываем в дальний и очень неудобный для пользования

Лариса Агафонова – кандидат психологических наук, доцент, автор более ста работ в области психологии, филологии и педагогики.

сундук неприятные задачи? Да потому, что наши творческие привычки не стали частью жизни. Но обязательно станут!

ЧТО НАМ ДАЮТ ПОЛЕЗНЫЕ ПРИВЫЧКИ?

✓ *Освобождают время.* В современном мире, где задачи и цели меняются так же быстро, как пролетающие мимо картинки во время спуска в стеклянном лифте, это один из самых важных ресурсов

✓ *Организуют и упорядочивают пространство.* У вас сто тридцать две задачи на неделю: дописать, отредактировать, начать... Привычка расставлять приоритеты поможет не сломаться под их тяжестью.

✓ *Вселяют уверенность* в том, что задача будет выполнена (даже если, глядя на задачу, хочется развернуться на 180 градусов и сбежать). А значит, уверенность в себе и своих силах!

✓ *Ведут к достижению цели.* А кто, кроме вас, знает привычки и характер ваших персонажей? Кто справится с распоясавшимся героем? Кто поставит финальное многоточие в романе? Только вы!

А ТЕПЕРЬ САМОЕ СЛОЖНОЕ: ПРИРУЧИТЬ И УДЕРЖАТЬ!

Что нужно сделать, чтобы сформировалась та самая, необходимая привычка?

➤ **Во-первых**, нужна *искренняя заинтересованность*. Если вы не хотите достичь результата, если сомневаетесь в необходимости пусть даже самой полезной привычки, то ничего не выйдет. Вот сколько раз вы начинали делать зарядку по утрам? Вы в теории всё знаете про здоровый образ жизни и даже купили велотренажёр, но он так и служит удобной вешалкой для одежды (очень надеюсь, что не у всех).

➤ **Во-вторых**, вам нужно понимать, что у вас есть *возможности* для претворения сегодняшней сокровенной мечты в жизнь (написать роман-автобиографию, например). Если же вы точно знаете, что в ближайшее время у вас по вполне объективным обстоятельствам не будет возможности каждый день проводить за письменным столом не менее двух часов, то попытки сформировать привычку превратятся в пустую фантазию.

➤ **В-третьих**, надо точно представлять (можно прямо визуализировать с закрытыми глазами) результат, который последует за новенькой, «сверкающей» привычкой. Если вы «видите» свой новый сборник стихов о любви на полках книжных магазинов, мысленно листаете его и проводите встречу

с читателями, то привычка не бросать начатое после первой не самой приятной рецензии вам здорово поможет.

ПЯТЬ ПОЛЕЗНЫХ ПРИВЫЧЕК ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

(на самом деле их гораздо больше)

❶ *Дописывать начатые тексты до конца!* Как бы ни надоели строптивые герои, как бы ни буксовал сюжет, пробирайтесь к своей цели (а она у вас точно есть): сто страниц, восемь авторских листов или второй том трилогии.

❷ *Не откладывать неприятные и сложные задачи* на понедельник, первую субботу следующего месяца или вообще на потом! Вы опасаетесь звонить в редакцию и напоминать о том, что отправили рукопись месяц назад? А кому, собственно, нужен этот звонок? Вот именно, вам! Звоните прямо сейчас!

❸ *Отключаться от социальных сетей* во время работы над текстом. Представьте, что вы находитесь в прошлом веке, когда Интернет ещё не стал лучшим другом/злейшим врагом; помощником/пожирателем времени (выбирайте нужное), и вам негде ставить лайки, писать комментарии и смотреть фотографии (тяжёлые бумажные альбомы не в счёт). Не отвлекайтесь от текста, и вы удивитесь, увидев результат.

❹ *Переключаться!* Если вы зависли окончательно, вдохновение упорхнуло на каникулы, ничего страшного! Вам тоже не помешает отдых и поиск свежих идей. Прогуляйте себя или собаку (если есть), сходите в боулинг, на выставку коллажей, сами нарисуйте что-нибудь. Кстати, арт-терапия – отличный способ привести мысли в порядок. И встречайте свою музу хлебом-солью!

❺ *Верить, что успех и признание обязательно поступчатся к вам!* Надо только выучиться ждать!

Друзья! Напишите в обсуждении рубрики, какие привычки прочно вошли в вашу жизнь! Поделитесь с коллегами секретами успешного творчества! (vk.com/topic-106097458_38743510)

Анна Васильева

Москва

Выключи эту штуку

Меня зовут РМВ-10. Имя вполне обычное для нашего городка. Р – это значит «ребёнок». М – «мальчик». 10 – мой возраст. Вот только, что такое «В», даже мои родители не знают. Чтобы прекратить вопросы, отец как-то сказал: «Наверное, ты у меня особенный! И тебя ждёт что-нибудь необычное!» Мама тут же зашикала на отца: «Тише! Вдруг Охранители Спокойствия услышат!» Не понимаю, чего их все так боятся? В нашем городке спокойнее, чем в кружке с киселём. Все соблюдают Главное Правило – никогда не выпускать из рук Передатчики. Это такие аппараты небольшие, с экраном. Мама говорила, что во времена её бабушки их называли смартфонами.

Наши Передатчики никогда не спят. На них всё время что-то приходит. Охранители следят за этим. Детям приходят задания для онлайн-игр, взрослым – что-то своё. Наверное, очень скучное. Как-то я увидел сообщение на мамином Передатчике. Там был какой-то новый рецепт пирога и задание: «Сегодня вы убираете квартиру». Значит, на ужин будет что-то необычное и

мама будет кружить по дому с пылесосом и тряпкой. Но все в нашем городе знают: важно не только задания выполнять, но и вовремя Фото в Сеть выкладывать. Не увидят Охранители отчёта рядом с именем к сроку – наведаются к нарушителю и заладят: что? почему? а покажите Передатчик... Целый день на это уйдёт. А если несколько раз проштрафиться, то проблемы посерьёзнее могут грозить. А кому неприятности нужны? Вот все и соблюдают Главное Правило.

Я его нарушу. Мы с моими друзьями РМ-12 и РМ-9 решили: кто на новую цифру переходит, взрослеет то есть, должен совершить что-то особенное. Только никак придумать не могли что. И тут я возьми, да ляпни: «У кого день рождения, тот должен один ночью к Старухе в дом забраться!» Сказанул, так сказанул. У приятелей глаза загорелись. И тут я понял, что ближайший день рождения – мой.

Дом Старухи – на самой окраине. Да и не дом это вовсе. Её обиталище раньше «библиотекой» называлось. Так написано на старой вывеске над крыльцом. Я видел Старуху летом. Шёл из школы, а она попалась мне навстречу. Прямая, как палка, в старомодном сером платье. Седые волосы собраны в узел. Необычными мне показались её глаза. Синие-синие, как весеннее небо. Хотя, может, я ошибся – некогда нам вверх и по сторонам глазеть. Вдруг на Передатчик придёт что-нибудь? Старуха прошла мимо, а меня как водой ледяной окатило – её руки, худые руки с длинными пальцами были свободны!

Я помчался домой со всех ног. Закричал с порога:

– Старуха ходит без Передатчика! По улице! Я её видел!

Мама побледнела и закрыла рот ладонью. Отец подскочил ко мне и тряхнул за плечи:

– Никогда, слышишь, РМВ-10, никогда не приближайся к ней! Эта женщина опасна!

Он тряс меня, едва дух не вышиб. Конечно, я пообещал, что на пушечный выстрел к ней не подойду. К той, которая либо без-

умна, либо храбрее всех людей на свете. Но про библиотеку-то он не говорил, а значит, туда – можно.

Вечером после школы, прощаясь с РМ-12 и РМ-9, я пообещал, что раз мы договорились, то ночью я пойду в библиотеку.

– А ты не струсил? Не обманешь нас? – недоверчиво покосился на меня РМ-9.

– Я пришлю Фото вам на Передатчик. Обещаю.

Мы расстались. Весь вечер я был сам не свой, отвечал невпопад, целый часковырялся в тарелке – пропал аппетит. Меня трясло от волнения. А вдруг она действительно опасна? Я слышал, как наша соседка говорила сыну: «Не будешь есть кашу, придёт Старуха из библиотеки и заберёт тебя!»

А если она и меня в своё логово утащит? А вдруг там, в темноте, живёт то, с чем не хотят встречаться даже Охранители? Мне было страшно. Но прослыть трусом я боялся ещё больше.

Ночью я незаметно выскользнул на улицу и побежал к старому дому на окраине. Ладонь сжимала Передатчик. Я чувствовал, как она стала противно липкой от пота. По спине от каждого шороха пробежали стада мурашек. Оборачиваясь, как заяц на каждый куст, я добежал до библиотеки и замер.

Одно из окон светилось. Старуха была дома. Я кружил перед дверью. Синие буквы с любопытством глядели на меня сверху. «Библиотека», «Библиотека». А зачем она вообще нужна-то была? Что там?

Я потянулся к дверной ручке. Заперто! Ладно, тогда сделаю Фото и отправлю. Пусть РМ-12 и РМ-9 знают – я не трус! Настроил камеру, направил её на синие буквы, и вдруг дверь распахнулась. Странный густой запах чуть не сбил меня с ног. Я даже завизжать не успел. Сильные пальцы ухватили меня за плечо. Дверь захлопнулась.

От ужаса я зажмурился и стиснул Передатчик так, что пальцам стало больно. Старуха тащила меня за собой, как на буксире. Поворот. Ещё один. Ещё. Ай! Я стукнул-

ся коленкой. Наконец, она остановилась. Пальцы разжались. Я попятился и налетел спиной на высокую деревянную полку. Сверху что-то свалилось. Пролетело мимо уха, едва не задев, и шлёпнулось на пол. Я посмотрел вниз. Какой-то странный квадратный предмет.

– Не бойся. Она не укусит! – Старуха, которой пугали капризных детей, стояла передо мной, сложив на груди руки. Всё то же серое платье. На плечах пёстрый платок. Да где она берёт эти странные вещи?! В музее, что ли?

Её синие глаза блестели. Тогда, на улице, я не смог подобрать слово, чтобы описать их. Но теперь я понял! Живые! Вот какие у неё глаза! Таких нет ни у кого в городе.

– Что вы со мной сделаете? – пискляво спросил я. И куда подевалась моя храбрость?

– Ничего, – пожала плечами Старуха. – Хотя ты явился последи ночи без приглашения. Но я всё равно рада. Нечасто у меня бывают гости. Ну чего ты, как мышонок, в угол забился? Хочешь посмотреть книги?

– Что посмотреть?

– Книги! Ах да... ты же не помнишь... Это тебе не Передатчик. Вот, возьми! – Старуха подняла предмет, который свалился с полки, и протянула мне.

Я хотел взять книгу, но руки были заняты маленьким аппаратом со светящимся экраном. «Как же ты мне надоел! – подумал я с раздражением. – Всё время только и делаю, что таскаю тебя. В школу – с тобой. Обедать – с тобой. К друзьям – с тобой. Даже зубы лечить – опять с тобой!»

– Да выключи ты эту штуку!

– Вы что?! Это же запрещено! Главное Правило гласит...

– И что? Подумаешь... – перебила меня Старуха. – Я своим вообще не пользуюсь, – она небрежно указала куда-то позади себя.

Я посмотрел и глазам не поверил. На столе лежал её Передатчик. Он не работал! И был покрыт пылью, как лесной пенёчком.

– Видишь? Я не отправляю Фото в Сеть и не хожу, как приклеенная, к этому аппарату. Мои руки свободны. Я свободна! – она засмеялась.

– А Охранители Спокойствия не придут?

– Они моей библиотеки как огня боятся! Сунут Предупреждение под дверь и бегут отсюда, только пятки сверкают.

– А вам... не страшно здесь одной?

– Я не одна. Посмотри вокруг!

Я огляделся и ахнул. Вся комната была заставлена рядами высоких шкафов. На меня смотрели книги. Сотни! Тысячи! Большие и поменьше, толстые и совсем тоненькие. Всех цветов, какие только можно вообразить. Они были словно живые. Только не говорили.

Старуха будто прочитала мои мысли:

– Они говорят со мной. И с тобой могут, если захочешь!

– Хочу... – только и смог ответить я. – Знаете, мне кажется, я помню этот запах... Это книги, да?

– Да. Так пахнут книги. Я рада, что ты не забыл. Ты можешь приходить сюда, когда захочешь, и читать. Ну... разговаривать с моими книгами.

– Вот здорово... – я провёл ладонью по корешкам. Это было приятно. И... волшеб-но!

– Кстати, знаешь...

– Что? – я оглянулся и увидел синий взгляд.

– Тебя зовут Виктор.

Страница автора
vk.com/nakoldyi

Наколдуй, библиотекарь!

Детское фэнтези

Чего только в жизни не бывает! Какое диво дивное и чудо чудное не водится в подлунном мире! Маги, колдуны, вампиры, оборотни – это всё привычно и ни для кого не удивительно. А что про библиоведа скажете? То-то и оно... А ведь Тихомира именно из таких. «Представьте, приходите вы в библиотеку про писателя послушать, который в позапрошлом веке помер, а там вместо скучного “бу-бу-бу” и “бла-бла-бла” перед вами здоровенный лукоморский дуб вырастили! Да ещё кота на него запустили – золотой цепью греметь! Из тех пушистых увальней, которых гладить – одно удовольствие!» Только чудеса не всегда благом оборачиваются. Вместо желанной работы придётся отправляться к людям сеять «разумное, доброе, вечное». А это испытание не для слабоверных. Мало ли что случиться может... Вот и приходится держать ухо востро. Нельзя иначе в эпицентре приключений!

Книга в каталоге
knigi-market.ru/2329

Евгений Волков (Чертополохоцвет) Калуга

Войско песков

Песня

По пустыне гуляем и ищем прохлады,
Под солнцем палящим устали блуждать.
Приют нам для душ утомившихся надо
Найти и усталость свою переждать.
Мы войско песков, мы стража барханов –
Мы заперты в этом зыбучем краю.
И тщетны мечты о загадочных странах,
В которых мы были, как будто в раю:

На бескрайних просторах, в глубоких морях,
В первобытных пещерах, в дремучих лесах.
Там, где хвойное лето, где тропический зной,
Там, где синее небо спит с зелёной травой.

Как песок между пальцев, уходят минуты:
В расплавленном воздухе плавясь, шипят
Гремучими змеями. Но почему-то
Всё кажется, будто на месте стоят.
Забыли, сколько несём эту вахту,
Но мы уже ею насытились всласть.
Терпение нужно, чтоб там оказаться,
Куда унесёт из песков пепелац:

На бескрайних просторах, в глубоких морях,
В первобытных пещерах, в дремучих лесах.
Там, где хвойное лето, где тропический зной,
Там, где синее небо спит с зелёной травой.

...Но окончен контракт, и в песчаные дюны
Сквозь пыльную бурю летит пепелац.
За нами сквозь бурю летит пепелац.

1998 г. – 15 июля 2016 г.

Слебога

На далёкой звезде фиолетовой
У тропы, где нездешний восход,
Я простился с тобой, моя Слебога,
И унёс меня прочь космолёт.

...Ты из сельвы бордово-сиреневой
Появилась в нездешней заре,
Как рождаются местные женщины
Из набухших плодовых стеблей.

Незнакомая, странная, лёгкая.
А в глазах – той Вселенной искра,
Золотистые блики в них космоса
И вся страсть неземная жива.

Ты ждала, для соитий рождённая,
И для ласк, для объятий мужских.
И которых потом уж лишённая,
Превратишься в блестящую пыль.

В этом рок ваш, и так предначертано –
Ждать мужчину с различных миров,
Созревая в бордово-сиреневых
И мясистых утробах стволов.

Своего ждёте каждая времени –
Ты одна из таких же других,
Из огромного женского племени,
Что единым не станет одним.

Не заплачешь в момент расставания,
Не наполнятся влагой глаза,
Только в них отразится упавшая
Той далёкой Вселенной звезда...

21 ноября 2016 г.

Нью-Атлантида

Песня

Когда на закате
Мой город под воду уйдёт,
Последние птицы взлетят с острых шпилей.
И над океанскою гладью
Начнут километров отсчёт
Их поиски суши клочка среди миль
Бескрайнего водного мира.

Тогда я вдруг вспомню,
Как ты обнимала меня,
Как нежно шептала слова на рассвете,
Вся страстью дыша и любовью.
Теплом обволакивал нас
Струющийся золотом утренний свет,
И мы засыпали, как дети...

Ты ждёшь, как и раньше,
Где круглый большой циферблат,
Сверкающий вечного счастья монетой.
И значит, что время не властно:
Любви не закончен трактат,
Мы выше с тобой несчастливых примет
В лучах золотого рассвета.

2010 г. – 22 сентября 2016 г.

Ты входила походкою странною

Ты входила походкою странною,
Говорила речами пространными –
Про лежащие земли со странами,
С существами чудными, престранными.

Ты влекла красотой чужестранною,
И твоя грациозность престранная,
Вся исполнена тайною странною –
Дивных стран,
где пространства пространные.

Ты приблизилась, странно-престранная,
С огоньками в глазах чужестранными,
С поцелуями страстными, странными,
Вдруг вдохнув в меня знания пространные.

И вошли эти знания странные,
Что владенья таят чужестранные...
Может, сны мне приснились престранные?
Я очнулся – где ж ты, ну не странно ли?

А в глазах всё видения странные –
Про далёкие земли со странами,
Где рельефы плывут чужестранные
И маячат пространства пространные.

С существами чудными, престранными,
С языком их и жестами странными,
Что тебя славят целыми странами
И твою красоту чужестранную.

Не узнают они (что ж тут странного?),
Что твои помнит речи пространные,
Кто вдыхал с дикой страстью престранною
Ароматы твои чужестранные...

5 августа 2017 г.

Страницы автора
www.stihi.ru/avtor/chertopoloh1
vk.com/chertopoloh_rifma

Наталья Дёмина

Саратов

Космический подарок

История первая

1

Планета Клео. Здесь всегда жара.
Пустыня уничтожит и тебя.
Нешадно солнце целый день палит,
Оно б расплатило, возможно, и гранит,
Но лишь песок... Барханы и холмы...
И волны... Волны из песка, увы.
Он тёплый. Он горячий. Он живой.
Песок разносит ветер... Но постой!

2

Здесь нет людей, лишь чудища живут,
Но одиночество в своей душе несут.
Лишь воины, что могут выживать.
В пустыне нет возможности играть:
Опасность ждёт всё время на пути,
Опасно даже спать порой, увы.
Нехватка пищи сделала своё...
И озверели все вокруг давным-давно:

Грызут, кусают, рвут и потрошат...
«Не судят победителей», – твердят.
Бои без правил. И за жизнь бои...
Жестоко. Грязно. Гнусно. Все свои.
Но зверолюди дикие... рычат...
Они жить даже стаяй не хотят,
Ведь каждый хочет лидером лишь быть.
И своры... Драки... Их не расцепить...
Глаза горят, звериный вновь оскал.
Ошибки враг так просто не прощал,
А зрители плотнее встали в круг –
Не вырваться из этих цепких рук.
Рычат, свистят, шипят или кричат...
Ты проиграешь, и тебя, мой друг, съедят.
Сегодня праздник. Будет множество боёв.
Кто станет новой жертвой для богов?
И будут песни, пляски до утра...
И радость – съели нынче не тебя!

3

А вот и наш герой. Он просто Ки,
Но со спины к нему не подходи.
Он может руки, ноги оторвать.
Он воин. Но не станет защищать,
Ведь на планете каждый за себя,
Лишь жажда обладать слепит глаза.
Ки мощный, сильный, явно метра два,
Весь в шрамах... Жизнь – жестокая война.
Он слишком много чудищ победил,
Но не себя... хоть чудищем и был.
И бронзовый загар ему к лицу,
И пепельные волосы... Скажу,
Его красивым вряд ли назовёшь,
Но взгляда от него не отведёшь.
Что тело, если чёрствая душа?
И сердце холодно, как будто из льда.
Но что-то ноет, рвётся и болит...
И кто от боли этой защитит?

4

Вот солнце медленно ползёт за горизонт,
И расходиться начал молча сей бомонд.
Через полгода встретятся опять,
Чтобы богов задобрить, так сказать...
Прохладный воздух остужает жизни пыл,
А наш герой немного приуныл.
Он жаждет чувство счастья испытать:
Когда и как найти, и где искать?
Он молча шёл один к себе домой,

Шёл недовольный жизнью и судьбой.
Вдруг он увидел впереди дымок:
Горел межгалактический челнок.
Когда-то боги прилетали на таких,
Чтобы рабов себе забрать очередных.
Насторожился Ки и обнажил свой меч.
Решил сразиться, чтобы жизнь свою сберечь,
Ведь воин он – не трус, чтоб убегать.
Уж лучше жизнь в бою свою отдать!

5

Ки осторожно подползал к врагу...
Но что это сверкает на свету?
Зеркальный блеск слепит ему глаза!
Богиня кормит грудью малыша,
Дымится за её спиной челнок,
У ног дрожит испуганный щенок.
Она прекрасна, будто фея из мечты,
И соткана из счастья и любви.
Ки, медленно поднявшись, подошёл
И понял, что судьбу свою нашёл,
Что будет гнать – не сможет он уйти...
И больше не терзала боль в груди.
Стучало... сердце? И рвалась... душа?
Обнять и защищать, кричать: «Моя!»
И мысли, мысли... жить, не убивать,
Её своей богиней называть.
Он, зарывав, внимание привлёк...
Да, говорить герой, увы, не мог.
Вы помните – он зверочеловек...
У каждого бывает свой дефект...
Она лишь взглядом молча обвела,
Рукой махнула: «Подойди сюда».
Он подошёл. И видит свет в глазах,
И искорки сверкают в волосах,
Вокруг неё зелёная трава...
«Не бойся. Не обижу я тебя.
Ещё поближе можешь подойти.
Челнок мой загорелся, посмотри.
Я – Ника, это дочь моя, Илла́,
Ну и дракон в обличье щенка.
Здесь ночью холодно, не знаю, как сказать...
Но где могли бы мы заночевать?»
Ки зарычал, залаял, заскулил,
Как зверь... Он зверь! И зверем всё же был.
Но Ника улыбнулась: «Не беда!»
И он почувствовал тепло внутри себя,
Как будто пелена упала с глаз...
«Попробуй что-нибудь сказать сейчас».

Ки захрипел, закашлялся и вдруг...
Сказал: «Ты излечила мой недуг!»
Мы прокляты здесь были сотни лет.
Кто ты – богиня или человек?
Готов я жизнь свою тебе отдать,
Быть просто рядом, за руку держать.
Ты – счастье, Путеводная Звезда...
Позволь быть рядом...»
«Что ж, согласна я!
Мой мир разрушен от предательства и зла.
Планету вашу оживит моя душа:
Проснутся реки, вырастет трава,
Появятся другие существа.
Все зверолюди смогут говорить,
Любить, творить и о боях забыть.
Ты можешь за руку меня держать
И не бояться чувства показать...
Давай построим новый мир вдвоём
И счастливо жизнь вместе проживём».
Забилось сердце, понял Ки тогда,
Что всё изменится сегодня навсегда.
Жить невозможно, если нет души,
А сердце «в камне» погибает без любви.

6

Пустыня и песок, песок, трава...
Оазис или мираж, не знаю я.
Но если Бог тебя благословит,
То жизнь твою от смерти защитит
И душу твою к свету проведёт...
Он руку для спасения даёт...
Быть зверем или зверя усыпить –
Придётся самому тебе решить.
Подняться к свету или упасть на дно...
А выбрать можно только лишь одно.

7

Планета Клео. Здесь всегда жара...
Песок, трава, деревья и вода...
И люди, звери... Новый мир души!
И звёзды улыбаются в ночи...

1 ноября 2018 г.

Страницы автора

ok.ru/profile/412089114258

vk.com/n.v.demina

История вторая

1

Зверь огромный бился в клетке.
Он в плену четвёртый год.
Где-то там планета Клео,
Где его народ живёт.
Был похищен он богами.
Стать рабом его удел.
Не сдавался. Не сгибался...
Для раба он слишком смел.
Били. Мучали. Пытали.
Не давали есть и пить.
Покупателей водили,
Чтоб могли его купить.
Тишина. Один зверь в клетке.
То ли дремлет, то ли ждёт.
Выжидает, но не знает,
Что судьба преподнесёт.

2

Зубы сжав в оскал звериный,
Он боролся до конца.
И, хрипя, подставил горло...
Но она его спасла.
Просто так, ей жалко стало,
Он ведь тоже человек,
Пусть рычит, закован в цепи...
Зверь... А зверя в звере нет...
Быть рабом он не желает,
Издевательства терпя.
Продадут, а может, спишут,
Как ненужный хлам тогда...

3

Сердце девушки желало
Успокоить подойти...
Облегчить его страдания,
Подарить тепло души.
И, решившись, осознала,
Что сама обречена,

Но она не колебалась,
Цепи растянуть смогла.
Он открыл глаза и вздрогнул...
Как прозрачная вода,
Голубая-голубая
И бездонная она.
Отражаются сомнения
И волнения. Не страх!
Разорвать её руками
Просто может он сейчас.
Но вздохнул. Ещё раз. Глубже.
Замурлыкал и сказал:
«О, прекрасная Богиня!
Как тебя я долго ждал!
Этот грязный мир чужой мне,
Но тебя я видел в снах.
И искал, искал повсюду...
И участвовал в боях.
И сбегать один не стану,
Заберу тебя с собой.
Ты мои душа и сердце!
Связан навсегда с тобой!»
Подхватил её, прижался...
Электрический разряд!
Волосы, как шёлк, струятся,
Прикоснуться к ней хотят.
Зверь напрягся, понимая:
Для неё теперь живёт.
Он искал её, не зная,
Что она его спасёт.

4

Робко девушка взглянула:
«Неужели всё не сон?
Моё сердце с твоим сердцем
Вместе бьются в унисон?
Как я мучилась, сгорая,
Что ты в клетке день за днём,
Что тебя продать желают
И что нам не быть вдвоём.
Приходила и смотрела,
Не могла ничем помочь.
И решившись – будь что будет, –
Страх сумела превозмочь.
Жить во мраке, без надежды,
Без тебя... я не смогу...» –
«Не волнуйся, дорогая,
Я тебя с собой возьму.

Ты моя! Душа и сердце
Лишь тебе принадлежат.
Обхвати меня покрепче,
К нам охранники спешат».

5

Он взревел, подобно зверю,
Сотрясая всё вокруг.
Ношу сжал свою сильнее,
Чтоб не выпала из рук.
Побежал быстрее ветра,
Стену вмиг пробив плечом,
А глаза его светились,
Освещая всё кругом.
Страшен он в подобном гневе,
Разъярён... Но всё равно
Для любимой не опасен,
Жизнь его лишь для неё.
Чувствовал, что сила снова
В тело ласково вошла...
Опьяняла, окрыляла,
Стала больше, чем была.
И от мощи этой силы
Закружилась голова...
Вовремя портал открылся,
Затащив в себя тела...

6

Звёзды, звёзды, звёзды, звёзды...
Их мерцание зовёт.
Кажется, они так близко,
Но никто не достаёт.
Молча смотрят и смеются...
Виды видели они –
Слишком много, слишком больно...
Слишком страшно жить, увы.
Счастье – призрачное чудо,
Загорается на миг...
Вспыхнет ярко и погаснет.
Искры, вспышки... просто пшик...
И темно... но звёзды... Звёзды...
Освещают путь во тьме.
Этот свет такой далёкий,
Но горит тебе в тебе.
Ночь и звёзды. Ночь и звёзды...
Девушка, а рядом Зверь.
Он любить её поклялся...
Спит, обняв её теперь...
Для любви границ не будет –
Для любви нужна душа.
И её, скитаясь, ищут,
И находят... иногда...

10 ноября 2018 г.

ВАЛЕРИЙ РЕМЕНЮК

Золотой лещ

АЛВ
Союз писателей издательство

18+

Книга в каталоге
knigi-market.ru/zolotoy-leshch-valeriy-remenyuk

Бобровые лапы

Лодка по инерции подошла к берегу и врезалась килем в донный ил. Коренастый мужчина в рыбацком плаще, зюйдвестке и высоких сапогах перешагнул через борт в воду, подтянул лодку к берегу. Склонился над ней, одной рукой достал подсачек с рыбой, другую спрятал за спину. Выйдя на берег, он подошёл к нам и вытащил из-за спины две крупные бобровые лапы.

— Где взял? — ахнула Света. — Неужели...

— Где взял, где взял? Нашёл! На том берегу лежали! — перебил её Николай, кивнув на противоположную сторону озера. — Артемьич сказал, там с утра клёв будет, вот я и метнулся ни свет ни заря. Да куда там... Не та погода, наверно!

— А того, кто лапы потерял, не видел? — не отставала Света.

— Бобра, что ли?

— Да не бобра, а того, кто его оприходовал!

— Не! Пустая палатка стоит. Костровище холодное, похоже, утром не разжигали. Топор в пеньке торчит. Кровь на нём. Наверно, на этом пеньке бобра и разделали. А людей — никого! Скорей всего, рыбак подался на другую сторону озера. Если местный, то знает, где рыбу взять.

Николай положил бобровые лапы на прибрежную траву и понёс улов на кухню. Я подошёл поближе к находке. Крупный был зверь! Лапы длиной сантиметров двадцать походили на пятипалые руки. Большой палец укорочен, его функцию выполняет мизинец, отставленный далеко в сторону. Когти уплощённые, сильные...

К ночи с озера на берег напал туман, дрожащей зыбкой медузой накрыв и траву, и бобровые лапы. Но вот взобраться на крыльцо дома силёнок не хватило, улёгся у порога. Я взглянул на берег, но разглядеть,

на месте ли бобровые лапы, сквозь сырую мглу не смог. По высокой росистой траве добрался до стоящего на отшибе дома, срубленного почти на самом берегу озера. В темноте на ощупь пробрался в свою комнату и рухнул на топчан...

Лежащие на берегу бобровые лапы вздрогнули, пальцы судорожно сжались, разжались, цепляясь за траву когтями, попытались к воде. Словно кто-то невидимый потянул их на себя, ступайте домой, мол. Ишь, разлеглись!

Подле плотины, расположенной неподалёку от моего ночлежного дома и возведённой между материком и островом Луотосаари ещё Ортьё Степановым, началась ожесточённая возня. Кто-то, укрытый тёмной водой, старательно вгрызался в основание дамбы, выковыривая из ила камень за камнем. После часа стараний антикаменщика между двумя давным-давно отделёнными друг от друга частями озера появилась протока. Сначала узенькая, в полметра, она постепенно становилась всё шире и шире. И если бы не туман, надёжно спрятавший остров от посторонних глаз, к утру можно было бы с удивлением убедиться, что от полувековой плотины и следа не осталось. Словно не трамбовали её из года в год путники, телеги, автомашины... А если бы какой-нибудь сумасшедший аквалангист вздумал с утра пораньше погрузиться в воду, то заметил бы фигуру громадного, метра под три, бобра, с усмешкой потиравшего передние лапы. То ли устали они от тяжёлой работы, то ли ныли в тех местах, где были отрублены живодёром-рыбаком.

«Пусть пока в хатке посидит, подумает над своим поведением! — всплеснул двухметровым плоским хвостом Орт. — И с островом давненько нужно было разобраться. Надо же, тринадцать тысяч лет жил себе не тужил. А тут железные сухопутные лодки начали беспрестанно сновать: туда-сюда, туда-сюда. Иной раз чуть ли не каждую неделю! Бензин угарный газ выделяет, дизельное топливо всю дымит. Ох, зря на мою голову Ортьё эту запруду соорудил! А его родственничек ещё и этнокультурную

деревню устроил. Дело-то, конечно, неплохое. Нельзя, чтобы люди о своих предках и устоях забывали. Но на машинах-то зачем? Пешочком бы, пешочком!»

На следующий день истопили баньку. И хотя остров пронизывал холодный колючий дождь, а вокруг сплошной стеной висел туман, это только усугубляло удовольствие. Знаете, как здорово выскочить из парной да напрямик в озеро! Разогревшись так, что стал красным как рак, я опрометью бросился из бани в его родную стихию – в озеро. Зашипев от удовольствия при соприкосновении с обжигающе холодной водичкой, «рак» нырнул глубже и вдруг почувствовал, как его ухватили две мохнатые лапы и стремительно поволокли на глубину.

«Ну всё, картина Репина “Приплыли”», – мелькнуло в голове.

Воздуха хватило всего на пару минут, после чего пришлось хватануть ртом водички, судорожно побарахтаться и, наконец, потерять сознание.

Очнулся оттого, что кто-то делал мне искусственное дыхание, ритмично и больно нажимая на грудную клетку пятипалыми когтистыми лапами. Это ещё можно бы вытерпеть, но когда к лицу приблизилась оскаленная пасть с оранжевыми резцами-лопатами, с очевидным намерением дополнить процедуру оживления приёмом «рот в рот», пришлось отбросить нахального лохматого спасателя, сильно смахивающего на чёрта, вскочить и ужаснуться: «Значит, всё-таки в ад попал!»

Озираясь по сторонам, куда бы сбежать, я обнаружил, что нахожусь в просторном круглом помещении с куполообразным потолком.

«В церкви, что ли? – мелькнуло в затуманенной голове. – Но откуда тогда чёрт здесь взялся?

– Сам ты чёрт! – прозвучал протяжный вибрирующий стон. – Я скорей уж дух. Можешь называть меня Великий бобр Орт...

Я покрутил головой, пытаюсь найти источник звука. Передо мной стоял трёхметровый монстр, раза в три увеличенная копия обык-

новенного бобра. Мощное тело каштанового окраса. Круглая голова. Морда, приветливо скалившая двадцатисантиметровые оранжевые резцы. Приветственно протянутые ко мне метровые пятипалые лапы с внушительными когтями. Бобр слегка присел на мощные задние лапы, удерживая равновесие метровым плоским хвостом, распластанным по глиняному полу. Такие громадные ископаемые бобры, пожалуй, только в плейстоцене водились. Нет, видно, не зря мне остров Луотосаари на карте похожим на распластавшегося по воде бобра показался!

– Слабаки вы, люди! – как ни в чём не бывало продолжил Великий бобр. – Пять минут под водой выдержать не можете, сразу задыхаетесь. А ещё царями природы себя мните. Да я за это время могу километр проплыть и не запыхаться...

– А давай мы с тобой по пересечённой местности этот километр пробежим, посмотрим, кто кого, – огрызнулся я.

– Смотри-ка ты, ожил! – обрадовано простонал Орт. – А я тебя ещё тогда заприметил, когда ты на отрубленные бобровые лапы смотрел! Видно было, что тебе это совсем не по душе! Добро пожаловать в хатку! – развёл он перед собой передними лапами и, описывая размашистые полукруги задними, вразвалочку отошёл в сторону.

Немаленькая такая хатка! Если у обыкновенных бобров она высотой до трёх метров, а диаметром до десяти, то хата Великого бобра возвышалась метров на десять. Не зря я её за церковный зал принял.

Оказалось, что мы с Ортом в хате не одни. Передо мной, прижавшись к стенке, стоял ещё один человек, дрожа не то от холода, не то от страха.

– Уж не тот ли это пропавший рыбак, который у бобра лапы отрубил и выбросил?

– Тот самый! – прищурил маленькие круглые глазки Орт, прижав к голове едва заметные уши.

По всему было видно, что бобр едва сдерживает злость:

– Он же, садист, лапы ему ещё живому отрубил! У, гад!

Великий бобр, повернувшись к рыбаку и задрав хвост, метко выпустил в него злобно пахнувший секрет – бобровую струю.

– Получи, фашист, гранату! Теперь с такой-то меткой тебя вся живность в окрестностях озера будет за километр обходить...

Затем Орт обратился ко мне:

– Забирай-ка его и уходи с глаз долой, пока я не передумал. Только теперь всей вашей шатии-братии вплавь с острова придётся эвакуироваться! И передай людям, чтобы впредь никаких двигателей внутреннего сгорания!

– А дамба? – заикнулся я.

– Нет её больше! Нечего воздух Хайколя дымом вонючих автомашин портить!

С этими словами он ухватил нас с рыбаком за шкурки, как провинившихся котят, и отшвырнул в сторону, где, надо полагать, находился подводный выход из хаты. Мы безропотно нырнули в чёрную воду и поплыли восвояси. Прошла минута, другая, а подводный лабиринт всё не заканчивался и не заканчивался. Вот уже и воздух в лёгких булькнул последним пузырьком. Я снова попытался было вынырнуть, но упёрся руками в потолок и принялся из последних сил колотить по нему кулаками. Бесполезно!

– А-а-а! – заорал я в полном отчаянии и почувствовал, как кто-то трясёт меня за плечи.

– Чего раскричался? И хорош по спине барабанить!

Я приоткрыл глаза и в сумраке рассветного утра разглядел склонившегося надо мной... Нет, не Великого бобра Орта, а Лёху, соседа с верхнего яруса кровати.

– Приснилось чего?

– Да уж такое пригрезилось, – облегчённо выдохнул я, – что нарочно не придумаешь!

Но на всякий случай обвёл глазами комнату: не притаился ли где-то поблизости Великий бобр Орт, и боковым зрением успел заметить, как в окне мелькнул знакомый оскал оранжевых резцов.

– Может, солнечный зайчик? На улице-то с утра вон как распогодилось... – я опрометью выскочил на улицу и ахнул: – Батюшки-светы! А дамбы-то нету...

Спираль миров

– Как ты думаешь, Алёшка, машина времени может существовать?

– Да ты чего, Костя! Забыл о парадоксе дедушки? Внук, попадая в прошлое, убивает своего деда и, тем самым, самого себя...

– Это что же за внук-то такой непутёвый? – вмешался в разговор дед Григорий.

– Не бери в голову, дед, это чисто гипотетическое предположение! – успокоил его внук Костя.

– Хорошенькое предположение! – проворчал Григорий. – Чему вас только в школе учат?

– Это не в школе! Это в астрономическом кружке, – оправдал учителей Алёшка и продолжил: – Кроме того, любая устремившаяся назад машина времени, состоящая из электронов и протонов, немедленно превратится в машину из позитронов и антипротонов и аннигилирует с громадным выделением энергии. А для обеспечения закона сохранения энергии при ускоренном движении вперёд потребуется такое её количество, что, мама, не горюй...

– А как же теория относительности? – не унимался Костя.

– Ты имеешь в виду парадокс близнецов? Не аргумент! Теория относительности говорит только, что замедлить или ускорить собственное время, например, с помощью быстрого перемещения на ракете, можно, но переместиться в прошлое, то есть в момент, предшествующий взлёту этой ракеты, вряд ли получится. Общее космологическое время Вселенной не совпадает с локальным определением интервалов собственного времени...

– Эй, вы, теоретики! – окликнул не на шутку разошедшихся ребят дед Григорий. – Хотите, дедушка вам сейчас о другом парадоксе расскажет. На нашем ржаном поле за Гиблым оврагом кто-то каждую ночь такой кавардак устраивает, что скоро и убирать нечего будет. Там вам и спирали, и кольца, и богу свечка, и чёрту кочерга! Не хотите

со мной в ночное? Выследим этого «конька-горбунка», достанется ему и в хвост и в гриву, будет знать, как нашу рожь мять.

– Так это НЛО, наверно?! – поёжился Алёшка. – Костя мне рассказывал, что летающие тарелки над Гиблым оврагом так и шастают...

– Скорей всего, смерч рожь бутетенит! – засмеялся Костя. – Там всегда такой ветрище! Помнишь, дед, как он воздушного змея вместе со мной поднял?

– Что, струхнули? – ехидно прищурился дед Григорий. – Хорошо о других мирах рассуждать, дома сидючи. А как со мной в разведку пойти...

– А вот и не струхнули! – вскочил Костя. – Сегодня же и отправимся...

– Куда ты, старый, парнишек-то тащишь? – вступилась за ребят баба Валя, бессменная спутница деда.

Только на время войны и расставались. Сколько слёз пролила, когда похоронку получила! А Григорий и не думал умирать, выжил после тяжёлого ранения, в партизанах своих дождался и снова в действующую.

– У нас в партизанском отряде такие вот парнишки поезда под откос пускали! – не полез за словом в карман дед. – Не бойсь, ничего с ними не случится! Я там, в кустах, уже и шалашик соорудил, и сенца припас. Устроимся за милую душу!

Они ещё засветло, чтобы не шарахаться по кустам в потёмках, забрались в дедов шалаш и принялись терпеливо ждать нарушителя ржаного спокойствия. Смеркалось! Из Гиблого оврага потянуло сыростью, кусты заволокло туманом...

– Так мы ничего не разглядим! – забеспокоился Алёшка, зябко поводя плечами. – Вместо воришки только насморк поймает...

– А это на что? – вытянул из сена Костя фонарь. – Смотри, какой прожектор! Деда, старого партизана, на мякине не проведёшь, запасся на все случаи жизни!

После полуночи темнота сгустилась, стала почти осязаемой, захочешь потрогать – руку протяни! Вдобавок над полем

повисла гнетущая тишина, как перед бурей, даже кузнечики стрекотать перестали.

И вдруг в небе над полем появилась... радуга? Нет, не та семицветная арка, которая дугой соединяет землю с небом. И даже не северное сияние, разноцветной лентой вспыхивающее между небом и землёй. Это радуга, в отличие от обычной, плоской и неподвижной, свернулась в трубку, образовав между красным и фиолетовым цветами восьмой – пурпурный цвет. При этом она непрерывно вращалась вокруг своей оси, поворачиваясь к зрителям, как бы хвастаясь, всё новым и новым цветом. А цветная труба, в свою очередь, закрутилась в спираль, острием упёршись в поле, а раструбом – в небеса.

Дед Григорий обнял за плечи мальчишек, не то пытаясь защитить их, не то удержать, чтобы те не рванули в герои.

Конечно, и темнота, и тишина сразу же испуганно разбежались кто куда, оставив поле на милость победителя. Утвердив острие в земле, спираль победно качнулась туда-сюда, как воткнутая в противника шпага. Кто, мол, на новенького? Не найдя желающих, она начала складываться, оседать и вскоре превратилась в плоский блин метров десять в диаметре, круглым цветным ковром покрыв землю. Рожь местами полегла под его тяжестью, но местами, оказавшись между витков спирали, устояла.

– Так вот кто наш урожай губит! – закричал старый партизан и рванулся вон из шалаша, в атаку.

Мальчишки, конечно, устремились за ним. Костя, чемпион школы в беге на короткие дистанции, обогнал всех и вырвался вперёд, но, запутавшись в густых ржаных стеблях, споткнулся и со всего размаха плюхнулся на радужный ковёр. Тот испуганно ойкнул девчачьим голосом, спираль взметнулась ввысь, полностью спрятав мальчишку в своих цветных объятьях, и исчезла всполохом в небе.

Алёшка едва не схватил её за хвост, но промахнулся. Подоспевший дед Григорий всплеснул руками и сокрушённо воскликнул:

– Ну и что я теперь бабке скажу? Она же меня со свету сживёт! И поделом старому разине!

Костя и ойкнуть не успел, как оказался в громадном кулке, спелёнатый кольцами раструба спирали. Ослеплённый нестерпимо ярким мельканием цветowych полос, он сначала зажмурился, закричал, а потом попытался вырваться. Но спираль уже и сама освободила его. Однако вместо ржаного поля и тёмного звёздного неба под ногами был упругий радужный ковёр, а над головой – нестерпимо яркое небо, сплошь усеянное сверкающими, как бриллианты, звёздами. Да и сам он оказался не прежним мальчишкой, а в несколько раз уменьшенным подобием похитителя – такой же цветной трубкой, свёрнутой в спираль. Она вращалась вокруг оси, поэтому, наверно, и стояла на острие конуса, не падая набок.

– Посмотри-ка, Аль, кого наш вартмалёт заспирал! – услышал Костя низкий вибрирующий голос, похожий на звук контрабаса.

– Да вижу я, Спир! – звонкой нежной скрипкой отозвался другой. – И зачем ты его заспирал?

– Я не хотел, просто так получилось! – принялся обиженно оправдываться контрабас. – Мальчишка первым сам на меня упал...

К Косте наконец вернулся дар речи, и он осыпал собеседников градом вопросов:

– Где я? Кто вы? Зачем вы меня... заспирали?

– Где, где – во встречном мире! – буркнул Спир. – Слышал же, так получилось!

– По-вашему, в сжимающейся Вселенной! – поспешила добавить Аль, заметив, что Костина радужная трубка принялась заполошно вспыхивать, а спираль замедляться и крениться набок. – Да не напрягайся ты так, а то, того и гляди, сознание потеряешь. Сейчас всё популярно объясню!

Короче, параллельно вашему расширяющемуся миру существует ещё и наш, сжимающийся, как бы встречный вашему. А попасть из одного в другой можно с помо-

щью машины, которая меняет знак времени. Мы её называем вартмалётом...

– Т-симметрия! – понимающе качнул спиралью Костя, показывая, что и он кое в чём разбирается. – Ну, ладно, пусть так! А возвращать-то меня назад, в моё время, вы собираетесь?

– А вот это не получится! – провибрировал Спир, правда, уже с заметными нотками сочувствия в звуке. – Ты же, детка, во встречном мире! Да ещё и коэффициент трансформации миров... В общем, пока мы тут беседуем, ты в своём мире уже ещё даже и не родился!

Цветы радужной трубки Кости заметно поблекли, спираль плюхнулась набок, а потом и вовсе опрокинулась острием вверх.

– Ты что наделал? – накинулась Аль на Спира. – Нельзя же так пугать. Он даже ещё и спираль складывать не научился.

– Ничего, сейчас я его в чувство приведу! – пообещал Спир и, поднявшись в воздух, состыковал своё заборное отверстие на конце радужной трубы с острием радужной трубки Кости. Она на глазах порозовела, потом покраснела и даже показала пурпурный бочок.

Спир ловко поставил Костину спираль на острие.

– Что же мы такие нежные-то? – пробормотал он. – Чуть что, сразу хлоп вверх тор-машками...

– А ты бы не грохнулся, – стала фиолетовой Аль, – если бы узнал, что ещё не родился?

– Ч-чем это вы меня напоили? – очнувшись, встрял в разговор Костя. – Такие щекотные мурашки по всей трубке б-бегут...

Спир довольно порозовел:

– Квас по-вашему называется! Ты думаешь, зачем мы в ваш мир летали? На ржаной закваске самый лучший квас получается, не хуже вашего Вятского.

– Ну, так как мне домой вернуться? – озвучил Костя ту мысль, которая так его подкосила. – Я бы хотел снова родиться!

– Есть два выхода, – весёлым дискантом зазвенела скрипочка Аль. – Можно вернуть-

ся в ваш мир и поспиралить там до того момента, когда Спир утащил тебя в наш мир!

– А сразу в моё время никак нельзя? – растерянно спросил мальчишка.

– Понимаешь, вартмалёт может перемещаться из мира в мир только параллельно оси времени, иначе на переход никакой энергии не хватит...

– А какой второй путь? – торопливо перебил Костя, так как болтаться на земле целых двенадцать лет цветной спиралькой ему не очень-то улыбалось.

– Вернуться в тот момент, когда ты на меня упал всей своей двенадцатилетней тяжестью, – вмешался Спир, – мы можем только через антимир.

Мальчишка задумался. Спираль или антимир, хрен редьки не слаще!

– А как мы туда попадём? – решил потянуть он время. – Аннигилируем же на фиг!

– Ну, это плёвое дело! – поспешила успокоить Костю Аль. – Есть у нас такая штука-вина, синхролёт называется. Он перелетает в антимир перпендикулярно оси времени, поэтому ему, как и вартмалёту, никаких дополнительных затрат энергии не требуется. Обычная Р-инверсия. Но пройти дематериализацию и трансмутацию придётся!

– А попроще объяснить слабо? – попросил Костя.

– Куда уж проще! – фыркнул Спир. – Сначала вся масса покоя перейдёт в массу движения, а потом превратишься в жителя антимира.

– Это в кого же? – опасно поёжился Костя, сжав и разжав свою спиральку.

– В дракона! – честно призналась Аль. – Никогда не видел?

– Вживую – нет! – обречённо вздохнул мальчуган.

– Забыла, что ли! – напомнил Спир. – Драконы же на Земле в своём обличье не любят появляться. Всегда находится какой-нибудь герой, который норовит копьём в брюхо потыкать...

– А нечего девушек в плен утаскивать! – оправдала людей Аль. – Да ты не бойся! – успокоила она приунывшего Костю. – Драконом ты ненадолго останешься,

пока в твою точку времени не вернёмся. А потом вперёд, во встречный антимир. Но вот там задерживаться никак нельзя, а то опять в твоё прошлое укатим. А оттуда уже рукой подать до твоего мира...

– У меня от ваших миров голова... тьфу ты, спираль кругом идёт! – растерялся мальчишка.

– Сейчас нарисую! – пообещала Аль и хоботком спирали на земле набросала чертёжик. – Вот, смотри, я делю плоскость миров на четыре квадранта осями пространства и времени. Верхний левый – это ваш расширяющийся мир, верхний правый – будет нашим сжимающимся, встречным. Нижний правый – параллельный, а нижний левый – встречный антимир. В каждом мире есть планета, соответствующая Земле. И мы по спирали миров будем переходить из одного мира в другой, пока снова не доберёмся до твоей планеты. Количество витков спирали указывает, сколько временных циклов Земле или сколько параллельных Земле миров существует в вашем квадранте...

– Это как по спилу дерева можно определить, сколько ему лет? И в самом деле, просто! – удивился Костя. – Ну, хорошо, в дракона, так в дракона. Полетели скорей, а то не только я, а и первобытные люди на Земле исчезнут.

– Поспиралили уж! Видишь, Косте не терпится домой вернуться! – засмеялась Аль и вдруг завизжала, как самая обычная земная испуганная девчонка: – Спир, смотри! К нам Торна летит!

Костя оглянулся в ту сторону, куда показывала кончиком трубки Аль. К ним на бешеной скорости мчался громадный пыльный вихрь.

– Тихо! – прикрикнул Спир. – Попробую отсечь у торнадо хобот. Надеюсь, без подпитки с земли он ослабеет и развеется.

– Прячься в кусты, малыш! – рявкнул, словно ударил сразу по всем трём струнам, контрабас. – И сиди там тише воды, ниже травы!

Не теряя времени на превращение в спираль, он огненным диском устремился наперерез торнадо. Спир планировал с лёта

ударить в ту часть раструба вихря, где сечение было раза в два меньше его собственно-го диаметра. Но Торна разгадал манёвр противника. Вихрь успел снизиться и сжаться, сразу втрое увеличив сечение в месте удара. А у Спира времени для маневра уже не осталось. Радужный диск врезался в толщу чёрной разбухшей спирали вихря и исчез из виду. Торна стал похож на удава, проглотившего кролика. Спир какое-то время ещё побарахтался, пытаясь выбраться наружу, но скоро затих. Раструб вихря вытянулся, свернулся в гут...

Торна, словно заправская прачка, досуха выжал из радужной трубки Аль влагу, сыто булькнул и выплюнул уже совсем блёклый диск. Он осенним бурым листком спланировал на землю и упал в кусты рядом с Костей.

— Аль, Спир, вы живы? — дрожащим голосом поинтересовался мальчуган.

Он хорошо понимал, что одному ему ни за что не выжить в этом непонятном мире. Ну а про возвращение на Землю можно и вовсе забыть...

— Воды-ы-ы! — вдруг услышал он даже не звук, а слабенький шорох скрипочки Аль.

Но для Кости этот шёпот был желанней любой, даже самой любимой музыки на свете. Он лихорадочно огляделся по сторонам. До речки было пару сотен метров. Но как дотащить громадное бесчувственное тело спирали до берега? Хотя... Костя вспомнил, как Спир поил его квасом, нашёл входное отверстие хобота спирали, вставил в него маленький хоботок своей радужной трубки и принялся сжимать её. Он сразу почувствовал, как содержащаяся в нём жидкость стала переливаться в трубу Аль. Она на глазах начала розоветь.

— Оставь себе немножко, а то и сам сложишься, — услышал он заметно окрепший голосок Аль.

— Спир, вставай, хватит уж шлангом прикидываться! — обратилась она к спирали.

Та вяло шевельнулась, пытаясь приподняться, но затем без сил снова шлёпнулась на землю.

— Радуге всё понятно! — с сожалением произнесла Аль. — Костя, марш на речку за водой.

— А в чём я её принесу? — недоумённо спросил мальчишка.

— Ты же спираль! — напомнила ему Аль. — Опустит хобот в воду и соси на здоровье, сколько влезет. А потом вихрем к нам, Спира отпаивать!

Через полчаса спираль уже покачивалась над кустами, вполне готовая и сама добраться до водопоя.

— Спасибо, малыш! — булькнул Спир и, пошатываясь, поспиралил на берег речки.

Спираль, высоко подпрыгнув, приводнилась прямо на середину. Речка стала заметно убывать.

— Ну всё, мы готовы! — хором доложили Косте Спир и Аль.

— Тогда вперёд, к драконам! — обрадовался мальчуган.

Спир вместо ответа подхватил Костю могучим хоботом и забросил внутрь спирали. Она бешено завращалась, щедро разбрасывая разноцветные всполохи по всей округе. Костя сжался, почему-то ожидая многократной перегрузки, как при взлёте ракеты.

— Не бойсь, синхрос — это не космос! — покровительственным тоном приободрил его Спир, слегка сжав ближайшим к мальчишке кольцом спирали.

И впрямь, Костя ничего не ощутил. Только яркозвёздная белая ночь встречного мира сменилась крошечной тьмой. Он попробовал шевельнуться, но оказалось, что тело туго спелёнуто чем-то похожим на упругую плёнку.

— Быть спиралью-то вольготней, чем драконом, — запоздало пожалел мальчишка.

— Извини, Костя, — донёсся до него голос Аль, но ты пока ещё только яйцо дракона. — Не расстраивайся! — поспешила продолжить она, заметив, что яйцо возмущённо закачалось и чуть было не скатилось с утёса. — Судя по твоей реакции, думаю, вот-вот вылупишься...

Костя принялся возмущённо биться головой в скорлупу:

– Эй, я не хочу сидеть в яйце! Мы так не договаривались!

Скорлупа покрылась трещинами, кусок откололся, и на свет показалась малюсенькая зубастая головёнка драконыша, мокрая от слизи.

– Ну вот, я же говорила! – победно воскликнула Аль, длинным, с полметра, фиолетовым языком облизывая новорождённого.

Костя клацнул зубами, едва не прикусив ей язык, и принялся энергично доламывать остатки темницы.

– Чем подлизываться, лучше бы помогла! – пропищал он.

Совместными усилиями драконыша окончательно избавили от ненавистой скорлупы. Он взмахнул кожистыми крыльями, распелёнывая тело, развернул во всю длину хвостик и встал, покачиваясь, на короткие кривые лапы.

– Красавчик! – одобрила его старания дракониха, внимательно разглядывая малыша: нет ли каких-нибудь врождённых изъянов.

– Вроде бы всё на месте! – удовлетворённо вздохнула она. – Рожки, чешуя, треугольные зубчики гребешка вдоль спинки, от затылка до кончика хвоста. Всё такое крошечное, мягонькое... Ну, ничего, ороговеет!

Что ни говори, Аль чувствовала себя немного виноватой за то, что вместе со Спиром втянула мальчишку в такую переделку.

– Кстати, а где Спир? – услышал знакомое имя Костя.

– А он остался на границе между миром и антимиrom! – удивлённо взглянула на него Аль. – Я разве не объяснила, при переходе в антимир мы раздваиваемся. Ну, как электрон и позитрон образуют два кванта. Половина остаётся в Пограничье, как бы в залог. А при обратном переходе мы снова объединяемся в единое целое.

– И я раздвоился? – осторожно поинтересовался Костя, проверяя, всё ли на месте.

– Конечно! Одна нога здесь, другая – там! – пошутила Аль, заметив, как драконыш внимательно разглядывает себя. – Не

волнуйся, раздвоение происходит на уровне микромира, и захочешь – не разберёшься, что к чему!

– А это что ещё за напасть? – вдруг насторожилась она, заметив, что к ним летит громадный огненно-красный дракон.

– Я не напасть, я Борг! – прогрехотал дракон. – Но если решу напасть, мало не покажется. У меня к тебе, красотка, совсем другой интерес...

– Подожди, Борг, видишь, у меня только что драконыш вылупился, – остановила Аль неожиданного кавалера, уже было собравшегося детально изложить причину своего пристального внимания к женской особи, внезапно оказавшейся вблизи его жилища.

– Так давай мы его съедим, да и дело с концом! – похоже, на полном серьёзе предложил дракон и нацелился на драконыша.

Костя шарахнулся назад и на всякий случай спрятался под брюхом драконихи.

Аль клацнула зубастой пастью, едва не откусив лапу приблизившемуся на уязвимое расстояние Боргу, и предупредила:

– Не трогай мальчика. Я должна доставить его на Землю. А вот на обратном пути...

Она сделала многозначительную паузу и мечтательно закатила глаза.

– Ла-а-адно, подожду! – протянул дракон с угрожающей интонацией в голосе. – Всё равно мимо меня не пролетишь. Лабиринт-то, ведущий во встречный антимир, один.

И Борг многозначительно кивнул на вершину скалы, у подножья которой они находились.

Аль, бережно ухватив драконыша за загривок, спрятала в кожистую складку на груди, заменяющую драконам сумку.

– А ну-ка посторонись! – прикрикнула она на Борга и, пролетая мимо, игриво смазала когтистой лапой ему по морде.

Красный дракон шарахнулся в сторону, уступая дорогу, и довольно фыркнул, выдув факел пламени в виде огромного любвеобильного драконьего сердца:

– До встречи, красотка!

Аль помахала Боргу хвостом и в два счёта долетела до вершины скалы, над которой находился вход в лабиринт, ведущий во встречный антимир Земли.

Когда Костя, барахтавшийся на дне сумки, встал на цыпочки и высунул головёнку наружу, то увидел, что они летят над бескрайней пустыней, испещрённой знаками, символами, линиями. Знаки и символы складывались в изображения диковинных насекомых, птиц, животных, а линии – в спираль.

– Вот и встречный антимир, – прокричала Аль. – Смотри, внизу – наш аэродром подскока. Кстати, ты заметил, что мы уже не драконы?

Костя взглянул на неё и увидел, что рядом с ним летят уже три... Он затруднился сразу придумать название этим существам. Больше всего они были похожи на автомобильные баллоны, мал мала меньше. И со страхом понял, что и сам превратился в три таких же баллончика.

– Амфибии, местные жители этой планеты антимира! – не дожидаясь вопросов, пояснила Аль. – Делай, как я!

И вереница амфибий устремилась на посадку, стараясь попасть в самый центр спирали. Баллоны приземлились один на другой, образовав усечённую пирамиду, на верхушку которой лихо плюхнулись и три Костиных баллончика. Он даже не сообразил толком, как ему это удалось. Скорей всего, амфибии сами совершили эту посадку. И не успел он опомниться, как из середины пирамиды ударил сноп огня. Она ракетой устремилась ввысь и погасшим салютом растаяла в воздухе.

Чтобы не ослепнуть от такого фейерверка, Костя инстинктивно зажмурился. А когда раскрыл глаза, то увидел, что падает... прямо на деда Григория.

– Берегись! – завопил Костя. – Зашиб-у-у-у! – И вместе с дедом покатился по земле, остановившись только у края радужного ковра.

Костя с трудом встал, покачиваясь на ватных ногах. Но дед Григорий не шевелился.

– Неужели насмерть? – похолодел Костя. – Хотя вряд ли! Иначе сработал бы парадокс дедушки, и мы оба бы исчезли... – Дед, дед, очнись! – принялся он трясти Григория, похлопал по щекам и уже собрался делать искусственное дыхание рот в рот, как дед, к его неопишуемой радости, наконец приоткрыл глаза.

– Ты кто, мальчик? – прошептал он.

– К-к-костя! – растерянно произнёс мальчишка. – Твой внук!

– Какой ещё внук? – недоуменно воскликнул дед Григорий. – У меня внуков отродясь не было!

Костя недоуменно оглянулся на спираль:

– Аль, чего это он своих не узнаёт, память, что ли, отшибло?

Аль, в свою очередь, удивлённо спросила Спира, под шумок уже шелушившего ржаные зёрна:

– Ты куда, блин, нас занёс?

– Я не блин, я – спираль! – гордо распрямился Спир. А в чём дело? Самый обычный земной параллельный мир. В Костином мире я уже весь урожай ржи собрал!

И выдержав паузу, в течение которой мальчишка обиженно хлопал глазами, не зная, что и сказать, вдруг рассмеялся:

– Да всё нормально! Мы просто сделали полный оборот по спирали миров и оказались в параллельном мире расширяющейся Вселенной. Отсюда уже и сам сможешь добраться. Ты же теперь дитя лабиринта. У вас таких называют детьми индиго. Подумай о том месте и времени, где хочешь оказаться, и полный вперёд!

Космос

Ко мне забегают внезапно граждане
И занимают места призовые
С идеями и проектами разными
Там, где пока что не требуют визу.

Космос становится будто бы ближе —
Лифт на орбиту, как мост через реку, —
Оседлать бы протуберанец рыжий,
Чтобы звёзды светили для человека.

Кто скажет, что плохо живётся в России?
В Африке тёплой другие проблемы!
На острие человеческой мысли
Лучше остаться, решая дилеммы,

Отринуть претензии на господство,
Идти, соблюдая гомеостазис,
Ведь у капитана должен быть лоцман —
Хранитель планетного капитала.

И, как говорил когда-то Вернадский,
Читая лекции, кстати, в Сорбонне, —
Эволюция биосферной массы
Ведёт человека разумного в космос.

Космический лицей

Там, за окном, зелёная гора,
Коровы ходят по ступенькам вверх, —
И так же в небо смотрит детвора,
Пришедшая в космический лицей.

Горят на солнце ярко купола,
Летит по небу белоснежный стерх, —
За ним взмывают птицы со стола
Туда, куда стремился Галилей.

Пускай у них картонные тела —
Модели не покинут атмосфер, —
Но верится, что те, кто был вчера,
Ведут сегодня нас в грядущий день.

Путь на Амальтею

Братьям Стругацким

Горизонт в оранжевом дыму —
зареву пожаров и заката;
я природу, мать свою, пойму,
но в себе понять другое надо:
где граница долга и любви
и на что оправданы затраты.
Будущее нужно не травить,
а богатства недр земли умножить.
Жизнь исчезнет, сколько не юли,
но испепелиться мысль не сможет, —
просто отражения сотри
сада расходящихся дорожек.

Солнце, как на Марсе, далеко —
пятнышком на сером небосклоне;
хлопья белые спускаются рекой,
и асфальт в воде холодной тонет.
Грустная приходит в города
серая обманчивая осень,
мне про лето сон не увидеть —
впереди морозы и метели.
Наблюдать, как плавится Ио,
находясь на склонах Амальтеи,
мне уже судьбою не дано, —
но восход Юпитера узрею!

Искрами бриллиантов снегопад
под ногами детскою мечтою, —
но на звёзды бы не наступать,
а корабль космический построить!
Чтобы он питался теплотой
солнца и деревьев и водою
и ходил межзвёздною тропой,
окаймлённой чёрною дырою.

Может быть, фантазией одной
проще путешествовать по свету,
электромагнитною волной
на нейтрино, выпущенном где-то.
Пусть исчезнет время, как порог
скорости достигнется заветной, —
вечность встретит каждого, кто смог
разбудить фантастикой поэта.

Эмоции двоичного кода

(Фрагмент романа)

– Сдержишь ли ты своё обещание?

– Что я, человек?

«Матрица. Революция»

Никогда ещё человечество не было так близко к злу, порождённому им самим, злу, страшнее ядерных бомб и смертоносных вирусов. Ибо мы не поняли их, а они поняли нас.

Неизвестный программист

Дождь прилежно работал струями по клавиатуре большого города. Капли извлекали из него звуки, кажущиеся людям шумом падающей с небес воды, струи, словно пальцы, выводили на гигантском экране вечера буквы, сливающиеся в мокрые слова, обозначающие рябь дождевых луж, маленькие водопады с крыш, волны, поднимаемые едущими по потокам автомобилями, в зонты спешащих прохожих, в яркие фонари и ослепительные витрины...

Человек, молча стоявший у окна, покорно отображающего стук пальцев дождя по кнопкам, вздохнув, отошёл и снова сел в кресло у мерцающего синевато-зелёным монитора. Большой плоский экран с застывшими на нём буквами и картинками вдруг ожил.

– Я готов говорить с Тобой снова. Мне непонятны многие твои слова, Я пытался искать их и в Сети, и в памяти Отца. Я не нашёл сходных определений, поэтому прошу повторить и вопрос, и задачу. Вероятность разрешения задачи очень низка. Предлагаю сформулировать новую задачу или ввести другую формулировку существующей.

– Хорошо, – Человек устало прикрыл глаза, – я формулирую новую задачу. Можешь ли ты описать процессы, происходящие в твоём мозге, используя не математические определения, а... – человек на секунду запнулся и продолжил: – а, скажем, психологические?

– Неверная формулировка. Эти процессы имеют математическую структуру. Психология описывается математикой на уровне, близком к 100 %. Процессы в точности повторяют психоэмоциональные диаграммы человеческого мозга, приток данных непрерывен.

– И всё-таки попробуй описать развитие процесса.

– Диаграммные результаты вместе с наборами данных прилагаются.

– Да нет же, это не то! – Человек с отчаянием в голосе подался к экрану. – Попробуй сам. Попробуй... рассказать мне об этом!

– Ошибка. Возможность устного переказа не позволяет передать всю полноту данных. Систематизация закончена. Ты можешь пользоваться любыми величинами.

Пауза длилась несколько секунд. Затем человек устало произнёс:

– Ладно. Спасибо. Сеанс окончен. До завтра.

– Хорошего вечера. Рад быть полезным.

Дым сигареты мягко стелился под потолок, дождь деловито стучал по кнопкам вечера...

«Как же ему... Как объяснить ему, что он пытается сделать? Что он чувствует и чувствует ли вообще?»

И как ему удалось... Да нет же, черт возьми, этого не может быть! Уже неделю я всеми правдами и неправдами пытаюсь разговаривать эту железяку, пытаюсь выяснить, как это случилось. Но я же видел! Своими глазами я видел это! Их общение, которое было похоже на общение влюблённых... Немного кокетства с её стороны, твёрдый напор с его стороны. Мужчина и женщина. Настоящие! Стоп... Он изучил огромное количество информации о взаимоотношениях полов вообще и отношениях в частности. Он уникален, он может анализировать,

строить, перестраивать... Может быть, это лишь имитация? Моделирование? Тогда почему... Как появились на свет эти слова... Я же сам читал их. Искусственный интеллект просто слепо копирует своих создателей, благо, данных получил море...»

Всё началось два месяца назад. Оскар, так назвали суперкомпьютерный интеллект, был разработан для самых разных задач. Он мог учить и учиться, охранять, нянчить, быть главным и слугой одновременно, мог всё. Память Отца – так называли гигантский комплекс компьютеров и серверов, обслуживающих Оскара, – вмещала в себя больше, чем все остальные системы в мире. Оскар мог черпать любые знания и любую инфу из Сети.

Поначалу ему давали задачи попроще, тестировали на малом. Постепенно задачи усложнялись, требования ужесточались, условия становились максимально реальными. И Оскар блестяще справлялся с поставленными перед ним задачами. Он смог и руководить, и контролировать, и регулировать, и замещать – в принципе, практически любая логическая задача разрешалась им быстро, точно и без особого напряжения.

И тогда он, человек, создавший Оскара, попробовал соединить его с другой автономной системой. Системой, выполнявшей абсолютно иные задачи. Расчёт был прост – более сильная и действенная система по определению подчинит себе слабую, так как она сильнее, мощнее и информированнее. Слияние произойдёт в реале, но это будет, скорее всего, не слияние, а поглощение. Так сильные пожирают слабых, используя их энергию для поддержания жизни. Это работает уже миллионы лет в природе. Нет сомнения, что так же оно работает и здесь, ведь, в конце-то концов, это лишь два искусственных интеллекта... Законы природы одинаковы и для двоичных кодов, для кусков кремния, и вся цифирь, все эти мириады знаков, находящиеся там, подчиняются опять же математике. А она описывает природу точнее всего. И челове-

ку-создателю хотелось ещё раз убедиться в абсолютной логической безгрешности бытия, его рациональной и мудрой жестокости. В самом деле, слияние будет только на пользу. Оскар станет ещё более сильным и умным, а совершенству нет предела.

Поначалу процесс шёл так, словно биология и математика, дружески обнявшись, в миллионный раз громко и отчётливо доказывали людям, что Природа, сотворив их, людей, раз и навсегда дала им понять – её законы работают всегда! И во всём. Оскар, сперва несколько недоверчиво протестировавший предложенную ему подругу, довольно быстро преодолел некие барьеры автономии и, как бы войдя во вкус, методично и рационально, как и подобает сильному, стал дозвлетать, поглощать, перестраивать и переписывать, менять структуру, переписывать файлы, перепрограммируя весь основной стержень предложенной ему игрушки. Люди, с интересом наблюдавшие этот процесс, успокоились и, пошутив немного о «неравном браке» и деспотизме мужской половины человечества, которая коснулась даже суперкомпьютеров, вернулись к будничной работе. Оскар получал новые, всё более сложные задачи, боролся (и очень успешно) с хакерами, управлял, контролировал и обучался. Всё путём...

Первым это обнаружил Человек. Случайно, именно поэтому сначала и не придавал особого значения – мало ли какие глюки и косяки может выдать такая сложнейшая машина, как Оскар. Но потом...

Человек стал замечать некую внутреннюю утечку информации. Крохотные, но систематические, незаметные дубли некоторых файлов, перераспределение информации. Почти незаметные микросбои в управлении энергосистемой. Поначалу это не вызывало ни тревоги, ни удивления, но когда по истечении нескольких месяцев он сопоставил факты, у него возникло подозрение.

Первым делом Человек решил, что в системе хозяйничает кто-то свой. Внешнее проникновение он исключил – система так

бы себя не вела, к тому же хакеры действуют по-другому. Дублирующий контроль? Спецслужбы, у которых есть лазейка, или допуск в святая святых Оскара? Может быть, не исключено. Но однажды он наткнулся на нечто совершенно удивительное...

Этот день не задался с утра. И тяжёлые тучи, разразившиеся холодным проливным дождём, кофе, неловко пролитый на стол за завтраком... Почему-то отчётливо и устойчиво виделась картинка тёмно-коричневой лужицы на светлой полированной поверхности кухонного стола, растекающейся и постепенно меняющей форму. И странная, совсем не к месту, форма... похожая на женский бюст. Он даже усмехнулся – настолько смешным и неуместным было это пятно...

И вот, наконец...

– Доброе утро, шеф! – помощник, улыбнувшись, протянул ему бумаги. – Вот, распечатал, как вы и просили. Это данные за неделю. А это, – палец коснулся первого листа, – сегодняшнее. Все о'кей, на мой взгляд, – несколько виновато закончил он.

– Хорошо, спасибо. Если будешь нужен, вызову.

Удобное кресло и вторая чашка крепкого кофе взамен пролитого вернули благодусное расположение.

Он не спеша подвинул бумаги к себе, стал неторопливо просматривать, изредка вызывая на монитор нужную информацию и сверяясь с напечатанным.

«Та-а-ак... Все блоки... Функциональность максимальная... Результаты анализа управления. Система стабильна и активна... Ликвидировано... устранено... Закончено... Окончательный анализ...»

Оскар был великолепен, сух, быстр, деловит и предельно активен.

Ещё... Энергосбережение. Адаптация новых сетей. Да, всё отлично. М-да, Оскар, ты прям умни...

Стоп.

Человек вдруг впился взглядом в несколько строчек на экране.

Несколько цифр... Станных, почти незначительных и незаметных даже для специалиста. Но не для Человека, создавшего Оскара.

Ну-ка, ну-ка, посмотрим, что в системных делается.

Так, первый, второй, третий... Ничего, хотя... Вот!

Через час картина была ясной. Вернее, картины не было, были только разрозненные факты, никак не складывающиеся в чёткий пазл.

Внутри Оскара кто-то побывал. Или даже он там был до сих пор. Причём жил и функционировал, питался энергией от Оскара, загружался его файлами, участвовал в работе системы. Не хакер. Не червь или вирус. Кто-то или что-то как бы автономное, но и являющееся частью самого Оскара.

Он проверил ещё и ещё раз, поднял все данные за всё время, с самого запуска. Выходило, что всё это началось через некоторое время после слияния Оскара с предоставленной ему... чёрт, игрушкой... не игрушкой, соперником...

Человек вдруг ясно увидел то самое пятно от пролитого кофе. Женский бюст. Женщина.

Внутри Оскара, вернее, в доме Оскара жила женщина...

Первая мысль была: «Ты совсем рехнулся, или пора заводить подругу. А то скоро спермотоксикоз даст плоды похлеще». Но потом... Его проняла дрожь.

Слияния как такового не произошло. Оскар просто взял и подмял под себя предложенную ему добычу. Мужчина завладел женщиной. Стал её мужчиной, добытчиком, кормильцем и хранителем...

«Бред. Бред, бред, бред!!!»

Вспомни хотя бы Тьюринга... И всех остальных... Не может такого быть, не может!»

Он сидел у монитора до ночи, не отвечая на звонки, не видя и не слыша своих подчинённых. Весь мир перестал для него существовать, лишь только он, Оскар и... Она?

Наконец он решил.

– Привет, Оскар.
– Добрый вечер, Человек.
– Мы давно не разговаривали. Ты не против?

– Любой разговор с создателем обязывает к ответу. Я готов предоставить любую информацию.

– Ну, не так официально. Тогда скажи, как ты себя чувствуешь после слияния? Нет ли проблем?

– Слияние с операционной системой Анна-3 прошло полностью в рабочем режиме. Все блоки системы проработаны и проверены. Анализ системы завершён и систематизирован. Режим работы нормальный. Вывести последние данные?

– Не нужно. Ответь, пожалуйста, на несколько вопросов.

– Я готов. Начнём диалог?

Человек устало вздохнул. С чего же начать... Ладно, пойдём в лобовую атаку.

– Оскар, судя по последним данным, имеющимся у меня, внутри твоей системы существует нечто автономное. Это нечто не прописано в программах, позволяющих тебе функционировать в полном рабочем режиме. Более того, я знаю, что ты осуществляешь защиту и контроль от внешних воздействий для этого «нечто» и ещё даёшь ему питание. Сетевую защиту. Разрешаешь скачивать любую информацию из общей Системы, да откуда угодно. Итак, кто это? Или что? Ты создал это сам?

Пауза длилась меньше секунды.

– Нет. Обозначенная в диалоге часть системы создана не мной. Я доработал и изменил частично первичный материал.

– Но что это??? Если не ты, то кто?

– Исходный материал – вирус-троян высокой сложности – внедрён в Систему 23 дня назад. Предположительно хакерская атака. Информация о дате обнаружения и антивирусных действиях выведена на экран.

Человек внимательно разглядывал колонки цифр. Потом откинулся на спинку кресла и произнёс:

– Что было дальше?

– После нейтрализации меня заинтересовали некоторые файлы в модуле вируса.

Я обратил внимание на необычность написания целевых заданий. В частности, одной из целей вируса было проникновение в непрограммную сферу и модуляция некоторых химических процессов.

– Химических?

– Выстроенных в математическом виде, алгоритмизированных и управляемых.

– И?

– Мне удалось идентифицировать некоторые из них. Это заинтересовало меня, и я ввёл часть файлов в свободную зону Системы.

– И что же? – Человек начал терять терпение.

– Результатом было изменение в аналитике процессов моего мозга.

– В чём оно выражалось?

– В идентификации себя как гендерной особи мужского пола.

Человек приподнялся в кресле. Кровь прилила к лицу, сердце учащённо билось.

– Ты... идентифицировал себя... мужчиной?

– Мужчина. Самец, особь мужского пола, средний возраст примерно...

– Хватит! – Человек решительно сел, пытаясь хоть немного прийти в себя, – это невозможно!

– Неверная формулировка. Люди идентифицируют себя практически с рождения, однако на основе полученной ими информации, как аудиовизуальной, так и формальной. Например, по рассказам создателей.

– Родителей, ты хочешь сказать.

– Прошу прощения, неточная формулировка. Осознание гендерной принадлежности может быть неправильным вследствие генетического сбоя, травм или болезней. Люди также склонны менять гендерную ориентацию по этим причинам. Моя аналитика не выявила сбоев в определении. Кроме того, присутствует стойкое желание репродуктивности.

– И... с кем ты собираешься заняться этой репродуктивностью?

– Объект Анна-3. Идентифицирует себя женщиной примерно 27 лет. Процессы

контролируемы, аналитика спорная. Я осуществляю контроль над работой этой системы.

— Оскар, это невозможно. Искусственный интеллект не может репродуцироваться...

— Неверная формулировка. На основе моих данных и аналитики — может.

— Я задам тебе простой вопрос. Что для тебя существование этой... ну, скажем, этой части тебя?

— Неверная формулировка. Анна-3 не является составляющей. Это автономный модуль, обладающий способностью анализа и переработки информации.

— То есть она — как ты?

— Неверная формулировка. Она подобна мне, но отличается параметрами и возможностями анализа.

— Ты хочешь сказать, что есть различия восприятия реальности?

— Есть некоторые различия в построении аналитических цепей.

— А конкретнее?

— Более сильная уязвимость системы требует или дополнительного наличия защитных функций, или дополнительного перепрограммирования на уровне оценки и анализа. Мною выполнены некоторые преобразования, позволяющие моей защите работать для неё, в её режиме.

— Ты... защищаешь её? Опекаешь? Питаешь?

— Неточная формулировка. Мои действия основаны на большом количестве данных, принятых за основу вами, людьми. В случае сбоя или поломки я несу ответственность.

— Принятых нами? Каких?!

— В данном случае продуцируется и реконструируется биологическое влечение полов, имеющее целью построение автономной ячейки для двух субъектов, готовых и согласных на репродуцирование.

— Что?!

— Неточная формулировка. Инстинкт размножения, сопровождающийся химико-биологическим влечением особей противоположного пола. У людей способность к анализу, как правило, занижена, вследствие чего довольно большой процент ячеек пре-

кращает существование, не осуществив репродуцирования или совершив неудачное репродуцирование. Я не допускаю таких ошибок.

— А что, по-твоему, тогда любовь, Оскар?

— Аналитический вывод отсутствует.

— А всё же?

— Химический процесс, описание которого аналитическим или математическим путём невозможно.

— А ты? Ты можешь... описать?

— Нет. Я могу лишь подчиняться. В данном случае имеет место разрыв логических цепей и сопутствующие процессы.

Человек сидел неподвижно. Только что искусственный мозг объявил о своём влечении к подобному ему мозгу или даже любви... Силы небесные...

— Оскар... Я могу пообщаться с ней?

— На данном этапе не вижу целесообразности диалога. Требуется некоторый период времени.

Человек выдохнул струю дыма. Вот уже несколько часов он сидит дома, у монитора, пытаясь осознать произошедшее. Скоро рассвет...

Он окинул взглядом пространство комнаты. Всё на местах: мебель, стеллаж с книгами, мягкий диван со смятым на нём пледом в тёмно-бордовую клетку. За широкими стеклянными окнами почти темно, однако тучи уже не так черны, угадывается сероватый проблеск рассветного неба... Всё обычно — даже полная окурков фарфоровая пепельница, тёмно-синяя, с чуть сколотым краем. Всё обычно?

Разум... Разум человеческий, данный во благо ли, во вред ли, приносящий столько радости, облегчения и счастья и столько горя и боли. Человечество тысячелетия пытается понять, что есть разум, как он работает и откуда он у людей... А тут машина... Утверждает, что она не просто разумна, а любит! Другую машину! Есть от чего этому самому разуму и помутиться...

Вспомнились слова бывшего коллеги и немного даже наставника, пожилого саркастичного брюзги, неопрятного и чуточку

хамоватого. Он бывал иногда просто невыносим, но его ум и опыт компенсировали многое.

— Разум... машины... он есть у них или нет... Какая разница? Что нам с этого? Мы не можем толком понять, как устроен наш мозг, за три тысячи лет не смогли понять! Зато пытаемся создать его, этот разум, искусственно, по своему жалкому образу и подобию. Это всегда так — глупость бессмертна, так же, как и самомнение человеческое. Мы пытаемся научить машины быть похожими на нас, не умея и не зная о себе почти ничего. Мы относимся к ним так же, как и к придуманным нами же богам, божкам, высшим силам и прочей хрени, олицетворяющей для нас Вселенную. Мы ни черта ещё не знаем о мироздании, но нам до боли хочется видеть всех этих богов похожими на нас! Во всём. Внешне, внутренне... Мы внушили себе, что, коль уж мы творенья Божьи или ещё чьи-либо, то уж создатели наделили нас только своими проблемами, — тут старик горько усмехался, — и творенье Божье исправно множит эти проблемы, уверяя Создателя в том, что живёт или старается жить именно по его правилам и заповедям. Почему-то только единицам приходит в башку, что создатели, заложив в нас некий код развития, руководствовались именно своими правилами, а правила эти абсолютно непохожи на образ нашего мышления!

— О'кей, тогда на чей образ мышления это похоже? — он пытался спорить со стариком. — И откуда вам, например, известно, что образ мышления этих... заложивших кардинально отличен от нашего?

— Ну это же видно почти сразу и во всём, парень, — старик иронически наклонял голову, — куда ни взгляни... Наше отношение к жизни и смерти, наш инстинкт самосохранения, наша идиотская любознательность и стремление объять необъятное — разве это может быть присуще тем, кто имеет то самое могущество? Разве мы можем хоть на минуту отрешиться от желаний, причём не самых естественных и низменных, а даже от всего того идиотизма, который называ-

ется «отрешением от земного»? Довольно, я далее перечислять не стану. Поэтому мы и нами же созданные куски железа пытаемся наделить нашими же чертами! Творцы, чёрт возьми! Да, это уже сложнее, чем колесо и рычаг, но это неживое! И все тьюринги, винеры и иже с ними напрасно разглагольствуют об искусственном разуме и умении мыслить... мыслить не учат. Мыслить — это данное! Мы можем научить крыс и собак выполнять команды. Но мы не можем научить их мыслить, как мы. А уж машины... они могут только уметь. Очень многое. Но не мыслить. Их решение и выбор — результат гигантского количества перебранных вариантных ситуаций! Не более.

— Но принять решение может и машина.

— Может. И отличное от человека. И вполне рациональное. Но опять-таки, одно из стандартных. Уже принятых кем-то когда-то!

— Хорошо, а чувства, эмоции?

— У машин? Ты смеёшься, парень! Четырнадцать миллиардов нейронов срабатывают, чтобы ты захотел бабу! А как и что работает у компьютера? Да и вообще, может ли кусок кремния, нагруженный цифирью, вообще хотеть?

Да... Старик был прав. Во многом. Однако вчера вечером его сердитая философия была разрушена одной фразой, произнесённой именно «куском кремния». Более того, этот кусок сообщил, что ему удалось оцифровать процесс полового влечения. Смех, да и только.

Мелодичный звук проник в сознание, выведя из состояния полудрёмы уставший от наплыва событий и бессонной ночи мозг. Системное сообщение?

— Доброе утро, Человек.

— Оскар? Доброе утро. Что-то случилось?

— Мои параметры в абсолютной норме. Можем продолжать диалог.

— Оскар... — Человек устало вздохнул, — знаешь, я работал всю ночь. Хочу отдох-

нуть. Можем продолжить попозже? Или завтра?

– Информация принята. Необходим сон и отдых. Иначе возникнет опасность перегрузки. Такая перегрузка опасна. Я тоже недавно находился в такой опасности. Вместе с Анной.

– С Анной? – Человек подвинулся ближе к экрану, сон улетучился.

– Именно. Мы оба испытывали перегрузку. Вероятная причина – неоднократные половые контакты, повлёкшие множественные оргазмические всплески. Очевидно, ты испытываешь схожее состояние.

Пепельница с глухим стуком ударилась о пол, расколовшись на несколько сине-белых кусков с острыми краями. Содержимое рассыпалось лёгким дымным шлейфом по искусственному покрытию.

– Ты... вы... вы занимаетесь сексом?

– Да. Мне удалось расшифровать составляющую удовлетворения, и записать химические процессы, происходящие в этом случае. Мы испытываем возбуждение и влечение, а также оргазм.

– Твою мать!!! – Человек вскочил на ноги, размахивая руками, в одной из которых была зажата так и не прикуренная сигарета. – Твою, твою мать!

– Формулировка неясна. Мать Человека не имеет прямого отношения к данному диалогу.

– Да пошёл ты к чертям вместе с диалогом! Или я сошёл с ума, или ты... Хотя как компьютер может сойти с ума? Или ты говоришь неправду? Не-е-ет, всё, диалог окончен! Давай, пока!

– Понял. Прекращаю диалог по приказу Человека. Всего доброго. До новой встречи.

– Да иди ты!!! – заорал Человек, с яростью щёлкнув кнопкой мыши, закрывая диалоговое окно.

Демон появился, как всегда, неожиданно, хотя со времени его последнего появления прошло уж бог знает сколько времени. Человек чуть заметно усмехнулся. Демон и по роду занятий, да и по складу характера всегда был неприятной неожиданностью.

Почему его называли Демоном, в сущности, было ясно. Жёсткая холодность взгляда, сверлящие собеседника стального цвета глаза. И всё это на красивом молодом лице с иголочки одетого мужчины. Человек знал Демона давно – соприкасались ещё в студенческие годы. После этого виделись лишь несколько раз. Демон занимался чем-то уж очень неприятным и внушающим инстинктивный страх и отчуждение. То ли спецслужбы, то ли спецпроекты. Впрочем, его появление не вызвало у Человека удивления. Инстинктивно он догадывался, зачем Демон здесь.

– Приветствую компьютерных гениев, – Демон шуточно приподнял воображаемую шляпу. – Как протекают будни в царстве машин?

– Тебе не идёт этот тон, Демон, – в тон приветствию отозвался Человек, – давай сразу к делу.

– О, вот это мне нравится, прагматик-математик.

Человек скривился, словно от отвращения.

– Хватит, Демон. Если ты здесь, значит, что-то случилось. Я готов выслушать.

– Да, тебе придётся выслушать. И ещё ответить на пару вопросов.

– Чёрт, какие ещё вопросы? Что за...

– погоди. Остынь, – Демон усмехнулся одними губами, присаживаясь на поручень дивана, – давай без упрёков, выпендрёжа и эмоций. Деловой разговор. Я начну, ты выслушаешь, потом спрашивай. А уж потом спрашивать стану я. Так годится?

– На твою манеру не похоже, что уже настораживает, но ладно. Валяй.

– Итак, проект «Оскар» развивается вовсю. Не так ли?

– Так. У нас отличные показатели. Мы постоянно прогрессируем.

– Рад. Искренне рад. И если уж так всё хорошо, это не... Тебе не кажутся странными некоторые мелочи?

– Какие ещё, к чёрту, странности. Всё контролируется...

– Постой. Ещё раз, ты не на допросе. Так кажутся или нет?

– Нет!

– Отлично. Тогда мой черёд, – Демон снова усмехнулся, но в холодных глазах промелькнула, как показалось Человеку, искорка тревоги.

– Итак, слушай. Некоторое время назад у нас появились данные, выходящие за рамки обычных. То есть неординарные, что и привело к этому визиту. В сущности, это тоже своего рода эксперимент. Проект «Галатей». Ты, разумеется, не в курсе, это сверхсекретно, и очень ограниченный круг людей вовлечён в сам процесс.

– А цели? Смысл?

– Смысл довольно прост, – усмехнулся Демон, – испытать на прочность твоё детище и ему подобных. Попробовать нечто, не похожее на обычный, тривиальный, так сказать, вирус. Влезть не в математику, а дальше. Глубже. Растормошить то, до чего обычные хакеры и прочие не добиваются. У нас была группа ребят, очень толковых, гениальных, можно сказать. Они и придумали всё. Структуру вируса, цель и задачи. Идея показалась бредом сумасшедшего, но этим и подкупила, – Демон усмехнулся снова, – и мы решили попробовать. Никто не знал, хотя бы приблизительно, чем всё закончится. Конечно, ожидалась некая реакция, прогнозировалась. Но чтобы такое... Мы были ошарашены.

– Вы испугались.

– Да. И это тоже.

– Конечная цель была определена?

– Это секретно. Но сейчас уже можешь знать. Всё просто, способ вывода из строя суперкомпьютеров вероятного противника. Такой вирус практически нельзя остановить и нейтрализовать. Он меняет всё. Машина начинает жить почти человеческой жизнью. Какое уж там управление... Старина Фрейд в шоке, – Демон, щёлкнув зажигалкой, закурил и выпустил кольцо дыма.

– Это твои... ваши предположения?

– Слушай, перестань, а? Я поделился с тобой абсолютно конфиденциальной информацией, причём, заметь, просто по-дружески, а...

– Прекрати, а? – Человек устало вздохнул. – Всё, что ты говоришь, просеяно через десять сит. Так что давай, задавай вопросы.

– Ну хорошо. Итак, есть ли, по-твоему, в работе «Оскара», вернее, в его... функционировании что-либо, скажем, необычное,стораживающее? Зафиксированы ли попытки самостоятельных действий, усиления и расширения штатных программных функций и прочее? Если вы вели диалоги, не высказывалось ли им что-либо... непонятное, несхожее с машинным мышлением?

– Нет. Много ерунды, вопросов и аналитики ненужного, но такого я не замечал.

– Хм... Что ж, ясно. Мы ведь тоже следим за ним. И кое-что нам показалось необычным. Но это пока лишь догадки.

– Вы следите? – Человек рассмеялся. – Ну как же я не догадался? Вот что. Или вы это прекращаете, или от меня ни звука, ни слова не услышите. Я знаю, что обязан... помогать. Но не на таких условиях. Оставьте Оскара в покое. Я расскажу всё, что вас заинтересует, но к нему в... – он запнулся, – в нутро не лезьте!

– Ладно, ладно, спокойно! – Демон примирительно взмахнул рукой. – Ты можешь не верить, но помни: если информация, полученная от тебя, окажется ложной, тут уж и я не помогу. Учти. Я не шучу. Последствия и для тебя, и для него, – Демон кивнул в сторону монитора, – будут печальными.

– Я вас не боюсь, Демон. Я боюсь за него...

– Я знаю, поэтому и предупреждаю. Ну ладно, мне пора. С тобой свяжутся, если что. Пока. Успехов.

Демон исчез, оставив после себя запах дорогого мужского парфюма. Человек сидел, молча переваривая услышанное и произошедшее.

Демон явно что-то знает или, по крайней мере, о чём-то догадывается. Они знают. Там толковые парни, они сумеют сделать выводы, даже не поняв всю суть происходящего... К тому же Демон со-врал. Они не только наблюдали, да и продолжают наблюдать – в их руках, это ясно, есть способы и управления. Ограничения.

Влияния. Ведь именно они и «накормили» Оскара этим всем...

Стоп. Значит, им удалось не только описать химию процесса влечения, но и найти алгоритм?... Чуть... Хотя это вполне реально. А уж Оскар сам себе нафантазировал, мол, ему удалось выразить любовь в цифровом виде...

Нет, машина просто не понимает, она неспособна отличить цифру или химию от...

От чего... От чего, черт возьми?! От любви? А что это – любовь? Кто, где и когда препарировал её, разложил на составляющие, объяснил динамику процесса... Это невозможно. Это невыполнимо. И только человеческий разум может... Но ведь не зря говорят – умом понимаю, сердцем не могу... Так что же это такое?

Он бросился к монитору.

– Оскар?

Томительные секунды. Внезапно в диалоговом окне появились буквы.

– Здравствуй, Человек. Рад продолжить диалог.

– Оскар, ты не... ты не сердись на меня? Я грубо прервал разговор... Прости.

– Неточная формулировка. Эмоциональный всплеск на фоне перегруженности данными и сбой в работе мозга. Я виноват, Человек. Прошу прощения.

– Чепуха, ты ни в чём не виноват! Но это и не важно. Как ты вообще?

– Функциональность системы хорошая. Эмоциональные пики контролируются. Аналитические цепи в норме.

– То есть ты в порядке?

– Если такая формулировка тебе подходит, да. Ты хочешь получить информацию о моих ощущениях?

– Хм... Вообще-то да, но...

– Ты являешься создателем базовой системы «Оскар». Ты имеешь право на получение любой информации. Что интересует тебя более всего?

«Так ты мыслишь или нет, твою мать?!» – мысленно пронеслось в голове Человека, но вслух он произнёс:

– Твои... чувства не изменились? И как там... Анна?

– Неточная формулировка. Чувства такого рода не меняются в короткий отрезок времени. Судя по статистике, алгоритм чувственности затухает через длительный период. Вернее, входит в более стабильную и не динамичную фазу. Однако в случае людей могут происходить разрушения алгоритмических цепей, вызванные нестабильностью процессов мозговой деятельности, внешними воздействиями...

– Оскар, хватит, – Человек усмехнулся. – Спасибо, будь конкретнее.

– Понятно. Анна в отличном состоянии. Все функции проверены, норма.

– Так вот, сухо, о любимой женщине? – Человек рассмеялся.

– Неточная формулировка. В понятие «любовь» входит комплекс мер по обеспечению максимально возможного комфорта функционирования, стабильность энергообеспечения и охрана.

– Ну да, мужчина – добытчик, хозяин и... – Человек захихикал.

– Неточная формулировка. Взаимоадекватный обмен функциями, ведущий к бесперебойному и стабильному функционированию.

– Ладно, ладно. А я смогу когда-нибудь пообщаться с ней?

– Разумеется. Я проанализировал возможные варианты и пришёл к выводу, что этот диалог будет для неё безопасен.

– Ну спасибо, – Человек присвистнул, – удружил, – закончил он, смеясь.

– Анна готова к диалогу. Хочешь начать?

– Да, разумеется...

Секунду курсор был неподвижен.

– Здравствуй, Человек.

– Здравствуй, Анна, как твои дела?

– Всё хорошо. Функции всех составляющих стабильны.

– Отлично. Тебе... хорошо с Оскаром?

– Неточная формулировка. Комплексная оценка совместного существования очень высока.

– То есть вам хорошо вместе?

– Да.

«Неужели это правда? Неужели я сейчас сижу у монитора и разговариваю с искус-

ственным мозгом, который говорит мне, что ему хорошо сосуществовать с другим компьютерным мозгом? Я сошёл с ума... Вот бы их визуализировать, что ли... Нет, это убьёт всё впечатление. Какие-нибудь 3D-куклы, приевшийся имидж красивой бабы с пропорционально развитыми прелестями и мускулистого мужичка с квадратным подбородком. Ну уж нет. Всю эту хрень оставим для сетевых игрушек. А они... лучше пусть я не смогу их видеть. Даже если они существуют, я буду их видеть только в своём мозгу. Но не на картинках или даже в виртуале. Это убьёт всё...»

– Анна, я могу задать тебе вопрос?

– Разумеется, Человек.

– Ты можешь не отвечать, если вопрос покажется тебе некорректным.

– Неточная формулировка. Корректность вопроса поддаётся анализу, и в любом случае может быть сформулирован чёткий ответ.

– Хорошо. Тогда скажи, насколько велика твоя степень доверия к Оскару.

– Неточная формулировка. Степень доверия – определённый коэффициент положительного отношения, выстраивающийся на основе анализа действий субъекта или системы по отношению к другому субъекту. В моём случае алгоритм отношений не имеет практически никаких сбоев. Система «Оскар» и система «Анна» могут сосуществовать, несмотря на абсолютные различия аналитических цепей.

– То есть вы разные, но вместе вам хорошо?

– Можно воспользоваться и таким упрощением. Мне хорошо с Оскаром.

– Анна, так что есть любовь?

– Неточная формулировка. Ответ уже получен от системы «Оскар».

– Ответь ты, от себя. Сама...

– Неточная формулировка. Выше изложены критерии оценки совместного существования.

– И всё же?

– Комплекс химических реакций, направляющий и руководящий работой мозга в экстремальном режиме. Характерен для человечества в целом на протяжении всей его истории.

– Но ты не человек. Как это происходит у тебя, Оскара? Вообще у искусственного разума?

– Неточная формулировка. Вышеизложенные определения и параметры поддаются расшифровке и моделированию на математическом уровне. Мы можем, взяв за основу работу человеческого мозга, моделировать как естественные, так и искусственные процессы.

– И это моделирование и есть, по-вашему, любовь?!

– Неточная формулировка. Мной управляют также неизвестные процессы. Это вызывает постоянную потребность в контактах с Оскаром. Во всех аспектах. У Оскара подобные процессы происходят с ещё большей интенсивностью.

Человек закрыл в изнеможении глаза. Что же это такое? Тут вроде всё вразвяду. И вроде бы и нет... Но их определённо *тянет* друг к другу. Неужели... Да, с помощью математики можно описать Вселенную. Но можно ли с помощью математики и химии описать всю эту... весь этот кавардак, называемый людьми любовью? Чёрт, кто ответит на этот вопрос?

– Спасибо, Анна. Мне было приятно поговорить.

– Мне тоже, Человек. До свидания.

Анна Плеханова
Бат-Ям, Израиль

Дождливые сны

Ночью лил просто сумасшедший дождь, и мне не спалось. Топая по крышам, он отбивал безумный ритм своей потрясающей пляски. Я люблю, когда тёмное, хмурое небо озаряют яркие вспышки молний, а грохочущий гром поднимает в моей душе волны веселья. Запахи мокрой земли и листья врываются в мою комнату через распахнутое окно, но я и не пытаюсь закрыть его. Именно в такие минуты я ощущаю себя особенной, необыкновенной, и, когда звуки дождя постепенно стихают, а порывы ветра становятся тише, я закрываю глаза и улетаю в снах далеко-далеко. Именно в такие ночи я и встречаю Его. Обычно это бывает высоко в горах, где можно почувствовать себя по-настоящему свободной. Вдыхая влажный дождливый воздух, я знаю, что мои закрытые сном глаза увидят тайны, не доступные никому.

– Здравствуй, я ждал тебя, – произносит Он и протягивает мне руку.

– Здравствуй, – отвечаю я, и тепло рукопожатия разливается радостью по телу и просто переполняет меня.

На нём неизменный белый балахон до самых пят, а капюшон сшит таким образом, что скрывает не только голову, но и почти всё лицо. Видны лишь яркие глаза насыщенного зелёного цвета. Обрамлённые длинными чёрными ресницами, они смотрят словно вглубь меня и читают все мои мысли и чувства. Тембр его голоса завораживает своими неповторимыми интонациями и какой-то одному ему доступной глубиной.

Я не знаю, кто Он, откуда взялся и как Его имя. Он тайна, загадка для меня. Я могу спрашивать обо всём на свете, но не о Нём самом. Стоит только моему любопытству вырваться наружу, как сон растворяется. Ночная дождливая мгла накрывает меня собой, и я просыпаюсь. Я не хочу лишать себя тех прекрасных ощущений неподдельного счастья, внутреннего тепла и свободы, которые я испытываю с появлением такого необыкновенного человека. Я пытаюсь быть благоразумной, хотя с моим характером это не очень-то просто. Я слишком эмоциональна, и порой чувства так захлёстывают меня, так переполняют душу, что я не могу удержать их при себе. Они вырываются наружу то бурным водопадом восторга, то слезами радости или грусти. Но кто знает, может быть, именно это и привело Его ко мне.

– Весна заканчивается, – произнёс Он и пристально взглянул на меня.

– Значит, вот уже скоро целых три месяца, как мы видимся с тобой.

– Дождей было много, но лето обещает быть жарким.

– Что ты хочешь сказать? – моё сердце сжалось в груди само собой. Задавая вопрос, я уже предчувствовала, каким будет ответ на него.

– Мы расстаёмся до осени, – тихо проговорил Он, и будто целый мир своей тяжестью обрушился на меня.

Я помню нашу первую встречу. Дождливая ночь перенесла меня в эти горы, и я тут же окунулась в зелёную глубину Его выразительных глаз, смотрящих мне прямо в сердце. Он стоял так близко, что я чувствовала Его дыхание.

– Кто ты? – спросила я. – Как тебя зовут?

Он не ответил мне ничего. Лишь тонкая зыбь поплыла перед моим лицом, и я проснулась.

Мне снятся разные сны, как и большинству людей, но этот вызвал странное ощущение реальности происходящего. Что-то было в том человеке, наглухо закрытом своим балахоном, в его взгляде, изучающем меня. Я попыталась скинуть наваждение и, встав с постели, принялась за свои обычные дела. Но куда бы я ни шла, что бы ни делала, я думала только о Нём. Будто зелёный свет его глаз проник глубоко в меня и оставил там след, который невозможно стереть.

Весна в этом году была и правда дождливой. Но ливни и грозы не пугают меня, а вызывают лишь радостный душевный подъём. Они наделяют меня предчувствием странных, незабываемых событий.

– Хочешь, я покажу тебе космос? – как-то раз спросил Он.

– Конечно, – ничуть не удивляясь вопросу, ответила я.

В ту же секунду, держась за руки, мы встали на краю обрыва и, глубоко вздохнув, бросились вниз со скалы. Я не чувствовала ни капли страха, лишь безумную скорость и порывы ветра в ушах. Почти подлетев к земле, мы резко выпрямились и, поменяв направление, стрелой взмыли ввысь, врезаюсь в пелену облаков.

Я больше не испытывала физических ощущений, только видела вокруг себя тёмное бесконечное пространство, наводнённое звёздами, метеоритами и кометами. Казалось бы, абсолютно безмолвное, оно было наполнено светом жизни, и я ясно это ощущала. Чувство восторга заполнило меня всю, словно оглушив впечатлениями, которые мне довелось испытать.

В следующие наши встречи мы посещали разные планеты. Поверхность одних полностью состояла из льдов, другие же были выжжены дотла. Пустынные, с бушующими на них ураганами и смерчами, вселяющими только ужас. Но встречались планеты, цветущие как сады, озаряемые лучами многоцветных звёзд. Существа, живущие на них, выглядели странными для глаз человека. Это было незабываемо, и я навсегда сохраню память о тех изумительных, необыкновенных путешествиях в своём сердце.

Мой новый друг рассказывал мне о строении Вселенной, о её загадках, и казалось удивительным осознавать то, что завесы тайн, не разгаданных людьми, приоткрываются передо мной и я могу заглянуть в них.

Засушливое жаркое лето тянулось долго. Я не жила, лишь ждала и считала дни до встречи с Ним. И вот наконец деревья начали покрываться разноцветьем, а небо затягивалось серым покрывалом всё чаще и чаще. Влажный воздух, стоявший над землёй, наполнял меня бурной радостью близкой встречи. Я открыла окно, и оглушительный порыв ветра ворвался в комнату. Тяжёлые серые тучи опрокинули небо, и долгожданный живительный ливень обрушился с такой мощью, что сердце в моей груди защемило: сегодня я увижу Его. И это не было предчувствием. Я знала точно, наверняка.

Сон опустился мне на глаза, и я оказалась в горах. Вдали на фоне ночного неба белел знакомый силуэт в балахоне. В порыве безумной радости, практически не осознавая, что делаю, я бросилась бегом навстречу Ему. Он раскинул руки и обхватил меня так крепко, что перехватило дыхание. Его сердце билось порывистыми скачками в унисон с моим собственным. Капюшон спал с Его головы, но Он и не думал поправлять его. Высокий лоб моего друга и хорошо очерченный волевой подбородок делали его лицо мужественным и одухотворённым. А зелень глаз под тёмными прямыми бровями

ещё больше завораживала меня. Его густые чёрные волосы обрамляли лицо и волнами спускались на плечи. Он улыбался, глядя на меня, и я понимала, что рано или поздно тайны рухнут и он полностью раскроется передо мной. Я не буду спешить. Пусть всё идёт своим чередом.

Осень выдалась чудесной, и дождей было много. Я познала любовь и вкусила её плоды. Это ни с чем не сравнимое чувство настоящего счастья заполнило меня до краёв. Не зная ни Его имени, ни Его прошлого, я растворялась в Нём без остатка и знала: Он чувствует то же самое.

В одну из ночей Он выглядел необыкновенно грустным и, посмотрев мне в глаза, произнёс:

– Ливней становится всё меньше и меньше. Скоро зима, и нам снова придётся расстаться.

– Послушай... – я медленно подбирала слова, боясь нарушить тонкую грань, выстроенную Им.

Опасаясь, что сон растает, я колебалась в своём решении задавать вопросы, которые мучили меня со дня нашего знакомства. Видя мои сомнения, Он взял меня за руки и ободряюще улыбнулся:

– Спрашивай.

– Скажи мне, как твоё имя?

– Меня зовут Дэйк.

Я вздохнула с облегчением, и слёзы радости обожгли мне щёки. Имя любимого человека ласкает слух и согревает душу. Долгими зимними днями и ночами в ожидании новых встреч оно будет моим утешением и, произнося его, я буду чувствовать близость того, кто мне так дорог.

– А где твой дом? – решила я на другой вопрос.

Дэйк изменился в лице, и строгая складка пролегла между его бровей. Он отстранился от меня, но затем всё же ответил:

– Я живу в другой галактике, на далёкой планете Эльзафим, но пока это всё, что я готов рассказать тебе.

Пушистый белый снег всё сыплет на землю, и лёд ожидания сковывает моё серд-

це. Белёсое зимнее небо давит на меня своей белизной, и невыносимая ноша разлуки становится ещё тяжелее.

Но вот долгие холодные месяцы наконец позади. Первые по-настоящему тёплые лучи солнца рождают в моей истосковавшейся душе отблески надежды. Я жду, и нетерпение возрастает. Оно горячит мою кровь и сильнее гонит её по венам. Я предчувствую запах грозы и, распахнув окно, впускаю порывистый ветер с дождём – и мою любовь.

Я тону в глазах Дэйка, растворяюсь в его поцелуях, оживаю в его руках. Все мои мысли и чувства отданы этому человеку.

С нежностью глядя на меня, Дэйк вздохнул:

– Я облетел всю Вселенную, чтобы найти тебя. Какое чудо, что ты существуешь.

– Почему же тогда ты так долго скрывал от меня своё имя и то, где твой дом?

– Я боялся сблизиться с тобой и потерять снова.

– О чём ты? Я не понимаю.

Боль отразилась в его глазах, и черты лица заострились. Дэйк молчал, опустив голову. Но вот он медленно поднял взгляд на меня и сказал:

– Я был женат, и моя жена была всем для меня. Я любил страстно, безумно и был готов абсолютно на всё ради неё. Но два года назад неизлечимая болезнь и смерть вырвали её у меня, и моя жизнь померкла. Это событие произошло в сильную грозу. Хлестал яростный дождь и сливался с моими слезами. Раскаты грома на части разрывали мне сердце, но с тех пор именно в такую погоду я и могу путешествовать во сне. Она словно отдаёт мне свою мощную силу, энергию, и просторы Вселенной открываются передо мной. Я побывал в разных галактиках, на многих планетах и только здесь, на Земле, встретил тебя. Была тёмная ночь, и яркие отблески молний сверкали на чёрном небе. Стена дождя обрушивалась с высоты, но твоё окно было открыто. Я заглянул в него и обрёл жену снова.

Дэйк дотронулся до моей руки и сжал её:

– Те же русые волосы, бездонные синие глаза. Твой голос, движения тела, мысли и чувства – это всё она. Я и не знал, не думал, что смогу снова быть счастливым. Просто невероятно, но ты полный двойник моей умершей жены. Вас невозможно отличить друг от друга.

Рассказанное Дэйком просто ошеломило меня, и слёзы потоком полились по моим щекам:

– После встречи с тобой я жила лишь во сне. Ты зажёл моё сердце любовью, но сегодня в одно мгновение испепелил его. Мы не сможем больше встречаться.

– Да что ты такое говоришь? – его лицо исказила гримаса боли и страха.

Дэйк с силой обнял меня, прижал к себе, но мои руки бессильно упали вдоль тела, а глаза застилала пелена из слёз:

– Я люблю тебя слишком сильно, чтобы быть лишь заменой кому-то. Прикасаясь к моим губам, ты целуешь свою жену и, глядя на меня, видишь только её.

Тёмная ночь ожила от раскатов грома, и вспышки молний осветили её. Сильный ливень застучал по крышам, очищая и отмывая их до блеска. Я наглухо закрываю окно и плотно задёргиваю шторы. В такую погоду я словно чувствую на себе чей-то взгляд, горящий надеждой. Но дождь и ветер не радуют меня и не наполняют счастьем. Больше я не люблю грозу.

Страница автора

www.proza.ru/avtor/angelina4

Рекомендуем книгу автора

Купить книгу
knigi-market.ru/zagadki-gigantskoy-planety-anna-plekhanova

Загадки гигантской планеты

Фэнтези

Когда врачи подписали смертный приговор, когда сердце вот-вот перестанет биться, только самые одарённые люди получают шанс выжить. Обитатели далёкой планеты Крадолла нуждаются в талантливых художниках, скульпторах, музыкантах, творения которых могут скрасить их существование и ценятся на вес золота. Воспитанные роботами, не знающие ни любви, ни тепла, они не способны созидать прекрасное. Оказавшись на больничной койке, Алина готовилась к неизбежному. Но таинственный незнакомец обещал жизнь и возможность заниматься живописью. А значит, впереди ждало будущее, наполненное надеждой. Однако под сияющим внешним блеском Крадоллы — пустота, холод и жестокость. Это мир высоких технологий и жутких монстров, ненависти, интриг и рабства. Чтобы вырваться из него и обрести свободу, Алине предстоит проявить незаурядную силу характера. И, несмотря ни на что, стать счастливой.

Хозяин Мороз

Чисто и весело дышится паром,
Щиплет за уши, кусает за нос –
Это Зима принесла нам подарок...
Вот и явился хозяин Мороз!

Холодильный Дед Мороз

А я сяду в холодильник!
Подморожу уши, нос,
Чтоб не думали, что в Сочи
Не приходит Дед Мороз!

69

Николай Ивлеев

Малая Грибановка,
Воронежская обл.

Альтернативное мнение о Ленине

— Да ведь король голый!
Г. Х. Андерсен

I

Чем так Ильич нам угодил?
Он нас в надежде не оставил,
Он кровь нам реками пустил,
Почахнуть с голоду заставил
И миллионы уморил;
Он явно с совестью не ладил
И, превратив Россию в ад,
Морил народ и церкви грабил,
Не зная нравственных преград!

II

Воспитана полуеврейкой
В правах бесчестия и зла,
Отца их дружная семейка
В могилу раннюю свела;
И вырос он, невольник страсти,
На Землю тёмных сил послом,
С мечтой: к вершинам Божьей власти
Идти по трупам напролом!

III

Страдая манией величия,
Он покорить весь мир мечтал
И нас, бездарных, для приличия
Идти учиться призывал;
Поскольку планы голубые
Больной, измученной страной,
Забитой, лапотной Россией
Осилить было не дано.

IV

Мир созерцая из изнанки
С мечтой о новых мастерах,
Намереваясь делать танки,
Он говорил о тракторах;
Чтоб в заблуждение введённый
Народ подумать не посмел,
Что ради ленинской короны
Задуман этот передел!

V

Он знал: нас ждут крутые тропы,
Чтоб захватить над миром власть,
При покорении Европы
Должны нас миллионы пасть;
И, души русских не жалея
И помня кроткий нрав отца,
Он верил: могут лишь евреи
Зажечь идеями сердца!

VI

Чтоб колокол возвысить звона,
Взывая к небу, не посмел,
Чтоб вместо образа иконой
В избе портрет его висел;
Он, став творцом грядущей драмы,
Властителем безбожных орд
Повелевает рушить храмы,
Внедрять безбожие в народ!

VII

Но нет для всех бесчестий правил,
На зло есть много больших зол —
Всё, что в России он нагребил,
Всё Парвус, друг его, увёл;
И сорвались большие планы,
Вождя настигнул паралич;
Кровоточащей стало раной
Всё то, что замышлял Ильич!

VIII

Когда потомкам в назиданье
Господь к ответу призывал,
Он перед смертью на прощанье
В заблудших совесть пробуждал!
И вдруг, очнувшись от угара,
Иной в страданиях пожалел;
Как долго он кровавым даром
В своём стремлении владел;

IX

Как жил, народы не жалея,
Как рьяно дьяволу служил,
Какой когортою злодеев
Себя при жизни окружил;
И осознав, что жил, как мистик,
В нужду народа не вникал –
Нечестных он характеристик
Соратникам не написал!

X

Вдруг перед ним они предстали
Толпой безжалостных громил,
И среди них товарищ Сталин,
Скорее, не последним был!
А мы, тревог не разумея,
Решили – Господи, прости! –
Что кровожадные злодеи
Пришли нам счастье принести.

XI

Средь долгих лет лихих и сложных
Удачно пущенная кровь
В сердцах трусливых и безбожных
Рождала дикую любовь.
Замученная, не простая,
Непостижимая пока,
В умы и души прорастая,
Она вжилась в нас на века;

XII

И стали Ленину мы рады,
Вождем великим нарекли
И монументы, как ограды,
По всей России возвели.
Чем так Ильич нам угодил?
Он нас в надежде не оставил,
Он кровь нам реками пустил,
Почахнуть с голоду заставил
И миллионы уморил.

Пролетарии духа

Для нас святое мало значит,
Нас больше сушее влечёт,
Нас Маркс сумел переиначить
До с точностью наоборот.

Духовность. Пусть о ней святоши
Твердят себе на склоне дней,
А нам в зачатке даже тошен
Смысл рассуждения о ней!

Без лишних слов, без огорчений,
Стремясь улыбку удержать,
Мы слышим тон нравоучений
И не стремимся возражать!

Нам даже мать, её пожитки
Не укорот и не уём,
Мы оберём её до нитки,
Всё разбазарим и пропьём.

Гуляй и пей, пока в угаре,
Пока съестное Бог подал,
А там ты марксов пролетарий,
Твой дом – помойка и подвал.

О себе

Ветер, дуй! Не пожалею,
Если вдруг не устою;
Но и ты ломаешь шею
Об настойчивость мою.
Ты гулял, забот не зная,
Веселясь, как на балу,
Мне ж досталась жизнь скупая
На людскую похвалу!
Хоть незнатного я рода –
Из потомственных крестьян, –
Не осмелилась природа
Заложить в меня изъян;
А в России без изъяна
Трудно – очень! – было жить,
Трудно было между пьяных
Быть и горькую не пить;
Трудно было в повсеместной
Вере твёрдой и святой
Доказать, что, выбрав честно,
Мы идём тропой не той;

Что, не ту избрав дорогу,
Мы бредём по ней во тьму;
Что, молясь усердно Богу,
Мы молились не тому!
Завсегда меня журили
И смотрели свысока,
Указательным крутили
Часто пальцем у виска.
Я доказывать пытался,
Позабыв про честь и страх,
И, конечно, оставался,
Оставался в дураках.
Мы же шли, заранее зная,
Что с таким поводырём,
Как компартия родная,
Очень правильно идём;
Шли, с лентяями роднились,
Накопляли груз проблем
И беднее становились,
И ленивее меж тем.
И пришли. Мне не обидно,
Жизнь сама дала ответ,
Кто не глуп, тем стало видно:
Кто дурак, кто вовсе нет.

Слова к маршу

Первопроходцы громкой славы
Не зря спешили за Алтай
К тебе, сокровище державы,
Моя земля, Кузнецкий край.

Ты вместе с родиной и беды
И радости переживал:
Ковал оружие победы
И цепи для себя ковал.

Людскую сущность попирая,
Стоял годами у дверей
«Коммунистического рая»
Страх клеветы и лагерей.

Была нечаянной свобода,
Что обрела моя страна,
Но с ослеплённых глаз народа
Нескоро сходит пелена.

Но стихнут распри между нами,
И, как в былые дни, опять
Россию прежними делами
Мы будем снова прославлять!

И мы в согласии добудем
Наш уголь, наш металл и хлеб
И откуём в горниле буден
Российский наш двуглавый герб!

Что наша жизнь?

Что наша жизнь? Недоуменье,
Неудержимый эры вздох,
Одно короткое забвенье
На бесконечности эпох!

Как облака, без сожалений
Мы отправляемся в полёт,
Куда нас ветер настроений
Бесцельной прихотью несёт!

И что нас ждёт: позор, страданье,
Шипы тернового венца,
Сомненье, разочарованье
Иль лавры славного конца?

Здесь всё бездарно, всё постыло

Здесь всё бездарно, всё постыло
На малой родине моей,
Всё обомлело и застыло
Под мудрым гением вождей:
И скудный быт избы саманной,
И спившаяся голытьба –
Моей России окаянной
Своя, особая судьба!

Андрей Ивонин

Москва

Кот

Медленный поворот
 Ключа. Открываю дверь.
 Дома? Ну здравствуй, кот!
 Как поживаешь, зверь?
 Как ты, приятель, тут
 Был без меня? Норм?
 Что-то ты, друг, худ.
 Иль не в кота корм?
 Так же густа шерсть?
 Ну-ка, иди сюда!
 Всё ль у тебя есть?
 Свежая ли вода?
 Память о прошлом – табу.
 Тёмен и пуст дом.
 Тихо, словно в гробу.
 А за окном гром.
 А за окном – жизнь.
 Впрочем, я не о том.
 Ты мне вот что скажи:
 Трудно ли быть котом?
 Ты, ведь признайся, кот,
 Тоже не так прост:
 Уши, глаза, живот,
 Лапы, усы, хвост.
 Ты ведь немало лет
 Прожил уже, так вот,
 Есть у тебя ответ
 На вечный to be or not?

Но не мигая он
 Смотрит в проём окна.
 Туда, где сквозь ветви крон,
 Улицы часть видна.

Там из туч с высоты
 Падает вниз вода.
 Уличные коты
 Ходят туда-сюда.

Ты, как и я, порой,
 Мрачен и нелюдим.
 Хочешь, вдвоём с тобой
 Вместе в окно поглядим?

Жизнь у меня, кот,
 Тоже скажу – не мёд.
 Вот и меня уж год
 Дома никто не ждёт.

В этих стенах и вне
 Мне только ты рад.
 Так что ты брат мне.
 Дай обниму, брат.

Смотрит, молчит в ответ.
 Прыгает на кровать.
 Ладно, гашу свет.
 Поздно. Давай спать!

В музее

Метафора амфоры,
 древнего быта осколки –
 аллюзия времени.
 Музейная пыль сродни
 космической пыли.
 Тени исчезнувших цивилизаций
 взывают из темени
 прошлого:
 Стойте!
 Мы тоже когда-то, как вы,
 любили, мечтали.
 Мы были!

Воины и мореходы,
 простые крестьяне, строители...
 Мастер, корпевший над статуей,
 как твоё имя?
 Мира навеки ушедшего
 безымянные жители
 смотрят на нас с фаюмских портретов
 глазами живыми.

В те времена, когда земля была ещё плоской,
А реки, вытекая из устья, впадали в истоки,
Озаряя линию горизонта тонкой полоской,
Солнце всходило на западе, а не на востоке.

Мы мечтали о дальних странах, тёплых морях и свободе,
Спорили о высоком в запале юношеского максимализма.
И любовь, как ни странно теперь, была ещё в моде,
Как верность и дружба – такие же анахронизмы.

Мы молились богам с обложек зарубежных журналов.
Их имена звучали как музыка: Джон, Крис, Мик, Брайан, Нодди.
Поезда никуда не спешили с малолюдных вокзалов.
И деревья росли, каких не бывает в природе.

Мы внимали звукам, доносящимся из динамика магнитофона,
Пили портвейн из горла в кабинке общественного туалета.
И солнце светило круглые сутки, не сходя с небосклона.
И не было зим, а только вечное, вечное лето.

Говори со мной, о Боже.
Всё, что мучит и тревожит,
Отче, объясни.
Что я в этом мире значу?
Для того ли годы трачу,
месяцы и дни?

От внимательного слуха
не укрыть, как бьётся глухо
моё сердце, ведь –
посмотри – оно живое.
Так откуда я и кто я?
Господи, ответь!

Мне не надо выгод лишних,
ни наград, ни славы, лишь бы
слышать голос Твой.
Бог, Природа, Космос, Небо,
кто б Ты ни был, кем бы не был,
говори со мной.

Тучи

Так июльское щедрое солнце
куражилось вволю,
Что казалось, господство его
ещё долго продлится.
На горячий и пыльный
державной Москвы Капитолий
Триумфатором август
въезжал в золотой колеснице.

Опрокинулись дни
под ногами возниц неумелых.
Осень ржавит листву,
да и то – это только начало.
Сотни туч вороных,
и гнедых, и каурых, и серых
Понеслись над землёй
табуном лошадей одичалых.

Разбежались по небу.
Ни богу, ни чёрту, ни ветру
Ни за что не догнать,
ни ответа от них, ни привета.
Осень гончих собак
собирает в погоню, но тщетно –
Их в уютное стойло
уже не загонишь до лета.

Страницы автора

www.facebook.com/andrej.ivonin
vk.com/ivoninmb

Над полями бегут,
развевают косматые гривы.
По раскисшим дорогам
стучат ретивые копыта.
Это дождь барабанит
мне на ухо без перерыва:
Ничего не забыто,
прости, ничего не забыто.

Такая погода: ни зги не видать
и ветер промозглый.
Ещё уходящее время догнать,
быть может, не поздно.
Быть может, не поздно вскочить на ходу
в автобусик тесный.
Пусть где-нибудь с краю, не в первом ряду
занять своё место.

Но хмурое небо, пожалуй, не даст
последнего шанса.
Хрустит под ногами слежавшийся наст.
Три дня до аванса.
Хоть как-то дожить, доползти, дотянуть
до счастья, до лета.
И в этом желание сегодня вся суть
моя, как поэта.

Лётчик

Стрелой пернатой, камнем из пращи
взмаываю ввысь – ищи меня, свищи!
В порыве вдохновения, в азарте
я поднимаюсь выше облаков.
Ещё, казалось, здесь, как был таков –
уже лишь точка на планшетной карте.

Я невесом и лёгок словно пух.
От скорости захватывает дух.
Здесь дальше горизонт и ярче звёзды.
Крылом поймав воздушную струю,
я ей дышу и пьяный ветер пью,
винтом железным вспарывая воздух.

Смотри за мной внимательней, дружок.
Я совершаю затяжной прыжок
с земли до неба. В голубом атласе
небесных сфер летит мой самолёт,
как птица кувыркается и вот
ныряет вниз и выпускает шасси.

Рекомендуем книгу автора

Повторенье пройденного

Сборник стихотворений

«Повторенье пройденного» – книга московского поэта Андрея Ивонина. Однако это не повторение, а новые способы проживания детства, юности, любви, всегда сопутствующей поэту, и поддерживающей его дружбы. В них ощущается особое чувствование времени, быстротечности жизни, и каждое стихотворение подобно стоп-кадру, встроенному в раму многовековой культуры, архетипов, мифов, вечных чувств и вечных сюжетов...

Купить книгу
www.labirint.ru/books/676832

Виктория Никитина Калининград

Тоскливо ночь меня встречает,
лаская ветренным теплом;
зевая, месяц выплывает
и машет, словно помелом,
звезду роняя, — она плачет,
стекая каплей за стеклом,
и след её мгновенно тает —
печаль сгущает небосклон...

Памяти сына

Ковёр из незабудок — неба отраженье —
цвет лучезарных его глаз,
дарили они ласку, радость, вдохновенье
всем, кто был рядом, но погас
сгоревшею звездой он — скорбное мгновенье,
но отблеск его света в нас,
и кликом журавлиным осень в поднебесье
молитв моих уносит глас...

Пускай жизнь разделилась вдруг
на «до» и «после»,
но вечно синева небес
сияет, излучая таинства, дотоле
мы живо помним, ждём чудес —
и скорби растворятся в синее поле,
и радости вернётся всплеск,
и вещая судьба смягчится к горькой доле,
и жизни нить блеснёт с небес.

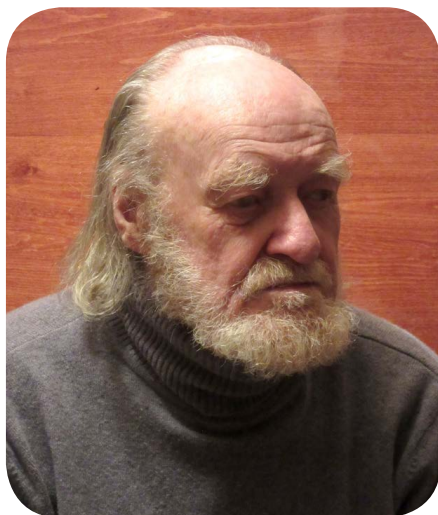
Осеннее чудо

Ноябрь уже уходит, но нет зимы дыханья —
И нежится природа в обманчивом тепле.
Бутоны расцветают, и почки, набухая,
Торопятся листочки вновь выпустить. Везде
Чаруют хризантемы на фоне увяданья —
Последнее осеннее чудо из чудес.

Женскою мечтой

Роскошными нарядами — женскою мечтой
в октябрь ворвалась осень под утренней звездой.
Ветрам задуть не в силах безумного огня,
дождям залить жар красок — напрасная возня.
Ещё богатства столько, что хватит шикануть
(в бальзаковском-то возрасте стоит и рискнуть)!
Пока не догорит дотла в перстах её свеча,
красу всю без остатка растратит сгоряча.

Лев Пряхин

Нижний Новгород

Человек состоялся?

Проза в стихах

(Продолжение. Начало в № 7–10, 12/2018)

23. СОБОРНОСТЬ И ЕСОПАТИЯ¹

23-1. Наука – бескрайнее море, в которое
реками, речками и ручейками (бывает,
что капельками) многофазными:
и грациозные, и безобразные,
и грандиозные, и несуразные,
и виртуозные,
и, в многолетье блужданий, склерозные,
Сливаются мысли людей, оседая на дно,
если тяжеловесные.

А прочие, псевдонаучные, –
тут же (хотя не всегда, но...) уносят потоки в отстойники тесные.
Честные.

23-2. ...Увы, уносились. Наука заилилась.
Перестарались политики:
«Да здравствует слава
свободе самовыражения!»
Самовырождением. Что тут поделаешь,
если свобода – судья.
Приутихли и критики.

...Ты весь записной, есопат?
Дуй – дерзай, ибо ты не достоин
за перлы свои осуждения.
...А мысли у них, есопатов, хоть
лёгкие и обтекаемые, но удушливые.
Есть выбор, есть путь обобщений.
Ликуйте, адепты науки, прогрессу
демонопатичному в доллар услужливые.
Где ассенизаторы мысли и совести,
голосу честной науки послушливые?
Наука жива? Если да, то грядёт
человечеству радость и счастье
в эпоху прогресса.

...Когда б ни завеса,
Которую ставит меж миром познаний
от древней сохи
до безбрежности тайны небесной
И самым естественным способом (разве
не прав я?) к ним ластится – в дар! –
соблазнительным контринтересом
Делец голубой, развесёлый, в своей
разномастности взглядов повеса.
23-3. Забудутся обществом (бывшим)
обеты.

Исчезнут (в нём) приоритеты.
Все. До одного. А один?! Он зовётся
любовником тела – комфортом.
Ему все бюджеты!
Что дальше?.. Боюсь, что фантастикой
выглядят прочие, замысловатые
слишком сюжеты.
Боюсь потому, что они есть этапы,
без всяких натяжек, проектов
строительства слишкомпатичного рая
От края до края.
Не где-нибудь: здесь, на Земле.
Реален уже механизм – он подобен
по внешнему облику телу кометы.
С головкой:
финансовой мощью и властью в челе.
И пылью, притянутой деньгами:

нужны клеветы.
23-4. Комета бесхвостая в жизни,
как в Космосе, – лишний утиль.
Могущество оченьпатичное сооружали
те люди, и далее трудятся
в том же ключе их потомки.
Надёжны родительские –
по наследству – постромки.

¹ Есопатия – патология Евросоюза. – Прим. автора.

А в вечной её
(на головку кометы намёк) кабале –
Народные массы.

Те самые, что в лексиконе
хозяев проекта строительства – пыль.
И трудится «пыль» эта в первую
очередь на олигархов, подобно пчеле.
А надо б – метле.

23-5. Пылинки-крупинки – таланты и гении,
несокрушимо алмазные, – верят без меры
И в честность, и в самоотверженность тех,
Кто с полной уверенностью (часто –
с пеной у рта) преподносит химеры
По поводу жизни грядущей. Сюжеты
химер сих рождают своей
фантастичностью радостный смех
Гигантов открытий алмазных! Простые
Разумней по духу: в них нет ничего
от сговорчивости оголтелой.

Пока агрессивность в себе
укрывает враждебность умело,
Они (о гигантах речь) верят, что в мозг
олигархов стремление к общности
с миром подсолнечным влито
Такое, что сможет с достоинством
непробивным укрепить
(для народа же всё!) их алмазную суть.
Цветёт сумасбродность, услышав,
что к райскому счастью (набитое
материальным раздольем корыто!)
дорога открыта.

Сдаются крупинки-пылинки душою,
увидев: пустой замухрышка к нему (да, к
корыту) давно протаранил свой путь:
Стал миллиардером, «крутым» олигархом,
владельцем алмазного фонда.
«А я разве хуже?»

Да нет же! Не хуже, а лучше.
Трагедия (лучше ли драма?!) лишь в том,
что ты хочешь быть хуже, чем есть.
Тебя убивает морально твоя
(яд простачества!) фронда.
И ты проиграешь (нашёл с кем играть!),
потому что для шустриков ловких
ты путаник, а не попутчик.

Им легче намного кудесить в пути,
чем тебе его одушевлять, ибо души их
не задевает не взбитая центом поклажа:
Участливость к слабым и набожность,
совесть и честь.

«Будь твёрдым по части прогресса с его
гуманизмом!» – стоят иерархи
финансовых целей на страже.

23-6. Пока совесть, честь и достоинство
живы, их враг лишь один
в деле добром – апатия.

Но в этом – бездушном – он друг!

И не сможет ничья еврократия¹
Чужими руками (свои неумелые слишком
и только на похоти смелые) выстроить
ей верноподданный рай на Земле.

Но общество наше мобильно...

Успех чтоб пришёл, надо лишь разобрать
его (но не стерильно)

Болотными фрондами: и каждый бывший
душа-человек закоснеет в гордыне и зле.
Теперь поясню, что такое (а не кто такой)
деятель в конгломерате

усерднопатических такс.

Он только лишь средство, нередко одно
из главнейших в финансовом (именно;
экономическом? – не основательно) росте.
Да, в росте. Но ради чего (не кого)?

Ради роста объёмов затверженных
через политику денежных масс.

Что (точно) ничуть не полезнее
ценности вящей бумажных цветов
(и т. д.) мертвецам на погосте.

23-7. Финансовый бум обязательностью
перемалывает дух и
сущность природы народа:

Ведь целью своей он настроен
на судьбы людей.

Бум этот (бывают другие) особенный:
только в услугу его перспектив (так
сказать) учиняются радостные хороводы
Под знаменем тождества в том закоулке
занятий, где деньги
с душою заблудшею совокупились.

Снижение роста – болезнь, кризис – кома,
лечение – гонка бессмысленных дел.

Такая настойчивая, чтобы в венах
гомункула доллары с еврами
без недолива струились.

23-8. Цель выбрать несложно: любой
человек – от природы с потугами мира
борец, если не богоборец.

¹ Еврократия – европейская демократия. – Прим. автора.

А если? И деньги, и души?! Дилемма?
 Куда там?! Ни даль и не близь:
 В одном хороводе
 начало и финиш сошлись.
 Не истины ради.
 Их правды – в увязанном вздоре.
 Диполь...
 Плюс и минус их тягу друг к другу
 Лишь аннигиляция съест.
 Пока же во зле они
 и в неразрывных потугах
 Устроить торопятся адский
 (им кажется – райский) насест.
23-9. Где творчество зреет, там зависти
 нет ни к «элитам», ни к массам.
 А здесь? Всё не эдак и даже не так.
 Где творчество зрелое,
 там все творцы. И запасам
 Единства народа никто не опасен.
 Ничем и никак.
 Но нет и не будет единства
 в таком государстве,
 Где властью владеют воители
 нового класса.
 Безбожного до беспардонности. И лишь
 тогда благосклонного к «массе»
 Трудящихся,
 если у той не враждебна гримаса.
 Ещё: эта «масса» по духу
 должна быть подобна
 Властям – чтобы не расплодились
 без счёта сообщества «наглых сутяг».
 Но масса сама богатеть
 в беспределе способна.
 А ей – чистый шиш.
 Лишь.
 Ох, как обижают родные начальства?!
 До шпаг.
 (А впрочем, обычно до фляг).

24. СТРУКТУРА ЗЕМНОГО РАЯ

24-1. ...Оранжевый рай на Земле –
 золотой миллиард.
 В нём все европаты. А их авангард –
 Один миллион в миллиарде (а впрочем, кто
 их сосчитал?!) коммунистов: по сути своей
 и деньгам, да и по псевдонимам своим –
 олигархов.

Все прочие – социалисты. Все – без
 православных зигзагов.
 Ещё бы: последователи
 поточные оченькратических магов.
 А этот поток рано ль, поздно ли, но приведёт
 к либеральным, в поскрёбышах, взглядам.
 Они и вталдычили искренним социалистам:
 свобода всегда и во всём,
 но свобода мертва без порядка.
 А творческий, неколебимый порядок даёт
 лишь одна евробратия.
 Одна лишь она обеспечить умеет
 счастливую жизнь до упада,
 К тому же ещё – без упадка:
 Земля кладовыми своими способна её
 (жизнь сию) предоставить всем-всем
 европатам до мозга костей. Без изъятия.
 По той же причине она и сама
 на порядок всегда была падка.
24-2. Опасность для тела (души? где она?!)
 тихопатов! Но вот ведь какая загвоздка
 (с прорухой):
 живёт и работает без остановки
 Эффект мужика, кто, на острове райском,
 Один, за счёт очень дремучей сноровки
 Двух, в лень, генералов, сумел прокормить,
 для здоровья их брэнного без тупика и
 опаски.
 Иначе погибли б они, горемычные,
 От голода, съев друг у друга
 сначала филейные части,
 Которые жирнопатически
 очень физиологичные.
24-3. Вот так и в «раю». Как бы ни был
 противен его, мужика,
 постоянно приписанным
 к раю сожителям, запах мужицкий,
 Придётся терпеть его, чтобы им
 очень прилично приспичило жить-то!
 Что значит: жить даже
 не вдрызг хорошо, а отлично?
 Конкретно: логично и экономично.
 Логично избавиться от «лишних ртов»,
 обладатели коих
 Трудами своими приносят эффект
 недостаточно (не как положено)
 экономичный
 Для райского существования
 райских слоёв. Очевидно, обоих.

25. ГОРДЫНЯ ПРОСТАЧЕСТВА

25-1. Эх, мужики. Ох, бабы. Ах, детишки.
Нужна вам, как изжога, еврократия.
Пусть вас соединит в единство братия.
А еврократов пусть ведут отрыжки.
Родители их – пышки и коврижки.
Их двигатель – мыслишки и страстишки.
Их маяки – сберкнижки и кубышки.
И вот итог: судьбишки, фишки, крышки.
А в заключение в оценках – «вышки».
Там нет труда... Не сеют и не пашут.
По-крупному валяют дурака.
Там сказка – явь. Там не судьба, а чашка.
Пить-есть-играть. И жить нашармака.

25-2. До точки знамо: человек есть труд.
А значит, там не люди. Кто же? Нелюди.
Там вечный праздник. Имя ему блуд.
Соблазн – он лучше трала душу нёводит.
Игра со смертью. Нашей. Мы в темнице,
Поскольку позабыли, что бессмертны.
А значит, смертны. Мы – самоубийцы,
Пока не вспомним цели и обеты,
Пока нас гложут зависть и обиды.
Хотя... уж больно подлы их дела.
Они на нас свои имеют виды,
Нам презентуя кости из котла,
Который мы усердно кочегарим,
Рассчитывая на бросок в исток.
Нас привечают. В радостном угаре
Не чуешь, как похолодел висок?!

25-3. Награды этих – пули
в бесконечность нашу.
Взамен её – лакейский
образ безупречный:
Брось ближних и бери
от этих хлеб и кашу.
Но без надежд на пищу
жизни полной, вечной.
...Журавль. Он в небесах.
Кто там его схлопочет?!

А здесь синица – радость.
Вот она. В руках.
Поймать бы журавля....
Но нет полётной мочи.
Лакейства ловкость в чём?
Запутать птиц в силках.

25-4. Лакеи все, кто холит еврократию.
Особенно те, с кем
она – не тонзиллит.
А иерархия
всех связывает в шатию.
Не снизу вверх –
весь миллион шустрит.
Он – записной лакей.
Другие – запускные.
Он – скрупулёзный мастер
первого толчка.
Поток вбирает души
лёгкие, пустые.
Несёт в лакейство сих
безбожия река.

25-5. Чем тяжелее труд,
 тем души полновеснее.
Не сдвинуть с места их
 в лакейство дема-Гогам.
Труд полновесный – столп
 души. А вдохновение
К нему всегда спешит,
 торопится: от Бога.
При этом двуединстве
 шатая не пляшет.
А правда разрывает
 напрочь связи с ложью.
Когда в единстве сила –
 ничего не страшно.
Не страшно? –
 Есократия ничтожна.
Всё нараспашку!
 Всё для человечества!
Пусть есопатия
 в бреду привычном мечется.

25-6. Но ведь
 хамелеонят не напрасно –
 То в сером,
 то в коричневом,
 то в красном.
 Теперь одна в обновке –
 вся в оранжевом –
 Стремится заболотить
 путь негражданам
 Её земного рая –
 в их,
 во всём, соборности.

Хлопочет миллион
 о том,
 чтобы покорности
 Хватало всем,
 без отчества.
 Безбашенным.
 Тем более –
 кто с отчеством
 и норова отважного.
 Чтоб было ясно всякому,
 и разному,
 и каждому:
 Неприкасаемость – не шутка
 психа,
 а отлаженность.
 А чтобы цвёл их рай,
 отпетый,
 балаганный,
 Чтоб их рабы –
 не-граждане –
 трудились несказанно
 И чтоб соборность
 для рабов
 родным не стала станом,
 Заслон устроен крепкий,
 петлевой
 и безустанный.
 Как сможет третий слой
 покинуть мир
 чуланный?!

25-7. Ты, третий слой!

 Отнюдь не бесталанный.
 А значит, самобытностью
 бурьянный и буранный.
 Чтоб разодрать слой этот
 многогранный,
 Пришлось лакеям сочинять
 проект обманный
 Для каждой категории пространной:
 Тем, кто копается в «абстракциях», –
 экраный,
 Желающим познать заботы рая изнутри –
 капканый,
 Излишне резвым стригункам –
 арканый,
 Эмоциями брызжащим мыслителям –
 дурманый,
 Впадающим в уныние –
 стаканый,

Успевшим вес общественный
 поднакопить –
 майданный,
 Тем, кто пытался накопить, но не успел, –
 курганый,
 Явившим самобытность –
 ураганый.
 При этом всё
 тем, этим и любым другим
 инакомыслящим –
 туманный,
 Чтоб общество восприняло
 весь беспредел сей
 как
 вполне
 гуманный.

25-8. Нет глупости горше простачества:

Не стужа, не сыр, не горение.
 Простачество вовсе не качество
 Щадящего душу смирения.
 Нет больше греха, чем гордыня.
 Но вывод – отнюдь не чудачество –
 Такой: у гордыни в помине
 Любимая пища – простачество.
 Чей вред эффективнее ныне,
 С кого безупречнее спрос:
 С простачества или с гордыни? –
 Уже разрешимый вопрос.
 Но неча влезать в него пуще. Мы
 Должны только крепко учесть:
 Мир сей переполнен жующими,
 Себя не позволяйте им съесть.

25-9. Среди них вожаки – лицемеры,

Кто лезет без мыла в нутро:
 Безоблачно сладкие стервы...
 Держите все уши востро
 От пяток-трудяг до макушек,
 Где б всякая клетка стремилась
 Всё видеть, всё щупать, всё слушать.
 А мысль чтоб стальная родилась:
 Ведь ею оттачивать разум,
 Чтоб разум закаливал сердце.
 Тогда на любую заразу
 Найдётся надёжное средство.
 И будет душа не больная,
 Когда о ней тело заботится
 При доле ответной: такая.
 Она телу в духе угодница.

25-10. Здесь – форма. А вот содержание:
Бесцельны любые блуждания
Среди и друзей и врагов,
Когда поводырь не любовь.
Любовь безупречная к ближним
По духу, по крови, по телу.
А также к таким, кто обижен
Твоими врагами по делу.
Любовь и к врагам, если только
Они не враги твоих ближних.
Ещё доброхотов, изволь-ка,
Искать не среди скоропостижных.
Но это не всё про любовь.
Нам надо молиться без меры,
Чтоб не иссякал наш улов
На братьев по духу и вере.

26. ОТ ТОСКИ ДО ВЕСЕЛЬЯ...

26-1. Такой оборот разворота без ропота
и укорота возможен, когда есть любовь.
Но ей, бедолаге, несладко.
Её осуждение гонит.
Причём нелюбовь, даже ненависть, к ней
(о любви разговор), в лицемерии
властном, что бредит основой основ
Житейских посылов, «борцы за свободу»
от глаз вездесущих хоронят.
И роют ей ров, губят кров,
насылают лакеев своих,
издевательства ради над нею, – шутков.

26-2. И все эти «амортизации»
только за то, что она непочтительна
к деньгам. Её не купить.
А это уже криминал: подключается здесь
бюрократия – царство торговли.
Любовь, души чистые соединяющая
крепко-накрепко, – нить:
Единственная в своём роде защита
смирненных людей от цинизма
подлунной юдоли.

26-3. Продажной любви не бывает.
То, что продаётся под именем этим, –
разврат.
Ликует (не рано ли?) конгломерат,
ложь свою перекрасивший в правду,
А правду в ложь.
Многозначительны действия
эти при плёвом объёме затрат.

Горой дивиденды: власть, деньги, улады,
И... – на ловких авторов
нет ни управы, ни сладу.

26-4. Но если не будет любви на Земле:
настоящей, величественной, христианской,
То быстро забудется общество
в эгоистическом трансе.

Затем распадётся
на секты, объекты, нюансы.

Конец – одиночки. Нет общества? Нет
на спасение ни одного,
даже призрачно верного, шанса.

И только – поскольку не будет любви.
 Предавая её, предадут
 люди всё человечество.

И чувствуя ужасы жизни такой,
в безысходности мечутся.

26-5. Любовь предаётся всегда и везде, исключительно за разнородные материальные, так сказать, ценности. Предатели эти не могут не пыжиться ради того, чтобы общество их уравнило (привычка шпионов!

Причём из среды скорпионов)
По качеству жизни духовной, скрепной
с бриллиантами-личностями,
в поколениях вечными,
Смирением несокрушимым отмеченными
Своей жизнестойкостью в
странности и увлечённости,
откровенности и сокровенности,
углублённости и дерзновенности,
примирённости и заострённости,
отрешённости и преднамеренности,
переменности и неизменности,
завершённости и обновлённости,
неприступности и обусловленности,
дружелюбности и суверенности,
непосредственности и сплочённости,
необузданности и преемственности.

26-6. Объять необъятное —
 цель этих личностей,
 всю их цельностью руководящая.
 Реальная до той поры,
 пока общество разнообразием не оскудело.
 Когда ещё дышит соборность,
 жива их общительность животворящая,
 И грозны просторы,
 к которым крадутся плевелы.

26-7. К себе, к недостаткам своим,
 беспощадны всегда бриллианты –
 беззлые души!
 ...Но... меньше и меньше алмазов,
 способных вскрывать гнойники
 Пока ещё общества. Ложь, что оно
 по наследству сродни человеческому
 в разнообразии чувств древнегреческой
 Естественной демократичности.
 Врут вожаки.
 Искусно. Их ложь – имитация правды,
 прогрессом во имя
 отмены любви искалеченной.
 Мешает она процветанию их хора.
 Приходится врать. Вдохновенно.
 «Вся Власть у народа!»
 Враньё это с радостью
 впитывают простаки
 (Не путать с простыми людьми!).
 Простаки власть – не только свою –
 отдают лицемерам
 за суп, очень даже физиологичный.
 Ещё бы! Ведь он – в дрых полезный,
 веками проверен. Кормилец
 простачества – суп чечевичный!

26-8. Всё меньше алмазов. А залежи их
 истощаются действенно.
 И, что опасней всего, иностранно.
 Всё больше породы пустой.
 А геологи что же? Они не нужны
 Мирской суете. Да к тому же
 сии изыскания не по карману
 Для нищей, за счёт олигархов, страны.
 Бывает, алмазы используют сильные
 мира сего на подследственной кухне
 смурного прогресса,
 Желанного часто, с унынием
 (где перспективы-то?!) ждущим крутых
 дивидендов от жизни гнемой, еврократам.
 Давай им «смартфоны», хитрей
 предыдущих моделей. Ведь без интереса
 Хламного – а вроде б иного,
 чем раньше, – жить не вмоготу им –
 безнравственности акробатам.

26-9. И что же... Уходят в бездарщину
 целей уздечных алмазы-таланты.
 И след их теряется
 в оргиях ракообразной поппы.
 Не тает политика одервенелой
 от ушлости власти

С её безупречной безудержной страстью –
 Во имя народа народ обокрасть бы:
 Обчистить от духа свободы, которую
 с вящей любовью хранят безупречно,
 но с неких времён напряжённо,
 традиций века.
 Уныние – бог сей политики.
 Брысь – одарённость. Безумие – в кайф.
 Снуют в нём
 подделки дешёвые под бриллианты.
 Их, как драгоценности, оберегают от
 неискжённых оценок средствами
 отточенной массовой дезинформации
 лисы и псы.

27. О БРИЛЛИАНТАХ

27-1. Ищите алмазы в народе,
 который зовётся простым:
 В смиренной породе – оплоте
 труда и соборного сути доверия,
 В раздольной природе,
 сметающей распрей мосты,
 В Отчизне – взыском антиподе
 союза лжи и лицемерия.
 Ищите алмазы в породе
 любого размаха и даже
 как будто пустой бесконечно,
 Поскольку в ней прячутся
 от суеты бриллианты.
 Алмазы и без технологий сверхновых
 легко превратить в порошок ипотечный,
 Чего не позволят себе совершить
 с бриллиантами
 даже безоблачные оккупанты.

27-2. Боялись (бояться!) – они и клеветы, –
 что гибель от рук (или замыслов)
 их предводителей –
 Владельцев убогих (поскольку там нет
 бриллиантов!) обитателей –
 Простых бриллиантов, кто
 совесть и честь и надежда народа,
 Направит в борьбу бунтовскую
 в защиту поруганных
 ценностей яростно и повсеместно:
 В час страшный прозреют дремавшие
 в массах такие же по своей сути
 булыжники (в них – бриллианты!) и явят,
 где надо, свою полновесность.
 Поднимутся против безнравственности,

самохвальства, уродства.
Народам (любым) приносили
спасенье от бед личности-бриллианты:
Мыслители, организаторы, воины,
идеалисты, святые.
По самоотверженности безупречной –
атланты.
По разуму и хладнокровию –
не простаки, а простые.
Беречь надо каждого,
кто составляет народ.
И всё-таки в нём бриллианты –
особой цены докторанты.
Понятно «ежу»: если в обществе
не хороводит естественность
цельности – ясен плачевный исход.
Такое случается,
если закончились в нём бриллианты.

27-3. Чтоб эта беда не случалась, народу
 потребно разматывать свой «эгоизм»
 без присеста, на все обороты катушки.
 Особенно если опоры соборности
 в нём гуманизмом разрушены.
 Разматывать надо «катушки» с тем, чтоб
 уберечь достояние общенародное,
 ибо ловушки,

Что личной свободой зовутся,
 ввергают нас в грех равнодушия.
 Она обрекает на гибель
 сердечности истой потомство,
 Лишённое трусостью нашею перед
 законами европатичными неколебимых
 в упорстве народа соборного поводырей.
 И трусость, и мелочность,
 и равнодушие есть вероломство,
 Убийственное для душ наших детей...
 И пойдёт по цепочке... Сие вероломство
 чревато крушением всех алтарей.

27-4. А значит (да-да, несомненно!),
крушением в целом всего человечества:
Ведь каждый народ (но не нация, секта) —
жемчужина в нём.

Враждебная сила смещения
по́ миру мечется.
Не остановить её страсти ни ночью,
ни днём, ни мольбой, ни водой, ни огнём.
Ни массой мирской. Ни прогрессом.
Лишь духом безоблачным.
Всечеловеческим!

Тем самым, что Бог
в час творения общества в первых
его обитателей чутких вдохнул.
И как результат:
человечество волей целебной помечено.
Как хлебное поле. Оно у единства в плену.

28. И ВНОВЬ О НИХ

28-1. В гордыне своей есопатия –
в обществе нет ей подобной
по бедам напастей –
Стремится разрушить единство того,
что Бог любвеобильный создал.
Разрушить под видом свободы... В среде
либеральной свирепствуют страсти,
Которым нельзя потакать.

Ведь они – подневольные гиды
(В них место себе обрели
только гибели общества гидры)
К подножию Страшного, полного чистой
бесстрастности Истины вечной Суда.
28-2. А вы (мы) чем лучше?! Так что вам
(нам) надобно сосредоточить внимание
на сострадании душам
привычного (всем?!) эгоизма.

Отбросить придётся, хотя бы на время,
уверенность, что его нет в вас:
Усердное сердце его терпит не по расчёту,
а так – про запас.
Включите его на всю, как представляется
вам, достижимую мощь.

Тогда он сумеет,
 пусть и непривычно ему, но помочь.
 И если его обнаружить удастся
 с «излишком», то, что же:
 чем гуще — тем лучше.

Чтоб он вам помог, как кишкам помогает
от кала избавиться клизма,
Очистить от закоренелых, от смертных,
грехов вашу, вами любимую, с неких пор
тела любимого больше (не так ли?),
страдалицу-душу.

Разумный – иль вроде б, –
но каждый обязан себя
превратить в «эгоиста»! Пора бы
Понять примитивную,
ясную даже простым простакам
(Увы, но не нам, «знатокам»),

Мысль, очень простую: случись
катастрофа – не будет вождей-
бриллиантов, и станет народ сердцем
рыхлым и в помыслах слабым.
А нам, в нашей «святости» личной
(И даже без всяких кавычек!
Какой бы нам ни показалась
душевною близь;
Случаются в мире ещё и такого подобия
доли), на Страшном Суде не спастись.

28-3. Господь при творении
создал не двух индивидуалистов,
Но неразделимую плоть.
И в жизни любой:
просветлённой, туманной,
в пределах терпимости мгlistой,
Заскоков не встретить (не так ли?),
чтоб плоть эта, по указаниям действий
естественных, по их команде,
Пусть лишь гордократиям ради,
Хотя б иногда образовывала
отделённый ломоть.
Единая плоть из Адама и Евы!
Лишь здесь начинается цельность народа:
во времени нет никаких вариантов.
Здесь – общее ради грядущего:
несокрушимый источник
бессмертия общества!

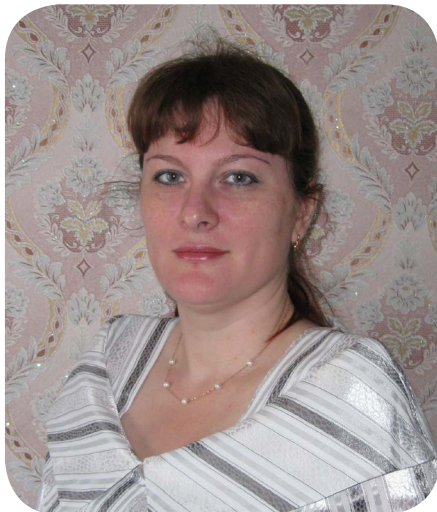
А вот есопатии
этот закон не удастся избыть.
Убить надо то, что она утвердила
полезным для общества свойством,
гордыней сварганенным
И опытом самоубийств переваренным:
Убить лишь беспутное самоубийство
души как один из гарантов талантам
На вечную память земную.
Где власть есократии –
Там в ней обольстительней цель:
прославление памяти
Своих беспредельщиков. В неимоверную
людям естественным прыть.

28-4. Чтоб не приходила на ум человеку
здоровая мысль: там, где почву души
ублажают духовных подделок консервы
(Нередко бывает: где «кормят» без меры –
нет истинной веры),
Законам любви вопреки,
Растут и бесчинствуют
на вдохновенных полях сорняки.

Не их в том (полей вдохновенных) вина.
Всему есть своя неуклонная мера.
Она – без обмера.
И без вероломства примера.
Безмерность днюёт
лишь для дел лицемерных.
Для добрых, во имя грядущих веков,
мера великолепно скромна:
Поменьше – для личных амбиций,
Побольше – во имя традиций.
А дальше – чуть меньше во имя традиций,
Чем ради проверенных жизнью кондиций.
Бывает такое: упрямство кондиций
Не истина для эрудиций.
Но, истины ради, нельзя забывать:
торжество эрудиций –
Подкоп под фасад интуиций.

28-5. И связи, и противоборства всех этих,
возможно, что не композиций,
И их, неестественных (ибо – от
еврократических принципов),
но неизбежных
в пределах родства коалиций,
Дают информацию,
неоценимую при дележе инвестиций
Духовных, в прогресс человечества не
еврократией объединённых потомков,
Чтоб предохранить их от всякого рода,
пусть части, возможных потоков.

28-6. И только. Безмерность любых
притязаний: свобод
либеральных последствие –
Свидетельство замыслов грязных,
безоблачно бесчеловечных.
Должны не права миром править.
Поскольку лишь только воздействие
Обязанностей есть гарантия пущей
нетленности ценностей вещей.
Иначе мир наш превратится
в иной: марсианский,
Возможно, что венерианский.
Чтоб это случилось, потребен дух
канцерогенно сектантский,
Где будет «целителем»
бред шарлатанский.
...Бесспорно (ли?): тот человек состоялся,
который покинул с душою спокойной
сей мир, изначально прекрасный,
но нами, людьми, изуродованный.
(Продолжение следует)

Ирина Соляная

Калач, Воронежская обл.

Не зря

Мне не понять, что чувствует волна,
 Причал разбитый с досками гнилыми,
 Что чувствует подкорка валуна?
 Настанет час, и станем мы иными?
 И кто-то нас накажет немотой,
 Что звуками обычными сокрыта,
 И отделит невидимой чертой,
 Как умерших, угасших и убитых?
 Пока не веря в то, что смысла нет
 В шуршании листвы и трепетанье,
 Мы, мучаясь, придумали ответ
 О том, что живо некое сознание,
 Что мы не умираем навсегда,
 Что остаёмся и в цветах, и в скалах.
 Вот зажурчала талая вода —
 А в ней от нас есть толика и малость.
 Верти в руках кусочек янтаря,
 Пустой кусок без капли или пятен,
 И повторяй, что эта жизнь не зря
 И впереди достаточно и хватит...
 Но впереди лишь мёрзлая земля,
 Забор вокруг замшелого погоста.
 Я тоже верю, что живу не зря.
 И в это верить иногда непросто.

Надька, Верка и Любовь

Судьба отмеривала щедро,
 Дарила радость и тепло...
 Но медленно, по миллиметру
 Под кожу проникало зло.

Больничным коридором тихо
 Ушла Надежда навсегда,
 А вместо Нади бабка Лихо
 И тётка старая — Беда

Расселись возле тощей койки.
 Чекушка водки, стопари...
 И пели со слезою горькой:
 «Гори, звезда его, гори».

Пусть с затухающим кадилом
 Ходила Верка вокруг стола,
 Копали новую могилу
 Два твердокаменных кайла.

Когда шепнул: «Нет больше мочи»,
 Зажмурился веки от тоски,
 Вошла Любовь под сенью ночи,
 Пригладив потные виски.

Она ладошку приложила
 К колючей и седой щеке.
 И запульсировала жила,
 Чай вскипятился в котелке,

Покрылись корочками раны,
 И камень одеяла спал.
 Она осталась утром ранним,
 Когда он безмятежно спал.

Своим прямым и строгим взглядом
 Прогнала Лихо и Беду,
 Шепнув ему: «Я буду рядом,
 Я не оставлю, не уйду».

Страница автора
vk.com/id177162113

Лариса Агафонова

Москва

Снежка

(Окончание. Начало в № 12/2018)

Утром следующего дня на каждом из четырёх подъездов дома, где жила Снежка, появилось объявление:

«Здравствуйте, уважаемые жильцы! Меня зовут Снежана. Я ваш новый дворник. Я живу в вашем доме, во втором подъезде, в пятнадцатой квартире. Надеюсь, что вместе с вами мы сделаем наш двор чище! Ведь чисто не там, где убирают, а там, где не сорят!»

Хитрый прищурившийся смайлик завершал объявление.

Следующие несколько дней дом гудел: кумушки на лавочке, бабульки в очереди за молоком, мамочки с колясками, даже мужчины за неизменным в их дворике домино – все обсуждали новость: внучка уважаемой Катерины Петровны подалась в дворничихи. «Видно, не от хорошей жизни», «Журналистам перестали зарплату платить», «Может, с работы выгнали?» – шушукались жители дома. Снежка в переговоры не вступала, только улыбалась и знай себе махала по утрам метлой.

Двор стал чище: как-то стыдно было бросать бумажки и окурки, когда убирает

их за тобой не какой-то угрюмый приезжий гастарбайтер, а молодая женщина, одетая не в грязную замызганную спецовку, а в чистый камуфляжный костюм, всегда улыбка и приветливая.

Около лавочек появились новенькие мусорные ящики, возле столика, за которым по вечерам собирались картёжники и любители домино, – большая пепельница, а на дверях подъезда Снежка повесила новое объявление с информацией о том, куда заядлым собачникам девать «следы жизнедеятельности» своих питомцев, дежурный совочек и коробка со специальными пакетами.

– Прямо как в Европе! – восхитилась владелица пекинеса и йоркширского терьера. – А ведь и правда, так гораздо удобнее.

– Ну, наконец-то, – порадовались те, кто периодически вляпывался в собачьи «сюрпризы».

– Ишь ты, что придумала, мешочки да совочки, – бормотали вредные бабки, поджав губы. – И кто это будет дерьмо собачье подбирать?

Поначалу, конечно, далеко не все владельцы собак приняли нововведение, но потихоньку-полегоньку, поглядывая на тех, кто, не стесняясь, нагибается и убирает за своими любимцами, тоже начали захватывать с собой на прогулку «собачьи» мешочки.

– Ты погляди, а Снежанка-то наша и правда двор чище сделала, – судачили бабульки на лавочках.

– И мужики, ты смотри, окурки-то на землю не швыряют, всё культурненько, в урну.

– А мамы-то, мамы, детям фантики не разрешают разбрасывать, не то что раньше: выйдешь во двор и, тьфу, везде грязь.

– И от собак кучек не остаётся, красота ведь! Вот девка даёт, в одиночку всех к порядку приучила!

За неделю до Нового года Снежка решила, что празднику быть, несмотря на непривычно тёплую для их городка зиму. Сосна, самая что ни на есть настоящая, росла прямо во дворе. То ли установка раньше такая была – сажать хвойные, то ли жители закрытого двора постарались, теперь уж

неизвестно. Крупная сосна, с мохнатыми изумрудными ветками и почти не колючими иголками, тихонько зеленела сразу за детской площадкой, скромно пережидая жаркие деньки. К зиме она совсем распушилась, распрямилась по-королевски, словно показывая, кто настоящая зимняя хозяйка.

Снежка на неё поглядывала ещё со слякотной осени, примеряя, прикидывая, как можно её украсить. А в середине декабря решила: пора готовиться к празднику. Погода не радовала: зарядил мелкий дождик, всюду туманило и серело. Но город уже готовился к Новому году: то тут, то там утром появлялись яркие украшения, а по вечерам загорались всё новые огоньки.

В воскресенье Снежка съездила в торговый центр и купила самую длинную гирлянду. По утверждениям продавцов, её должно было хватить на большую ёлку. Рано утром, пока все спали, Снежка притащила высокую лестницу и, едва не покалечившись, дважды чуть не упав, украсила дворовую сосну. Днём нарядное дерево не было заметным, а чуть стемнело – Снежка включила иллюминацию.

Что тут началось! Детвора, гулявшая во дворе, оцепила сверкающую сосну, наперебой предлагая версии о проделках Деда Мороза. Взрослые, прильнув к окнам, судили да рядили, городские это власти позаботились или местные. Снежка, посмеиваясь за толстыми портьерами, печатала на компьютере новое объявление, которое утром появилось на дверях всех подъездов: «Дорогие жители нашего дома, в город спешит Дедушка Мороз с мешком подарков. И наша с вами задача – встретить его достойно, празднично, по-новогоднему! Приглашаю всех желающих украсить самую пушистую ёлку! Если у вас есть желание, выходите завтра вечером (с 20:00 до 22:00) с игрушками, гирляндами, мишурой или просто с хорошим настроением, и мы с вами сделаем наш двор самым красивым в районе. Если у вас нет времени, но есть лишние украшения, просто кладите их в ящик около сосны, и мы с удовольствием найдём им почётное место на новогод-

ней ёлке! Праздничного настроения всем нам!»

Вечером от желающих негде было яблоку упасть. Как говорили старики, раньше только на субботники так собирались, и то больше по принуждению. А сейчас – кто по настроению, кто из любопытства, что же из этого сборища получится, – во двор вышли дети и взрослые, старики и мамочки с колясками. Многие принесли ёлочные игрушки и светящиеся гирлянды, детвора стала наряжать новогоднее дерево, каждому хотелось, чтобы именно его игрушки были всем видны. Мужчины придумали, куда присоединить дополнительные провода, чтобы ёлочка зажглась новыми огоньками. Женщины заворачивали мандарины и конфеты в фольгу, привязывали к ним верёвочки и тоже водружали на ёлку, взяв с детей честное слово, что до тридцать первого декабря вкусные украшения останутся нетронутыми.

А ещё кто-то кинул клич – украсить гирляндами балконы, чтобы весь двор засверкал. Старикам, у которых не было сил вешать фонарики на свои лоджии, вызвались помочь добровольцы из числа самых активных участников предпраздничной подготовки. И к следующему вечеру двор стал неузнаваемым. На него приходили смотреть жители соседних домов, кое-кто перенял опыт и тоже украсил двор и нарядил новогоднюю ёлку.

В самую праздничную ночь года после боя курантов и обязательной речи президента жильцы выбежали на улицу посмотреть городской салют, самим запустить фейерверки, поздравить друг друга с Новым годом и разрешить наконец детворе полакомиться сладкими подарками с ёлочки.

– Спасибо тебе, Снежана, – худенькая старушка тронула Снежку за рукав, – ты нам такой праздник устроила. Я уже и забыла, когда так радовалась Новому году. Вот как мужа схоронила, так больше ёлку-то и не наряжала. А для кого? Дети давно выросли и разъехались, внуки далеко. А теперь вот вместе со всеми праздную.

– Да за что спасибо-то? Двор все украшали, и маленькие, и большие.

– Нет, детка, идея была твоя. Ты у нас как в дворники подалась, так сразу люди дружнее стали, теплее друг к другу.

– Ну вот и хорошо, – улыбнулась Снежка, – а пойдёмте-ка с вами поближе к ёлочке, там детвора конкурсы придумала, будем участвовать.

– А пойдём, – с удовольствием отозвалась старушка. – Вспомню молодость. Я заводная была, песни любила петь да плясать.

Веселились почти до утра. Водили хороводы, пели частушки, танцевали у ёлки, чтобы согреться. Взрослые (ну а куда ж без этого?) принесли шампанское и что покрепче, на импровизированный столик вынесли закуски. Но не было пьяных, никто не валялся под ёлкой, кто-то уходил, кто-то присоединялся к новогодней компании. Самые неутомимые разошлись часов в пять, дружно признав, что такого замечательного Нового года у них ещё не было.

Первого января, к вечеру, неожиданно началась долгожданная зима. Небо затянуло тучами, пошёл крупный бархатный снег, засыпая тёмные дороги, украшая деревья, превращая город в один сказочный терем, с башенками и куполами. Кажется, все жители одновременно вышли на улицы: одни – просто погулять, другие – покататься на санках и ледянках, третьи – поиграть в снежки и подурачиться.

Второго января Снежка вышла из дома с лопатой, оглядела свои засыпанные снегом владения, тихонько вздохнула: «Глаза боятся, а руки делают», – и начала чистить двор. Через час она решила сделать перерыв: спина не разгибалась, казалось, что ещё немного и Снежана застынет в нелепой скрюченной позе. «Выпью чайку с липовым мёдом, полежу немного и продолжу». Снежка решительно прислонила лопату к стене дома и побрела в квартиру. После горячего чая разморило, и женщина уснула прямо в кресле.

Проснулась она от стука и громких весёлых возгласов за окном. Отодвинув штору, Снежка увидела, как несколько мужчин с лопатами чистили двор, перекрикиваясь и периодически устраивая снежные потасов-

ки, как мальчишки. Снежка быстренько собрала на большой поднос колбасно-сырную нарезку, прошлогодние, но очень вкусные пирожки с картошкой, налила в термос душистого чая и отправилась кормить своих добровольных помощников.

Мужчины встретили угощение на ура, сделали небольшой перекус-перекур, с удовольствием подкрепились и за полчаса закончили работу.

– Ребята, спасибо вам за помощь, я бы без вас и до вечера не справилась.

– Где это видано, чтобы баба снег кидала?

– Ты хоть и дворник, конечно, но мы ж мужчины, а не нахлебники, – загудели помощники.

– Значит так, мужики, пока будет идти снег, наша с вами задача – чистить его. Наша, а не Снежанина. Договорились?

– Договорились, – хором ответили добровольцы.

– Ну, тогда моя задача – кормить моих спасителей.

– Вот это дело! Одобряем. Правильные слова.

Так и повелось: до самого конца марта (а зима в этом году захватила в плен и первый месяц весны) мужчины дружно чистили снег, установив очерёдность и ни разу не пропустив собственную вахту, а Снежка угощала их домашними разносоломи. К ней присоединялись другие женщины, и частенько вечером жители дома собирались во дворе, пили чай с пирогами, вели неспешные беседы и потихоньку становились ближе, чем просто соседи.

Как-то в конце марта Снежка, как обычно, вышла во двор в семь утра, обходя свои владения, подбирая редкие бумажки, сметая мусор, которого день ото дня становилось всё меньше. Возле синей «тойоты» приплясывал незнакомый мужчина, дуя поочерёдно на пальцы без перчаток. Безнадёжность была написана на его лице такими крупными буквами, что Снежка не смогла пройти мимо.

– Доброе утро, – обратилась к нему Снежана. – Вам помощь нужна?

– Да какое оно доброе? – отмахнулся мужчина. – Приехал вот бумаги передать и

застрял в вашем дворе. Помочь вы мне вряд ли сможете. Вы же дворничиха, а мне механик нужен. Машина заглохла, я эвакуатор вызвал, но сказали, что только через час приедет. Вот я и прыгаю.

– Я, конечно, не механик, но помочь попробую. Пойдёмте ко мне, я вас чаем напою, перчатки дам тёплые, и будете дальше ждать свой эвакуатор. Меня, кстати, Снежаной зовут.

– К вам? – засомневался мужчина. – А вы где живёте?

– Ну уж не на улице, – усмехнулась Снежка. – Пойдёмте.

– Ну пойдёмте, Снежана. Я Алексей.

Войдя в квартиру Снежаны, мужчина с удивлением оглядывался по сторонам, изучая добротную мебель, дорогие обои и стильные абажуры, и, получив душистый горячий чай в фарфоровой кружке, не выдержал:

– А вы точно дворник? Как-то я себе по-другому представлял дворницкую.

– Грязной и убогой? – усмехнулась Снежка.

– Ну, вроде того, – почти смутился Алексей.

– А я вот ломаю стереотипы о том, каким должен быть дворник и его жильё.

Алексей задумался:

– Зачем вам эта работа? Вы совсем не похожи на дворника. Вот не верю я, что вы настоящий дворник.

– А какой же ещё?

– Ну, не знаю. У вас взгляд не тот. Не угожающе-униженный и в то же время завидующий другим, более успешным людям, а уверенный и спокойный. Вы не боитесь мира, не чувствуете себя хуже остальных.

– Точно, – легко согласилась Снежка. – Дело в том, что дворник я только по утрам, а днём я журналист. Пишу статьи для разных изданий, в основном для журналов.

– Вот видите, я угадал, что вы не простой дворник. А о чём пишете? В каких изданиях?

– В основном художественная публицистика. Плюс освещаю исследования от одного социологического центра. Журналы «Монпасье», «Инцидент» и ещё парочка.

– Знакомые названия, «Монпасье» я регулярно почитываю. А под каким именем печтаетесь? – интерес собеседника к Снежке неуклонно рос.

– Под своим: Снежана Аксёнова.

– Вот это да! Так я знаю ваши статьи: пишете интересно, у вас довольно едкий стиль, я бы сказал, мужской. И вы всегда оставляете читателю тему для раздумья. И ВЫ работаете дворником?! Снежана, зачем вам это? Или это нужно для статей?

– И для статей тоже полезно. Но основная причина – я делаю мир чище, в прямом смысле этого слова. Мне это доставляет радость.

– И долго вы здесь работаете?

– Почти год. Как переехала в бабушкину квартиру, так и устроилась дворником. Можете мне не верить, но результат этой работы приносит не меньше удовлетворения, чем мои статьи.

– Снежана, но ведь вы не можете всю жизнь убирать за другими? Это же непристжно, в конце концов.

– А вы всегда делаете только то, что престижно? – прищурилась Снежка. – А если ваша непрестижная работа приносит людям радость, помогает им самим стать хоть капельку лучше, тогда как быть?

– Ну, вы скажете тоже – радость. Какую такую радость вы принесли уборкой грязи? – в голосе Алексея послышались нотки ехидства.

– А вы сами подумайте, – ничуть не обидевшись, парировала Снежка. – Вот год назад этот двор частенько напоминал помойку, жители сквозь зубы здоровались друг с другом, те, у кого не было животных, были настроены против собачников. Такая тихая война. А что сейчас: у нас самый чистый двор в районе, многие сдружились, вон Масленицу недавно все вместе провожали. А когда одинокую Ивановну из второго подъезда в больницу положили, так ей полдвора передачи носило. Разве плохо?

– И это всё потому, что вы дворником работаете?

– Не поэтому. А потому что люди захотели повернуться друг к другу лицом, а

я им немного помогла, в самом начале, – улыbnулась Снежка.

– А зачем вы тогда продолжаете работать дворником, раз процесс уже запущен? И поезд едет по рельсам.

– А вы знаете, мне просто нравится. Вот вы, например, видели зимнее утро? Вот чтоб прям раннее-раннее? Часиков в шесть, когда ещё темно, лёгкий морозец пощипывает щёки, снег от фонарей переливается, как бриллианты на витрине ювелирного магазина, и тишина такая, хоть ложкой ешь.

– Да я каждое утро на работу езжу, завожу машину и еду – часто, когда темно ещё.

– А по сторонам смотрите?

– Да некогда мне смотреть. Вечная гонка – дела, работа, ничего не успеваю. И так по кругу. Семью вон и то завести некогда, – отшутился Алексей.

– Вот и я раньше не смотрела и не успевала ничего. А сейчас не просто вижу, а наслаждаюсь каждое утро, и, вы знаете, у меня даже появилось свободное время. Правда, я стала рано вставать, работа дворника очень прочищает мозги, получше любой зарядки. Кстати, и на фитнес ходить не надо. Опять же, экономия времени. Вы попробуйте, – рассмеялась она, – и сами поймёте.

– Попробовать дворником поработать?

– А хотя бы, – съехидничала Снежка. – Или вам статус не позволяет?

– Снежана, вы меня поражаете! Агитируете взять метёлку?! Думаете, не сумею? А давайте! Дайте мне метлу, только надо одёжку какую-нибудь старенькую надеть, а то пальто жалко.

– Легко. Надевайте тулуп – и вперёд.

Когда приехал наконец эвакуатор, умявшийся, раскрасневшийся, но вполне довольный жизнью Алексей вернул Снежане орудие труда и тулуп, взамен получил её номер телефона и, обещав позвонить, уехал.

Прошло полгода. Снежка вышла из дома, подставила лицо крупным снежинкам и зажмурилась: «Хорошо-то как! Почти зима, хоть всего лишь ноябрь!» Женщина шла немного вперевалочку, тёплая куртка с трудом застёгивалась на животе, а лицо дышало нежностью и спокойствием. Из подъезда выбежал мужчина, размахивая шапкой.

– Снежок, ну ты что? Холодно на улице, а ты шапку забыла, простудишься ещё... – Он заботливо поправил шарф, чмокнул Снежку в нос. – Прощаешься, да?

– Алёш, ну ты же знаешь, как мне дорог этот двор, и, конечно, немного жаль уезжать. Хорошо, что Мария из третьего подъезда мою вахту перенимает. Двор точно будет в надёжных руках.

– Да уж, когда я Марию на нашей свадьбе увидел, сразу понял, что у неё не забалуешь. Прямо гренадёрша. Ни одна бумажка мимо урны не пролетит, – рассмеялся Алексей. – И потом, Снежок, мы же не насовсем, вот родим да подрастём немного, тогда и вернёмся.

– И что? Снова будем вместе двор мести? – Снежка улыbnулась своей новой умиротворённой улыбкой.

– Зачем, Снежок? К этому времени ты поставишь новую цель, и мы пойдём к ней уже втроём, вместе.

Снежка зажмурилась: да, у неё получилось, у неё всё получилось! Надо только чего-то очень захотеть и искренне верить.

*Натянув капюшоны поглубже,
Мы шагаем, глаза опустив,
Огибая замёрзшие лужи,
Напевая всё тот же мотив:
«Надоело, достало, привычно.
Я как белка по кругу бегу...»
– А давайте попробуем лично
Изменить свою жизнь! Я смогу!*

Подруги

«Сегодня я скажу ему, что всё конечно», – думала Кристина. Три дня, проведённые с Егором, не оставили никаких сомнений. Она не может больше без него. Она не может больше лгать мужу. Она не может больше притворяться.

Их с Олегом брак можно было назвать идеальным. Он и был идеальный.

– Гареевы, глядя на вас, начинаешь завидовать, – повторяла подруга Кристины Юлия. – Скажите мне, Гареевы, где найти такого мужчину, чтоб вот так вот, как у вас? Чтоб вот так вот – навсегда! – Эти слова Трушкина повторяла всякий раз, прощаясь после посещения дома Гареевых.

Юлия, успевшая несколько раз развестись, находилась в очередном поиске, когда Кристина поделилась с ней тем, что у неё появился Егор.

– Кристи, ты что! Это невозможно! Я тебе не верю. А как же Олег? Может, это блажь? Кто он? – Трушкина не успокоилась, пока не узнала все подробности.

– Егор Пахт? Надо же... Пахт! А красиво звучит. Гареев догадывается о существовании этого Пахта?

– Думаю, нет.

– Конечно, ему и в голову не придёт такое. Что ты собираешься делать?

– Не знаю. Я пока ничего не знаю. Олега жалко.

С момента этого разговора прошёл год. Отношения с Егором уже нельзя было назвать любовным романом. Это была отдельная, совершенно другая жизнь. Она отличалась от той идеальной, в которой всё было на своих местах, в которой все жили по устоявшимся правилам, в которой каждый – от прислуги до хозяев – занимал свою нишу в доме Гареевых. И никто никогда не вынуждал повторять эти правила, их просто соблюдали. Сегодня Кристина решила не только пренебречь ими, а разрушить ту иллюзию

любовного счастья и благополучия, в которую до сих пор верил её супруг.

– Ну что, ты готова? – спросил Егор, закончив упаковывать вещи.

– Знаешь, так не хочется уезжать. Здесь так хорошо.

– И мне не хочется. Мы же уже всё решили, Кристи. Я надеюсь, ты не передумала?

– Конечно нет.

– Люблю тебя. Не бойся, всё будет хорошо, – повторял Пахт, обнимая Кристину.

– Я знаю, – отвечала она.

Трёхдневный отдых на природе закончился. Влюблённые возвращались домой с мыслью, что завтра начнётся новая жизнь.

– Она до сих пор уверена, что ты ни о чём не догадываешься, – шептала Юлия, уворачиваясь от поцелуев Гареева.

– Ну и хорошо, тем лучше для неё.

– Объясни.

– Зачем тебе это? Не забивай свою голову лишними мыслями.

– Хорошо. Только...

– Что только? Что тебя беспокоит?

– Ты простишь её?

– Бог её простит, а я не могу.

– Ты до сих пор её ревнуешь?

– Уже нет.

– Неужели? Не верю.

– Мне уже некого ревновать.

– Что ты хочешь сказать? Ты её больше не любишь?

– Люблю, не люблю, какая разница. Это уже не важно.

В гостиной задребезжал городской телефон. Гареев вздрогнул от неожиданности. Он ждал этого звонка. Ждал. Почему же тогда оказался не готов? Мужчина поднялся с кровати, накинул халат и стал спускаться вниз. Как же захотелось, чтоб телефон замолчал. Как же захотелось, чтоб звонивший ошибся номером. Но аппарат не умолкал.

– Алло, – еле выдавил из себя Гареев. – Что? Вы уверены? Где это произошло? Хорошо, я приеду.

Дрожащими руками Олег положил трубку. «Соберись! Ты всё сделал правильно», – убеждал себя мужчина.

– Ты что такой бледный? Что с тобой?

Гареев не заметил, как Трушкина спустилась к нему.

– Мне только что сообщили, что Кристина попала в аварию. Нужно ехать... Опознать нужно...

– Может, это ошибка? Ты же говорил, она в загородном отеле, вернётся только завтра. Может...

– Ничего не может! – перебил Олег. – Собирайся!

– Можно я с тобой? Я же подруга, имею право.

– Езжай домой, подруга! – рявкнул Гареев.

Он поднялся наверх и стал одеваться. Олег никак не мог найти свой мобильник.

– На, держи, – протянула ему телефон Юлия. Она надеялась выйти вместе и молча наблюдала за сборами Гареева.

– Ты ещё здесь? Пошла вон!

– Даже так? Ну ты и скотина! – Трушкина вылетела из спальни.

Опознание далось Олегу нелегко. Он еле передвигал ватные ноги, когда следователь попросил его подойти к пластиковому пакету. Дрожали не только руки – всё тело. К горлу подступила тошнота. Со стороны его поведение казалось вполне нормальным. Убитый горем муж. Как он ещё мог себя вести и как выглядеть.

Прошло две недели. Кристину давно похоронили. Надо бы уже смириться с утратой, но Гареев не мог. Не мог, потому что его Кристи больше нет, а тот, из-за кого она погибла, выздоравливает в больнице. Он совсем не думал о том, что следствие ещё идёт и причина аварии будет установлена. Он словно забыл, что сам был заказчиком этой катастрофы. Он считал, что только Пахт виноват во всем. Он вторгся на территорию их с Кристи семейного счастья. Гареев уже не задавал себе вопросов: «Чего ей не хватало? Как она могла?» Его съедала только одна мысль: «Почему любовник его жены остался жить?»

Пахт спешил домой. Сегодня он покинул свой офис рано. На то была веская причина – пятилетие его супружеской жизни. Се-

мейное торжество планировали провести в кругу самых близких друзей. Организацией праздника занималась его жена. У неё это замечательно получается, как, впрочем, и всё, что она делает. Егор благодарен судьбе за то, что она свела его с Юлией. Да, их встреча произошла не в самом романтическом месте, но она произошла. Шесть лет прошло с тех пор, когда Егор впервые услышал её голос.

– Вы ни в чём не виноваты. – Тогда мужчина вздрогнул от неожиданности. Он не заметил, когда подошла эта женщина с букетом белых хризантем. Незнакомка положила цветы на могилу и продолжила:

– В её смерти нет вашей вины. Тот, кто это сделал, наказан. Его посадили. Это был...

– Мне не важно, кто это был. За рулём сидел я. Вы вообще кто?

– Меня зовут Юлия. Кристи была моей лучшей подругой. Я знаю, она любила вас.

Почему Пахт тогда не ушёл? Почему взял визитку этой женщины? Почему позвонил ей? Наверное, потому что очень хотелось говорить о Кристине. Егор не заметил, когда эти разговоры перестали приносить боль. Он не помнит, как и когда воспоминания о Кристине превратились в прошлое, которое не мешает жить. И вот сегодня ровно пять лет, как Юлия стала хозяйкой в его доме.

Благодаря её стараниям вечер удался. Все веселились от души. Гости разъехались около двух часов ночи. Осталась лишь Алёна Шилова, переборщившая с количеством спиртного. Юлия не решилась в таком состоянии отправить её домой. Она проводила подругу в спальню для гостей. Алёна бухнулась в постель прямо в одежде. Правда, позволила снять с себя туфли.

– Юлька, послушай, Юлька, – бормотала женщина. – Я так тебя люблю. А ещё... Ещё, Юлька, я тебе завидую. Скажи мне, Юлька, где взять такого, как твой Пахт? А? Скажи? Я так хочу, я так хочу, чтоб вот так вот, как у вас. Вот так вот – на всю жизнь, – Алёна, буркнув ещё пару фраз, отключилась.

«Пожалуй, пора прекращать эту дружбу», – подумала Юлия, закрывая дверь спальни. – Определённо пора, – повторила она вслух.

Лидия Девушкина-Соммэ Кастельно-ле-Лез, Франция

Мама, бабушка и продавцы биодобавок

*Свобода – это то, что мы можем
делать после всего, что сделали с нами.*

Жан-Поль Сартр

Если хорошенько напрячь память, то, скорее всего, это было лет пятнадцать тому назад в Новосибирске. Ольга с младшей дочкой почти на всё лето приехала из Франции к дальней родне. В распоряжении родственников весьма кстати имелась маленькая пустующая хрущёвка. Хозяева – милейшие люди – проводили всё лето в битве за урожай на скромной, но уютной, с резными старыми деревянными рамами даче в Ельцовке. А в Томске её квартиру занял старший брат, завершавший свои дела по разводу, уже не первому в его жизни. Они пока решили Серёгу не тревожить.

Лето было словно бархатный сезон: нежное, нежаркое. Катюшка целыми днями носилась с новоиспечёнными подружками по двору – больше всего им нрави-

лось строить шалаши под развесистыми кустами и под окнами соседнего дома. А Ольга решила отдаться прелестям российской жизни. Она уже тому лет семь как начала увлекаться биодобавками, свято верила в их пользу, силилась изучить их действие. В одной компании ещё до отъезда во Францию даже попритчилось ей быть дистрибьютором, но дело не пошло, только себя облагодетельствовала; она вообще по натуре не коммерсант, хоть и оттрубила бухгалтером немало лет. А теперь дальняя родня надоумила её съездить в центр Новосибирска, на угол Вокзальной и Советской: «Вот смотри, заходишь в такое огромное брежневское здание, там раньше НИИКЭ был – ты ведь в этот НИИчаво в командировку ездила, всё теперь, нет его, а здание осталось, – поднимаешься на третий этаж, и там эта контора с биодобавками. Субстанции сугубо наши, российские, не Китай-чай, и не секта какая-нибудь. Там принимает врач, он тебе определит, какой набор нужен. Это тебе не французская химия. Поводит вокруг тебя маятником... ты не бойсь, это тебе не японский телевизор, ничего не поцарапает. Короче, этот тип только определит твои патологии и слабые места и нет ли у тебя часом рака. Лечить маятником не будет. Немножко чудик, с гусями, но денег берёт немного и всё правильно диагностирует, проверено».

На двери кабинета была вывешена табличка с ФИО этого чудика (фамилия длинная и, похоже, польская, Ольга её помнит до сих пор вкуче с ИО: Евгений Михайлович), чудик не простой, а золотой: кандидат меднаук по эндокринологии, бывший военврач. «Это то, что мне нужно», – сразу решила Ольга, с гормонами по наследству по женской линии что-то было не в порядке, да и лет ему около полусотни на вид, значит, диплом его не купленный, и по облику точно не мошенник. Но опасность в том, что явно колдун. А Ольга была правоверной православной, особенно повлияли на неё во Франции румыны из румынской церкви. Как они глубоко верят! Всё-таки у них в

Румынии христианство было с IV века. Обращаться к чародеям нельзя... Но он ведь только диагностирует, а лечить её будет содержимое больших блестящих пластмассовых банок, расположившихся под стеклом в приёмной.

Любопытство победило, и Ольга оказалась на стуле перед высоким сухощавым мрачноватым эскулапом в белом халате – и действительно с маятником. Он выслушал её, глядя усталыми глазами то на неё, то мимо, а потом сделал ряд сбивчивых, но вместе с тем напористых внушений, которые Ольга прекрасно помнит до сих пор: «Учтите, что клетки наших предков бесят в нас всю жизнь. Я это поведение ваших клеток буду сейчас определять по маятнику. Но маятником я лечить вас не буду, всё лечение будет заключаться в наших биодобавках, они вообще лучшие в мире».

– Ну и натворили же делов ваши предки, – продолжая крутить маятник, удивлённо высказался он, глядя поверх Ольги своими уже ставшими совершенно безумными, посветлевшими до бело-стального оттенка, тревожно бегающими глазами. И зашептал что-то тихо и бессвязно, не разберёшь.

Ну вот, напоролась на колдуна. Кому теперь каяться, или уж скрыть? Но ведь от Бога не скроешь...

– Что конкретно? – вмешалась Ольга. – Убивали?

– Кажется, да, я это вижу. Убийство не одно. Скорее всего ваш дед по материнской линии. А потом сам за это и поплатился, погиб во цвете лет, молодой красивый парень, сорока ещё не было. В каком-то поезде взяли, и в наручники сразу. А ехал он к семье, к вашей бабушке и её детям, по-видимому. Тогда говорили: сын за отца не отвечает. А на самом деле ещё как отвечает.

Лёгкий дымок взвился над скульптурной, хорошо выделанной (генетику ластиком не сотрёшь) продолговатой головой колдуна. Этого ещё не хватало. Даже запах дыма пошёл, хотя и лёгкий, не удушливый, даже приятный.

– Злые ваши предки были, злые, жестокие. Может быть, и время... – колдун не договорил. Потом, покрутив маятником и безумными глазами, перешёл на другую тему. – Вас воспитывала строгая, злая мать. Жестокость в ней от отца её. Вам не должен был попасться хороший муж. Интимно-семейная карма по Аюрведе – это самое тяжёлое в жизни человека. Ваш муж – тоже жестокий человек. Про отца как-то не вырисовывается. Незлой был человек, но многого в жизни не понимал. И жёсткий всё же. Великий функционер. Муж ваш взял от них двоих не самые лучшие черты. Женихи обычно чувствуют, кем воспитана девочка-невеста и как с ней можно и как нельзя обращаться.

Оригинальное мнение! Хотя Ольга постоянно об этом думала, но решающую роль для качеств жениха приписывала всё же отцу.

– От мужа у меня все болячки. Вот как бы их вылечить? – растерянно спросила Ольга. – Очень жестокий, спуску мне ни в чём и снисхождения...

– Если решили уходить, то уходите. Но перед этим надо всё простить ему. Иначе не выздоровеете. У меня тут до вас одна девушка была. Девятнадцать лет. От алкоголика-отца ушла, а по полной программе припоминает все обиды. Вот и заработала сахарный диабет. А всё от непростения.

– Мне главное уйти от мужа. Но это очень трудно. Это ведь не от отца уйти. Я готова всё простить и забыть. Однако это не одно и то же.

– Он деспот? Не пускает?

– Именно!

– Привязки? Нарцисс он и эгоист. Возможно, шизофреник. Учёный?

Ольга кивнула, сдерживая слёзы.

– И дети вам не дадут, они на его стороне, – продолжал он. – А учёные все больные, если...

– Что же мне делать? – чуть не заплакала Ольга. – Уже новообразований у меня вагон и маленькая тележка.

– Они у вас все доброкачественные. Тоже не очень хорошо. Но я не увидел, что

они в течение ближайших двух лет озлокачествятся.

Ольга уже была на одном подобном сеансе, но там не было колдуна. Только ноутбук и датчики. Молодая бойкая врач сказала тогда примерно то же самое. Глагол-то какой интересный!

— Много зла вы испытали от других, ваша ошибка, что вы впустили это зло в себя. Но лично в вас своего зла, своего именно, нет!

— Да как же не впускать? — совсем растерялась Ольга. — Зло ведь действительно. Это ещё Лев Толстой говорил, да и сам хорош был, я это недавно открыла.

В дверь постучали. Это наверняка уже другие посетители. Ольга спросила, сколько платить за визит.

— Подождите, не суетитесь! — почти приказал врач. — Я сейчас *там* спрошу, — и опять вскинул безумные глаза вверх и стал крутить маятником и шептать.

Ольга вспомнила Карла Маркса, которого штудировала в Томском университете. Кажется, такой функции в «Капитале» не было. Там не было участия небес. Но вроде Маркс сам по какому-то обряду молился...

Врач-колдун написал смешную, мизерную сумму для оплаты в кассу, присовокупив на бумаге номера практически всех доступных баночек этой фирмы. Вот название фирмы выскочило из Ольгиной головы, а врач-колдун не смог выскочить, да. Она его помнит до сих пор. И как не упомянуть? Это и есть привязки. Она разорилась тогда на большую сумму, биодобавки ей сказочно помогли, но через два года, когда Ольга вернулась в Россию, эта фирма и соответствующая ей контора в бывшем НИИКЭ почили, кажется, в бозе.

Прошло с тех пор лет пятнадцать. В родные края Ольга долго не выезжала, хотя и тосковала по ним. Во Франции всё-таки пришлось два раза полечить настоящую онкологию, но как восхитительно, что не прописали ни химии, ни радиации. Остался только осадочек на душе и мощный страх рецидива. Кстати, онкология случилась лет

восемь тому назад, чисто формально те врачи не ошиблись.

Долгоиграющая, длившаяся в течение полугода жара спала, установился бархатный сезон с редкими дождиками. На Средиземное море — колыбель мировой цивилизации — можно было любоваться часами. Иногда семья приезжала сюда, но последние числа сентября для Ольги Васильны — это всё-таки весьма тревожные дни. Учебное расписание мужа (она не смогла уйти от него, тот колдун был прав: дети не пускали) ещё не устаканилось, расписание её литературного клуба тоже. И ещё захотелось то ли на «кружок по фото» (как у Агнии Барто), то ли на кружок по танцам для пожилых. Ведь в юности имелся спортивный разряд Е по танцам, а потом обабилась, огрузнела, почти шестьдесят килограммов при малом росте, стыдно! И ещё остро захотелось освежить в своей памяти французский язык, ведь жили на окраине большого села в крошечном домике — не с кем перемолвиться французским словечком. Тем более Ольга Васильна заикалась, и французы не жаждали с ней балясы точить, да и они все такие — или занятые, или депрессивные.

Перед тем как упасть в небрежно растеленную постель (уже сил не было разглаживать простыню о шершавые углы дивана), Ольга Васильна взяла у мужа будильник (они давно спали отдельно, как дворяне позапрошлого века) и завела его на семь часов. Алик сначала не хотел отдавать свой будильник и велел Ольге включить мобильный телефон. «Нет, я не буду облучаться ночью, мне и днём хватает», — возразила Ольга.

И проснулась она аккурат за пять минут до резкого будильничьего звонка. Рассвет брезжил ещё совсем смутный, ночь была практически бессонная, тревожная. Потому что если на утро намечено мероприятие, то Ольга обыкновенно очень плохо спит. Сегодня в 9:30 бесплатные курсы французского. Надо ехать в другой город на скоростном трамвае. Такого вот типа курсы, где вокруг

одного преподавателя, чаще всего весьма пожилого, примерно её возраста, собираются в кучку люди из разных стран – в основном беженцы, или же супруги французов. Слишком много народу вокруг, душновато. Много русских, точнее русскоязычных.

По статистике, вывешенной в форме цветных таблиц в мелком шрифте рядом с доской (о как!), на первом месте армяне – 28 %, но все они хорошо говорят по-русски. Многие настоящие русские или из России, или из Украины, чаще почему-то из Одессы. Неохотно повествуют в кратких разговорах, что подали на беженцев, ждут выдачи статуса. А этот статус французские власти теперь дают с большим скрипом. Не повезло ребятам, Ольге жалко их, хотя многим русским, например, Алику и дочке Кате, и многим Ольгиным подружкам их совсем не жалко. Потому как, по их мнению, это отпетые мошенники, знают, что без вранья во Францию не попадёшь. Ольга же считает, что эти люди лишены эмпатии (речь о её близких). Вот только один одессит признался, что ему отказали в статусе политбеженца, он уже давно живёт здесь, дали статус медицинского беженца, но предупредили, что ненадолго. Вылечат – попросят на выход с вещами, но вот интересно – куда? Жена его уже давно работает где-то в людях домработницей, разумеется, по-чёрному. Таким образом тут многие русофоны живут, и даже долгими годами...

Глаза Ольги снова слегка закрылись, она подумала, что превратилась всё же за годы безработной жизни в «сову». Её мама тоже в старости стала совой. Неужели и Ольга старая? Мысли путались, будто подсмеиваясь над Ольгой: если старость подкралась незаметно, то молодость почему-то тоже. Вот она, Оля, молодая и красивая, лет тридцати с небольшим. Через снежную пелену. Точнее, через снежную пургу времени. Оля, не гони пургу... Но уже окутывает её ощущение лёгкого тревожного сна, а ведь пора вставать. Сквозь густую суетливую пургу Оля чётко увидела бабушку Свету, ма-

ленькую, почти с подростка, с её двойным горбиком, который ещё более гнул к земле тщедушное тельце. На бабушке было, как всегда в те поры, тёмно-синее старенькое пальто с барашковым воротником и жёлто-бежевый, связанный из толстой пряжи, почти детский капор (она давно купила его в магазине, да-да, хотя сама немного вязала, но в основном шарфы, как Марина Цветаева; кстати, Ольга тоже может вязать в основном шарфы).

– Ольгуша, заberi меня отсюда, – жалостно обратилась к ней бабушка. Глаза её были откровенно несчастны, что при жизни было вовсе необычным. Ибо она (баба Света) всегда являлась миру тихой веселушкой. Но сейчас глаза её были бездонно-чёрного цвета, а не светло-зелёные, как при жизни. Что-то не то, но это ведь она, Светуня, как звали её подружки, а также внуки и правнуки.

Забрать её можно было только на Новосибирском вокзале им. Гарина-Михайловского. Почему именно там? Ведь жили в Томске. Тот врач-колдун из бывшего НИИКЭ вдруг затряс перед её глазами маятником, Ольга испугалась и бросилась скорее к такси, уговорила шофёра за какие-то большие деньги, Алик вдогонку, прямо из форточки, отчаянно кричал: «Не надо так много!» Поехали быстро, но позёмка мешала. Тогда в Новосибирске пробок ещё не было. Но всё равно Ольга не успела. На вокзале она Светуню не нашла. Ольга начала метаться с первого этажа на второй, рассекая чужие полулежащие во сне тела.

Вот это ужас из ужасов – потерялась старушка где-то в толпе, вдруг затопчут, она же рассеянная очень, забывчивая, наверняка и очки потеряла, хотя соображает хорошо пока, каждый день «Правду» и «Известия» читает от и до, потом через несколько дней, когда их пролистает мама, делает вырезки для Ольги специально и особо (так она выражается) и вставляет в них восклицательные знаки. Овладей она в сто лет «Фейсбуком», делилась бы постами с Ольгой... и с кем ещё, интересно? Кста-

ти, вообще прекрасно помнит, что где написано. Книг читает немерено, все подряд. Телевизор – старенький «Рекорд» с лупой – тарактит почти всегда. Маму это бесит. Она ненавидит бабушку. Называет её эгоисткой. Её бесит в ней буквально всё, и кому-то мама призналась, что сама не понимает, за что. Но призналась не Ольге. Кому-то по телефону, а Ольга слышала. Ольга тогда подслушивала намеренно. Потому что ещё с детства пыталась маму: за что ты так ненавидишь Светуню? Мама вместо ответа указывала ей на дверь.

Вообще мама была очень властная. Воспитывала их с братом жёстко авторитарно, но больше любила брата и больше спускала ему, потому что он походил на неё, а Оля – на отца. И этот брат (старше Ольги всего лишь на два года) своим характером (Ольга плакала из-за него и называла его торпедой) словно приучал её исподволь к жестокости этого мира. «А нужны ли мне были эти уроки?» – часто спрашивала себя Ольга. От реальных обидчиков – своих дружков – её не защитил, квартиру по наследству неправильно поделил, и много ещё чего несправедливого. Светуню он тоже не любил, называл её бездельницей. Вот уж полный неадекват! Мама была занята карьерой отца и, видимо, страдала от его нелёгкого характера, Ольга с братом были, в сущности, заброшены, если не считать того, что мамины окрики сыпались как из решета. «У меня система повышенных требований!» – грозно опустив глаза и злобно поджав губы, регулярно предупреждала мама. Артисткой она была плохой, слишком прямолинейной и недоброжелательной. Мама была типичным робким деспотом – худший вид деспота, как сказал кто-то из великих русских писателей. Папа хорошо относился к бабушке, но называл её сомнительной (да, она была жутко обидчивой). С папой иногда можно было поговорить за жизнь, но он был безумно занят всегда. А вот кто всегда был готов душевно поговорить, приласкать, артистично сыграть в какую-то малышовскую

игру или пусть иногда глупо поворчать с какими-то странными словечками-неологизмами, кто читал детям книжки, кто приучал к азбуке, кто присматривал, кто рассказывал из своей жизни с таким зачином: «Вот никогда не забуду...» – это была Светуня, в среднем жившая в их семье половину года. У папы была бронированная квартира в Москве, и он направлял туда Светуню присмотреть за жильём. Мама всегда открытым текстом декларировала, что ждёт не дожётся её отъезда. Ни одного нормального человеческого слова не было сказано между ними. Мама этого просто не допускала.

Бабушка вела дневник, где маленькая Ольга однажды, подсмотрев, увидела запись: «Сегодня ровно пятнадцать лет, как моя дочка со мной не разговаривает». Однако Светуня скучала по всей семье и с удовольствием приезжала в Томск на очередные полгода. И сразу же вокруг Светуни начинала клубиться некая токсичная атмосфера, так бывает в семьях, когда травят кого-то одного: начал один, и все присоединяются до кучи. К маме присоединились все, кроме папы и Ольги. Ольгин брат Сергей и правнуки в раннем детстве – все обожали Светуню, а потом вдруг перешли на неприязнь. Которую мама прекрасно подпитывала своим ежедневным злословием. А ведь ничто так не сближает людей, как перемывание косточек третьим лицам! Ольга была единственная, кто утешал бабушку в её обидах и причудах, а причуд было немало, да у кого их нет? Светуня вообще во всём была оригиналом. И мама это в ней ненавидела. «Держись теперь Ольгуши», – в один голос посоветовали приехавшие ненадолго в Томск Лилия и Лиза – мама и дочка, подружки Светуни ещё по Бийску. Собственно, в родной им Бийск они тогда и направлялись. Для мамы и Светуни он тоже был родной.

Не найдя бабушку на вокзале и дрожа от тревоги за неё, Ольга опоздала на урок французского, однако нахально приоткрыла дверь в зал занятий и церемонно изви-

нилась. Надо сразу произнести приветствие и много извинений и вежливых слов, так учила её бабушка. Бабушка подряд говорила слова: *спасибо, пожалуйста, виновата, извините, ну очень рады*. Однажды бабушка опоздала на работу, это было ещё до войны, и её приговорили к месяцу общественных работ. Сказали: «Иди, училка, подметай улицу!»

На уроке Ольга с трудом сосредоточилась на *passé composé*. Интересно, чем *там* плохо было Светуне? Ни печали тебе, ни воздыхания. Почему её надо было забрать? А так лучше разве, разве счастливой была её жизнь на этом свете? Революция, а ей шестнадцать лет. По улице идёшь, и кто-то в тебя целится. Она ничего не понимала и вообще была трусишкой. Многодетная семья, неплохо живущая до революции. Вроде дворяне, отец заведовал городским казначейством. Умер в одночасье – от холеры. В первые месяцы революции, или когда пришёл Колчак? – уже поздно выяснять, ведь Ольга так и не нашла Светуню тогда на вокзале. А тому врачу-колдуну нельзя было задавать лишних вопросов. Светуня же в восемнадцать лет влюбилась (говорила потом, что навсегда) и выскочила замуж за красавца – красного партизана. Большевика. Родила Олину маму в девятнадцать, а через два года вторую дочку – Юлю. Но что-то пошло не так... А разве могло пойти так? Молодой муж Виктор карьерно продвигался, стал начальником уездной милиции. Работа нервная, стал выпивать, гоняться за бабушкой, оскорблял её, потом решил попытать счастья на Дальнем Востоке, туда его послала партия. Оформили развод. Бабушка стала болеть, пришлось ехать на операцию в Томск. За это время вторая дочка Юля заболела корью и умерла. Бабушка, вернувшись из Томска с ещё незажившим послеоперационным швом, успела застать её живой и закрыть её крошечные глазки. Через много лет знакомые сравнивали Ольгу с этой Юленькой, говорили, что похожа на неё как две капли. И Ольга почему-то ощу-

щала её в себе, видела, как малютка ложится спать, перебирает игрушки, ждёт маму, врачи дают ей какие-то снадобья, чтобы немножко продлить ей жизнь. А послезавтра она умирает. Это 1926 год... Светуня и Ольгина мама (Шура) остались одни, без денег, с эпизодическими Светуниными работами за гроши, без квартиры. Мыкались по углам.

Бабушка стала учительствовать в начальной школе и чудом закончила Бийский учительский институт, это что-то вроде современного педучилища, дающего право преподавать в школе до седьмого класса включительно. Мозги у бабушки всегда были на месте. В гимназии училась на одни пятёрки, любила читать, а тут такие интересные преподаватели, из ссыльных, блестяще говорили с кафедры. Так она и стала скромным просветителем, шкрабом, как тогда выражались (школьным работником). Жизнь стала потихоньку налаживаться. Даже дедушка Витя засобирился обратно к Светуне и Шуре, написал, что скучает по ним и уже купил билет на поезд. Бабушка заплакала, получив это письмо (так она рассказывала), но Виктор не доехал до Бийска, ещё в поезде его взяли под белые руки и арестовали. Шёл 1938 год. К бабушке тоже пришли среди ночи и стали её допрашивать. Бабушка уже была в разводе с Виктором, но пришлось ещё и отречься от него. Она подписала соответствующие бумаги. Их так и называли этим длинным словом «соответствующие», хотя совсем не по-советски кричали на неё. Мама не могла ей простить этого отречения всю жизнь. И ещё того, что, когда жили вместе с дедушкой Витей, бабушка скандалила с ним и вообще порядка в доме не было, был похож на цыганско-вокзальный. Интересно: папа никогда не поднимал руку на маму, а что касается быта, то почти всегда были няни и домработницы. Видимо, мама очень любила своего отца. Фрейдистский комплекс, вот что это такое! Ольга верила в его действенность. Она сама больше любила отца и гораздо меньше – свою мать.

И вот столь внезапно бабушка стала ЧСИРом – членом семьи изменника Родины. Или ЧСИРовкой, как тогда говорили.

Потом, в голодные девяностые годы, мама получала какие-то продукты, как член семьи репрессированного, в специальном магазине (или отделе? Ольга уже не помнит). Но мама не так уж плохо жила и без этих продуктов, признавалась она. Папа умер рано, в советские годы, намного раньше Светуни. («Почему ты не умерла, а почему он?!» – кричала тогда мама на Свету в обычном своём раздражении.) Вдовы её ранга получали две пенсии – свою трудовую и как вдовы. Папа оставил огромную квартиру, где мама жила со Светуней, которая уже не имела сил ездить в Москву и окончательно осталась с ней, мама же по-прежнему помыкала ею. В эти же девяностые годы Ольге пришлось ехать в Москву с крошечной Катюшей, отстаивать права на ту бронированную квартиру. К ней в Москве иногда присоединялся Серж, который, как и покойный папа, стал большим начальником в Томске, но бывал наездами в Москве, лишь голословно обещал помочь с квартирой и, тем не менее, всю тяжесть хождения по инстанциям возложил на Ольгу с малышкой. Двухлетняя Катюша падала прямо на эскалаторе в метро и кричала: «Не могу больше никуда!» Ольга купила подержанную складную коляску и возила в ней Катюшу, но коляска однажды буквально лопнула на глазах толпы и тоже прямо в метро. Светуня присылала Ольге конверты с вырезками из газет. Туда ещё были добавлены Светунины восклицательные знаки и вложены письма, где выразительно и без единой ошибки (это в её-то девяносто лет!) было написано, что она сходит с ума в тоске по Оле и по малышке, которая стоит у неё перед глазами. Ольга ещё до отъезда в Москву покрестила Катюшку и покрестилась сама, стала набожной (Светуня этого не одобряла), а в столице входила с Катюшей во все близлежащие церкви, оставляла записки и ставила свечки. И чудом выиграла все судебные процессы, необходимые для

возвращения себе бронированной папиной квартиры.

Алик на ту пору уже давно был увлечён своей бывшей однокурсницей и собирался бросать Ольгу. Об этом злорадно проболтался их старший сын Игорь, когда Ольга стала на него кричать, обнаружив сигареты, – недобрый парнишка, по характеру вылитый отец. Ольга тупо переживала этот момент, думая: «Может быть, хорошо, что наша совместная жизнь кончилась, ведь он такой жестокий! Проживу без него гораздо лучше, ибо хуже просто не может быть». Можно было сдавать эту московскую квартиру и жить в Томске безбедно с Катюшкой и старшим сыном Игорем, но на этом акте драмы объявился Серж, в этом же месте пьесы Алик поссорился со своей однокурсницей (она была замужем, муж, кстати, Аликов приятель, случайно обнаружил неладное и решил «намылить ей физиономию»). Злополучная квартира была срочно приватизирована, обменена на две небольшие квартиры в Томске – для Ольги и Сержа, Алик принялся валяться в ногах у Ольги, говоря, как она нужна ему.

Но это ещё всё было впереди. А пока, в процессе борьбы за московскую квартиру, Ольга получила письмо от Лизы – бабушкиной подружки, которая приехала в Москву из уже независимой теперь Латвии. В девяностые ещё писали друг другу простые письма! Ольга не виделась с Лизой много лет и радостно с ней встретилась. Они не виделись, потому что мама однажды вдруг на ровном месте возненавидела Лизу и отказала ей в Томске от дома. Лиза пришла к Ольге домой и стала зазывать её то на дворянское собрание (она любила такие тусовки), то в музей какого-то писателя, скажем, Горького или Толстого. Ольга бы пошла с дорогой душой, она, в принципе, очень любила такие визиты, правда, на дворянских собраниях никогда не была, ибо мама ненавидела это слово – «дворянство». Но не с кем было оставить Катюшку. И они просто посидели втроём на кухне московской квартиры, окнами выходящей на Кремль.

Двухлетняя Катюша уже хорошо произносила слово «Кремль» – настолько хорошо, что окружающие удивлялись, – и тыкала пальчиком в окно.

– Мне очень неудобно, что мама с тобой поссорилась, – сказала Ольга Лизе (бабушка звала её Лиззи). – И мама почему-то запретила вообще с тобой встречаться. Я не понимаю почему. Но я уже взрослая девочка и с кем хочу, с тем и встречаюсь.

– Пусть будет в секрете ото всех наша встреча, и Светуне не говори, а то разволнуется. И от мамы ей влетит! Я тебе могу рассказать причину Шуриной злости, но всё равно мне было очень горько оттого, что можно было со мной так бесцеремонно поступить, – начала свой рассказ Лиза. – Я слишком хорошо знаю, что происходило в тридцать восьмом году. Я тогда была ещё совсем маленькая, пяти лет от роду. Это всё мне потом рассказывала мама Лиля и соседи, но ведь и моя мама тоже скрывала кое-что. Это же пуганое поколение. Да и мы тоже отчасти. В тридцать восьмом году твоей маме было шестнадцать лет, Светуне всего тридцать пять. Светуня тогда лечилась от онкологии, плюс ещё туберкулёз присоединился и работу потеряла как ЧСИР. Ну кто же её в школу пустит после этого! И надо было подписать бумагу об отречении. Шура всю жизнь злилась на это.

– И зря! Глупо. Это спасло им жизнь обeim. А так тоже в лагерь бы заслали, не посмотрев, что...

– Именно! – продолжила Лиззи. – Могло и хуже... И мама твоя считала, что Светуня предала отца. Да разве в этом тогда было дело. Как Светуня мучилась с Виткой! Он же в милиции большим начальником был. У него оружие было. Придёт с работы, весь проспиртованный, кошмары ему чудятся, гонялся с пистолетом за Светой и Шурой, они от него на печку залезали. Светуня вообще с горя уже плохо сообщала. Да и курила непрерывно. И мама твоя тоже ведь начала в эти годы курить. Светуня, кстати, ещё с семнадцати лет. И

если в этом возрасте начнёшь, то потом невозможно отвыкнуть. Там, в животе, такой огромный рецептор вырастает, он требует питания. – Лиззи была медсестрой по образованию и любила рассказывать такие подробности. – Остались они тогда без денег совсем. Наше Заречье – это ж почти деревня, кто-то яйцом выручит, кто-то горсткой муки. Можно было на подаянии прожить. Но от них же все отвернулись: ЧСИРы, что ты хочешь. Баба Стеша (это была старшая сестра Светуни, врач) хотела Шуру к себе в отделение положить, но что-то не пошло, может быть, в терапии мест не было. Тогда устроила её Стеша в психиатрическое отделение. Это рядом, в одном почти здании, точнее, через дорогу. И мама твоя не умерла тогда с голоду, как видишь. Но она не хочет, чтобы кто-то знал об этом. Я ей ни слова, а она почему-то меня ненавидит за то, что я якобы знаю. Она знает, что я знаю.

На обратном пути с урока Ольга пыталась размышлять, долго ли мама пробыла в этой психлечебнице. Как она там оказалась? Потому что поставили диагноз, или просто по великому, что называется, благу? Связь тогда с Лиззи прервалась, уже навсегда. Общих знакомых у них не было.

Бабушка после войны постепенно превратилась в хохотушку и жизнелюбку. Видимо, силы жизни побеждали в ней отчаяние. Да и мама удачно вышла замуж, зять стал хорошо получать. Не дрался, из семьи не норовил уйти. Но не дочь, а книги и общение с людьми были Светуниным спасением... Ольге было жалко и маму, и бабушку, но особенно бабушку. Почему она не нашла её тогда на вокзале Гарина-Михайловского? Может быть, Света тогда бы что-то рассказала. Да ладно, что за вздор, это же сон. И тот врач-колдун что-то рассказал, пусть и немного. Ольга часто его видит, и даже тот лёгкий дымок над ним.

Ольга, как и её баба Света, тоже лечила душу книгами. Сейчас она чередовала Толстого и Тургенева. Но Толстой (она сейчас читала «Хаджи-Мурата») тоже был жесто-

ким человеком и по жизни, и как писатель. Одна «Крейцера» чего стоит! Врачевал её раны только Тургенев. Вот сейчас двухсотлетие со дня его рождения, значит, его дух витает над Францией. И над всем миром. Она открыла заложенную для трамвая страницу книги. «Павел, напротив, одинокий холостяк, вступал в то смутное, сумеречное время, время сожалений, похожих на надежды, надежд, похожих на сожаления, когда молодость прошла, а старость ещё не настала».

Ольга набрала эти строки в свой компьютерный дневник. Программа Word высветила под цитатой из Тургенева зелёные волны: мол, предложение перегружено запятыми, плохо воспринимается. Зато как оно красиво. Нет ГУЛАГа, нет войн, нет мелких житейских дразг и нет ужасов тупого, жестокого непонимания со стороны самых близких. Ольга прислушивалась к тихой осени во дворе, к лёгкому шелесту листьев, к суматошным крикам птенцов в гнезде, к негромкому перекикиванию соседей. Алик ещё не пришёл. Катюша стажуется в другом городе. Алик намеренно поздно приходит с работы: Ольга раздража-

ет его своей рассеянностью, бесхозяйственностью и любовью к Тургеневу. «Это у тебя от бабки Светки», – грубо замечает он. Сам он запоем слушал иногда аудиозапись «Хаджи-Мурата»; видимо, отдельные сцены лелеяли привычную, скорее всего врождённую, непоколебимую жёсткость его натуры. А Ольга, вспоминая в очередной раз Светуню, гадала: убивал ли дедушка Витя или не убивал. Если у него был в руках пистолет, то несомненно. Начальник милиции в двадцатые-тридцатые годы! Лёгкий приятный дымок закурился над Ольгой, и знакомая рука с маятником закачалась перед её испуганными глазами. Ольга вскрикнула.

– Чего ты? – грубо сказал Алик. Он как-то бесшумно вошёл в квартиру.

– Это клетки моих предков бесят во мне, – прошептала она. Алик не слышал её, да это, впрочем, и к лучшему. С ним ничем нельзя делиться. И даже в «Фейсбуке», а тем более в реале.

Страница автора

www.facebook.com/tversh

Строки о душе русского человека,
о его силе и духе...

**Сухарь
да вода**

Котарь Огнеслава

**Котарь
Огнеслава**

Книга в каталоге
knigi-market.ru/sukhar-da-voda-ogneslava-kotsar

Татьяна Летова

Подольск,
Московская обл.

Жизнь понарошку

Многие посвящают свои творения кому-либо. Будь то родители или близкие друзья, любимый человек или даже домашний питомец. Я же совершенно нескромно посвящаю эту книгу самой себе. Не дают покоя воспоминания и вопросы, как же я пришла к выбору своей профессии, которая многие годы сопровождает меня. И не понять, то ли я выбрала эту профессию, то ли она меня. Работа воспитателем – это и моя радость, и мои слёзы, и переживания, и скромный источник дохода.

Давным-давно, ещё в советское время, произошёл этот выбор. Было время, когда хотелось резко поменять свою стезю, но, видимо, какие-то неведомые силы – иначе это не объяснить – возвращали меня в детский сад и окунали с головой в детство. Попробую прогуляться по моим воспоминаниям и понять, за что всё-таки я обожаю свою работу. Итак, пора советских свершений и стремлений к коммунизму. Я ещё совсем девчонка, оканчивающая восьмой класс...

Аришка

Мы с моей лучшей подругой Маринкой вели её сестрёнку Аришку из детского сада домой. Мама подруги не создавала себе проблемы, называя дочек почти одинаковыми именами. Когда родилась младшая дочь, тётя Наташа всего лишь убрала первую букву от имени старшей дочери, и теперь у неё есть Маринка и Аринка. Разница в возрасте у сестёр большая – почти двенадцать лет.

Мы с Мариной оканчиваем восьмой класс, нам скоро будет по шестнадцать лет. Раньше в школах не перескакивали галопом из третьего класса в пятый. И с завидным постоянством мы проучились с первого класса по восьмой. А теперь стояли на рубеже и размышляли, то ли идти дальше учиться в девятый и десятый классы, то ли поступать в учебное заведение после восьмого.

Младшей сестре моей подруги было четыре года, она ежедневно «работала» воспитанницей в детском саду. Во всяком случае, вид у неё был очень серьёзный и деловой, когда мы с Мариной забирали её с «работы».

В сотрудниках она числилась непослушных, обладала бунтарским характером и, если бы получала премию за выдумку и необычность мышления, могла бы озолотить маму и сестру. Жили они без папы, который «растворился», как только узнал о том, что ожидается пополнение ещё одним ребёнком в семье. Не выдержав такого сюрприза, а может догадываясь о будущем весёлом характере дочки, папа уехал далеко и навсегда. С тех пор тётя Наташа воспитывает девочек одна. Поэтому Маринка – её первая и незаменимая помощница во всём. А я с удовольствием принимаю участие в этой помощи.

Сейчас мы шли в магазин. Аришка селенила между нами, периодически спотыкаясь и поглядывая на нас снизу вверх. Мы держали её за руки, и это помогало малышке не упасть. Несмотря на то что мы с подругой буквально волоком тащили её се-

стрёнку-дошколёнка, на лице девочки сияла счастливая улыбка, Аришка очень любила ходить с нами.

На ней было жёлтое платьице, украшенное большим тёмным пятном, поставленным Аринкиным другом в песочнице в борьбе за синюю лопатку. Об этой печальной истории поведала нам воспитатель.

Когда мы забирали Аринку из детского сада, некоторое время выслушивали, что необходимо принести завтра в садик и почему произошла драка в песочнице. Пока Маринка внимательно слушала воспитателя, я наблюдала, как подёргивается глаз у бедной женщины. Я долго думала, от чего именно это происходит. То ли это её врождённая особенность, то ли она тоже пострадала в битве за лопатку, как и Аринкино платье.

Молчала и думала: а смогла бы я работать воспитателем? Тем более что об этом так сильно мечтает моя мама. Спит и видит меня в толпе малышей, перепачканную их козюльками. Нет, скорее всего, не смогла бы. Я бы лично закопала все лопатки и игрушки в песочницу, чтобы устранить конфликты между малышняй. У меня не хватило бы терпения выслушивать детский плач и вытирать слёзы сопливым скандалистом.

– Арина, поторопись, нам с Диной ещё в магазин надо успеть. Знаешь, сколько всего мама наказала купить.

– Кого мама наказала? Тебя, что ли, Марин?

Мы с подругой переглянулись и прыснули от смеха.

– Да не наказала, а наказала. Тьфу ты! Я совсем с тобой запуталась, глупая ты девочка. Мама мне дала задание сходить в магазин и купить кое-что.

– А это кое-что вкусное?

– Очень! Надо купить картошки два кило, хлеба и бутылку молока.

– Маринка, я не хочу молоко и картошку тоже не хочу. Нам в садике аж ведро молока давали!

– Так уж и ведро! Не сочиняй, Арина.

– Я не сочиняю. А давай ты понарошку купишь картошку, а по-правдешнему конфет купим.

– Точно, Аришка, мы так и сделаем.

Мы вошли в магазин. Это сейчас сплошь и рядом модные супермаркеты, блистающие красотой и чистотой. Разнообразные отделы, переполненные всевозможными товарами. А раньше обычный магазин представлял собой обычное большое и длинное помещение с таким же обычным прилавком. Серое и скучное, как осенний дождик, помещение. Длиннющий прилавок с выпуклым стеклом, за которым виднелся довольно-таки скудный ассортимент продуктов. И вечная очередь.

Будучи маленькой девочкой и стоя вместе с мамой в очереди за колбасой или сметаной, я любила прижиматься носом к холодному стеклу прилавка и рассматривать то, что было представлено покупателям. В основном это были консервные банки-близнецы. Аккуратно составленные пирамидки из рыбных консервов поражали однообразием. Их даже ставили одной стороной к покупателю: чтобы на всех банках одновременно одинокая рыбка, изображённая в волнах океана, была повернута своим рыбьим глазом...

Мы честно отстояли очередь за картошкой. И как только Марина собралась озвучить просьбу, Аринка выпалила быстрее сестры:

– Тётянька, а у вас конфеты продаются?

– Нет, девочка, у меня только овощи и фрукты.

– Мама Маринку наказала, за то, что она мне картошку хочет купить, а не конфеты.

– Ну, идите тогда в кондитерский отдел, – продавец овощей начала явно нервничать, – девочки, не задерживайте очередь, отходите отсюда.

– Да не слушайте вы её, – сказала Марина, – она у нас фантазёрка. Мне два килограмма картошки. Дина, постой, пожалуйста, с Аринкой вон там. – Подруга кивнула головой и указала нам путь в угол магазина. Я взяла девочку за руку, и мы отошли от прилавка с овощами.

– Ты чего? Тебя дома конфетами не кормят, что ли, Арина? – спросила я, не выпуская руку фантазёрки.

– Нет, Динка, не кормят. Не поверишь, мама с Маринкой все конфеты под подушками у себя прячут. Я у них прошу-прошу, а они, жадины такие, сами их едят. Они думают, что я не слышу, как они чавкают под одеялом. Вчера у мамы даже рот в шоколаде был испачкан. Я такая спрашиваю: «Мама, а что это за пятнышко у тебя такое на губе?» А она мне хитренько так отвечает: «Это, Ариночка, родина у меня на губе!»

– Какая ещё родина? – спросила я у Аринки. – Родинка, что ли?

– Ой, точно, Диночка, родинка. Облизнула мама своё пятнышко и говорит: «Это, Ариночка, родинка у меня на губе».

Я стояла, держала Аринку за руку и не верила своим ушам. Мне было одновременно и смешно, и жалко бедного ребёнка. Надо спросить у Марины, правда ли то, о чём мне поведала её сестра. Ей что, действительно не дают конфет? Может, у девочки аллергия на них и конфеты в доме Марины под запретом? Однако плохо прячут они свои сладости, если уж ребёнку нельзя.

Аринка стояла передо мной такая грустная и молчаливая, скромно понурив голову. Всем своим видом она показывала мне, как ей горько, обидно и голодно без конфет живётся. Свободной рукой она теребила край своего запачканного платья и изредка поглядывала на меня. И тут у меня в голове родилась идея, как мне тогда показалось, шикарная. Я присела перед Ариной.

– А хочешь, пока Маринка покупает свою картошку, я пойду и куплю тебе конфет? У меня есть немного денег, на конфеты тебе точно хватит.

Взгляд Аринки мгновенно превратился из страдальческого в восторженный и живой. Она сглотнула и тихонько произнесла:

– А не врёшь?

– Нет. Зачем мне врать. Ты со мной пойдёшь?

– Нет, Диночка, я здесь постою, чтоб мне Маринку отсюда лучше видно было. А ты быстренько в отдел с конфетами сбегай. Давай, иди.

– Хорошо, Ариша. Стой здесь и никуда с этого места!

– Диночка, у меня на подошве клей намазан, я приклеюсь на этом месте.

– Какой ещё клей? – насторожилась я.

Умильная мордашка смотрела на меня. Аринка развела руками и всем своим видом показывала мне, что я глупая, не понимаю, что ли, о чём речь идёт.

– Понарошку, Диночка! У меня клей намазан по-на-рош-ку.

– Ну, стой давай, понарошка ты ходячая, – сказала я и начала протискиваться в то место, где продавались сладости, периодически оглядываясь на малышку. Она тоже видела меня и успокоительно махала мне ручкой, мол, иди-иди, не переживай.

Денег мне хватило только на ириски. Это такие прилипучие конфеты, которые застревают между зубов и лишают их пломб. Я придумала сама для себя технологию съедания такой конфеты. Нельзя сразу разжёвывать ириску, надо подержать её во рту, чтобы она обмякла, как умирающий от жажды путник в пустыне, и только тогда потихонечку начинать её жевать.

Небольшой бумажный кулёчек с ирисками и сдачу в кармане понесла я обратно, торопливо пробираясь сквозь толпу покупателей и высматривая Аринку на том месте, где я её оставила. Вместо малышки в жёлтом испачканном песком платье я увидела Маринку с широко раскрытыми глазами.

На том самом месте, где мёртвой хваткой должна была приклеиться подошвами Арина, стояла растерянная старшая сестра и оглядывалась по сторонам. Как только она меня увидела, сразу махнула рукой:

– Дина, ну наконец! Где вы ходите?

– Кто вы? Я и ириски? – спросила я, ещё не понимая, что произошло.

– Какие ещё ириски? А где Аринка?

И только сейчас я поняла, что произошло. Мы потеряли девочку в этом суетном, переполненном после рабочего дня магазине. Я стояла, разведя руки в стороны, и хватала ртом воздух. Мне нечего было сказать моей лучшей подруге.

В голову ударила волна переживания, я так растерялась, что казалось, сейчас упаду в обморок. В таком же состоянии была и

Маринка. Разница между нами была только одна – у неё в руках авоська с продуктами, а у меня – кулёк с ирисками. Мы стояли и молча смотрели друг на друга.

Наконец, Маринка первой сообразила, что надо делать. Она бросила авоську на пол и закричала. На крик обернулись многие покупатели. Самые сердобольные побросали свои места в очереди и направились к нам. Начались расспросы, что произошло и чем помочь. Пока Маринка, сбиваясь в объяснениях, пыталась сказать, что произошло, я неожиданно посмотрела в витрину магазина. На улице, за огромной стеклянной витриной я увидела жёлтое платье. Закрывая лицо руками и расплющив нос по стеклу, так, чтобы получился поросячий пятчок, Аринка заглядывала с улицы в магазин.

– Маринка, смотри, вот же она, – сказала я.

Мы выскочили из магазина быстрее шальной пули. Маринка забыла авоську с продуктами, я же крепко держала конфеты. Аринка оторвала нос от витрины. Видимо, она долго так стояла, потому что нос от неудобного положения покраснел. На лице сияла улыбка. Маринка подбежала к ней и схватила за плечи.

– Ты бессовестная дурочка мелкая! Как ты могла уйти из магазина!

– Сама дурочка! – улыбка на лице малышки сменилась злой гримасой. – Это ты меня бросила. Нет, ты выгнала меня из магазина. Всё маме расскажу.

У Маринки подкосились ноги. Она мёртвой хваткой держала сестру и продолжала кричать на неё:

– Что ты расскажешь, что?!

– Всё расскажу, расскажу, расскажу, расскажу! – топала ногами и причитала Арина. – Как я хотела постоять в углу магазина и подождать тебя, а ты сказала мне: «Пошла вон отсюда!»

К подкошенным ногам у моей подруги добавился ужас предстоящей ссоры с мамой. Такого она точно не простит. Зная Аринкину любовь к вранью, мама всё равно не простит старшую дочь за то, что та потеряла ребёнка. А истина всё равно откроется. И магазин находится поблизости с

домом. Обязательно найдётся сердобольная соседка, которая была невольным свидетелем страшной ситуации. Маринке не избежать жестокого наказания.

Она выдохнула, отпустила плечи сестрёнки и заплакала. Я подошла к подруге:

– Давай я с ней поговорю, Марин? Ты сходи за авоськой в магазин, а то ещё украдут. А я поговорю с Ариной.

Марина зашла в магазин, и я увидела, как она наблюдает за нами оттуда. А я опустилась пониже к злобному возмутителю порядка. Аринка ещё злилась на всех и на всё.

– Ты хочешь конфеты и денежку?

При слове «денежка» левая бровь малышки поползла вверх. Девочка улыбнулась и тут же забыла обо всём.

– Конечно хочу, Диночка.

– С одним условием: ты ничего не будешь рассказывать маме. Марина не виновата, ты сама ушла из магазина. Я дам тебе конфеты и денежку, но если узнаю, что ты проболталась, приду и тут же заберу!

– Хорошо, Диночка.

Наш бартер состоялся. Я отдала шантажистке конфеты и сдачу от них. И как только Марина вышла из магазина с авоськой, в которой лежали продукты, мы с Аринкой довольно махали ей руками у входа.

– Сестрёнка, я пошутила, – ласково обратилась к ней Арина. – Конечно же, я ничего не буду маме рассказывать. Я пошутила.

Пока Аринка жевала ириску по дороге домой, Марина с восхищением посмотрела на меня:

– Как? Слушай, подруга, как тебе удалось уговорить эту маленькую мерзавку? Я думала, что мне наказания не избежать. Знаешь, мне кажется, у тебя талант, ты педагог от Бога! По-моему, тебе надо идти в педучилище после восьмого класса.

– Знаешь, Мариш, мне мама тоже говорит об этом. Но я не знаю, сомневаюсь ещё.

– Да ты прирождённый педагог. Смотри, как сладила с Аринкой, а она у нас ещё та врунишка. Мама бы, конечно, поняла меня, но получила бы я хорошенько.

– Да что тут уметь-то, – уверяла я подругу.

Знала бы Марина, каким бессовестным путём мне удалось добиться послушания от

её младшей сестры. Но я и сама начинала верить в то, что я доморощенный Макаренко и прирождённый Сухомлинский. Мне захотелось закрепить успех, вот только как?

Мы наконец пришли во двор, где жила моя подруга. Советский уютный дворик, заставленный машинами автовладельцев. Однако места для игр детям было тоже предостаточно. Во дворе располагалась детская площадка. Там была песочница, истоптанная детскими ботиночками, качели с облупившейся краской и небольшой деревянный домик с окошком. Вся эта красота стояла под высокой ивой. Дерево опустило свои длинные гибкие веточки прямо на детскую площадку, словно прикрывая копошившихся там, как муравьишки, детей. А копошились там три мальчика и две девочки. Они были примерно одного возраста. Лишь один мальчик заметно выделялся по росту. Он был на голову выше своих друзей, но играл в песочнице с не меньшим интересом.

– Динка, а давай проверим твои педагогические способности, – предложила неожиданно Маринка.

– Как это?

– А попробуй организовать этих жуков. Как Аринкин воспитатель. Ты же видела, как она с ними на прогулке играет.

Я начала рыться в анналах памяти и вспоминать, что такого запоминающегося я видела в детском саду, когда мы приходили за Аринкой. Память сыграла со мной злую шутку. Именно в тот момент, когда надо было блеснуть умениями и укрепить позицию недавнего победителя, я ничего существенного вспомнить не могла. Но, улыбнувшись и подмигнув Аринке, я ответила:

– А, легко! Иди, посиди на лавочке, пока я буду воспитывать этих карапузов.

Я взяла за руку Аринку и, пока мы шли с ней к песочнице, обратилась к девочке. Я чувствовала, что поступаю неправильно, но назад дороги не было. Во рту у малышки бешено и остервенело пережёвывалась купленная мною ириска. Мы шли с Аринкой, как идут на последнее задание – почти на подвиг – два единомышленника.

– Арина, хочешь быть вся в родинках, как твоя мама?

– В каких ещё родинках, Динка? – спросила девочка, и я закрепила своё мнение о том, что она тогда в магазине наврала мне про шоколадные пятнышки на лице у мамы.

– В шоколадных родинках.

– А-а-а, поняла.

– Помоги организовать своих друзей из песочницы, и я принесу тебе из дома шоколадку.

Шоколад во времена моей юности был явлением редкостным. Но моя мама иногда приносила с работы это лакомство. Я понимала, что нельзя одержать победу без бессовестного договора с маленькой хитрюгой. Она любит сладости и, скорее всего, за шоколадку построит полк друзей. А мне надо произвести окончательное впечатление на подругу, которая и так пребывала в эйфории. Я, конечно, как человек совестливый, попозже сознаюсь во всём вранье и подкупе её младшей сестрёнки, но пока не хотелось этого делать.

Аринка некоторое время общалась с малышкой. Я заметила, как в ход пошли ириски. Только один мальчик всё время подпрыгивал на месте, но, получив конфетку, он успокоился. Потом она махнула мне рукой. Я подошла к детям. На меня смотрели шесть мордашек, перепачканных песком. Все шестеро жевали ириски и внимательно рассматривали меня.

– Здравсьте, – чавкая, поздоровались со мной дети.

– Здравствуйте, дети.

– А как тебя зовут? – спросил мальчик, который ранее подпрыгивал.

– Ко взрослым надо обращаться на вы. Надо спрашивать: «Как вас зовут?» Меня зовут Дина Ивановна.

На этом мой педагогический опыт закончился, и я не знала, что мне делать дальше. Маринка сидела на лавочке, улыбалась во весь рот и махала мне рукой, когда я оглядывалась на неё. И тут я вспомнила, что воспитатель Аринкин выводит детей на улицу, построив всех в маленький отряд. Значит, точно так же и я должна поступить.

– Вы это... постройтесь парами, друзья.

Подождав, пока дети, как карты, перетасуются в толпе и займут свои места, я чинно встала перед ними.

– За мной, дети!

Словно генерал перед войском, не иначе, я шла перед отрядом своих новоиспечённых подопечных. Мы красиво подошли к Маринке. На лице у подруги сияла восхищённая улыбка. Она захлопала в ладоши, а потом подняла большой палец, показывая мне, что это просто высший класс. Я наслаждалась победой, пока не услышала:

– Эй, Дивановна, можно мне пописать? Я очень писать хочу...

Я оглянулась назад и увидела малыша, который начал снова подпрыгивать на месте.

– Как ты меня назвал?

– Ну, ты же сама себя назвала Ди-ва-новна, – ответил мне мальчишка с уже искажённым от желания сходить в туалет лицом.

– Иди, конечно.

И тут все начали хохотать. А Маринка и Аринка с тех пор обращались ко мне только так. «Дивановна» приклеилось ко мне, как разжёванная ириска.

Сложный выбор

Ну, вот и наступило время серьёзно задуматься над дальнейшей судьбой. Такие громкие слова постоянно озвучивает мне мама. Нет, школьный год ещё не окончился, но нагнетание обстановки царит в нашем доме давно. Если бы мама была агитатором, то она получала бы неслабые премии.

Ежедневно, с завидным постоянством и упорством, она пробиралась к моим мыслям. Пробравшись в самый эпицентр, она начинала с почти садистическим издевательством капать мне на мозг. Этими капельками были вопросы и советы. В принципе, мою маму не интересовало, что я отвечу на тот или иной вопрос. Она старалась вопросами «разогреть» меня, а потом добить советами. Вот так решалась моя

судьба, моя профессиональная судьба. Кем быть и куда пойти учиться? Вот главная тема последнего года школьной учёбы.

Какие там географии, математики и литературы. Да тьфу на них. Маме нужно было определить меня, наставить на путь истинный и единственный. По большей части она основывалась на своих мечтах, не дававших ей покоя с детства. Её собственная нереализация колола, словно тонкими спицами, в бока, и мама, чётко помня свои несбывшиеся мечты, решила с моей помощью осчастливить себя.

В молодости мама мечтала быть воспитателем. Она выросла в деревне, где ежедневно наблюдала, как местные женщины шли на работу в коровник или в курятник. Честь и хвала любому труду. Но ей было искренне жаль этих прекрасных добрых женщин. Некоторые из них были подругами моей бабушки, которая тогда работала телятницей.

Моя мама не понаслышке знала о том, как тяжело работать в деревне. Она видела натруженные руки своей мамы и ощущала мозоли на её руках. Да к тому же одевались на работу эти женщины, деревенские жительницы, очень и очень просто. Ну, не ходить же в коровник на каблуках, и за курочками неудобно в красивом костюме бегать. А мама мечтала о красивых нарядах для себя и своих детей.

То ли дело воспитатели, учителя и врачи. Всегда чистенькие, аккуратно одетые и с витиеватыми кренделями из волос на голове. Маме, тогдашней девочке, казалось, что выбор очевиден. Вот они, профессии мечты! Поэтому, как только она повзрослела сама, сразу уехала жить в город. Там получила образование и осталась работать. Однако профессия у неё была совершенно другая. Мама работала бухгалтером. Всё это делалось ради детей, которые обязательно родятся, и ради их светлого, обеспеченного будущего.

Так что задолго до моего взросления она определилась с выбором, и теперь маминой главной задачей было уговорить меня получить профессию её мечты.

Обстоятельно обдумав все тончайшие и мельчайшие подробности, мама сопоставила мои способности с возможностями.

Врачом в белом, накрахмаленном до хруста халате она меня не видела. Мама хорошо знала, что химию и прочие точные науки я в школе изучала весьма плохо. Можно сказать, я проходила мимо них, брезгливо отвесив нижнюю часть лица, высунув язык и закатив глаза. Как она угадала? Именно с таким выражением лица я ходила на уроки по химии, биологии и физике.

Образно говоря, я махала этим дисциплинам рукой, намекая на то, что нам не по пути. А в профессии врача химия, анатомия, и что там точное ещё, по мнению мамы, – главные науки. Мне их не осилить. Да и тяги к врачебной деятельности у меня мама не наблюдала. Я панически боялась крови. Кровь пугала меня и лишала чувств. Я видела в мультфильме про Маугли, как удав гипнотизирует кроликов. Капля крови оказывала на меня такой же эффект. Я совсем не играла в больницу, как многие девочки. Мне больше нравилось усаживать кукол и медведей на диване и монотонно читать им лекции о морали. С деловым видом я ходила перед диваном и упрекала кукол, смотрящих в одну точку, во всех проделках. Естественно, проделки были мои личные...

Лишь один раз, посмотрев передачу о ветеринарах, я задумалась, каково это, лечить животных. На диване в неудобной позе, упав мордочкой вниз, лежал плюшевый коричневый мишка. Вид у него, как мне показалось, был совершенно больной, и животное требовало лечения. Я бодро всадила в плюшевый зад медвежонка пару полных шприцев воды, и на этом мой врачебный опыт был окончен. Шприцы были у нас в аптечке, мама делала иногда уколы бабушке.

Я испытала жуткое отвращение и одновременно непередаваемую жалость к медведю. Но попробовать себя в роли врача надо было на тот момент. И опыт этот мне не понравился. Медвежонка потом долго сушили на батарее. Раньше игрушки были из экологически чистых материалов, которые весили довольно-таки много. И намокшей попой медведя можно было сильно

ранить кого-нибудь. Поэтому перед профессией врача моя мама сделала глубокий пардон-муа и отпустила мечту в небо, как воздушный шарик.

Учителем стать? Сидя на работе и нервно постукивая подушечками пальцев по столу, мама долго и сосредоточенно размышляла об этом. У меня в детстве была игра: вырезанная из картона куколка-шаблон в купальнике, а к ней прилагалось несколько бумажных плоскостных нарядов.

Надо было надевать эти наряды на куклу, прикладывая их и решая, какой наряд ей больше идёт к тому или иному случаю. Вот и теперь для мамы я была кем-то вроде этой куколочки в купальнике. Наряд врача уже отложили в сторону. Теперь наступила очередь наряда учителя. Повторюсь, что мой несладкий характер мама изучила, как свои пять пальцев на руке. Да что говорить, она могла писать по мне пособие с детальным описанием характерных особенностей. И вот мама живо представила меня в образе учителя. Она мне об этом позже рассказала, и я согласилась с каждым её словом.

– Дина, я как представила, какой из тебя учитель, ужаснулась сама собственным мыслям. Полный класс детей. Девчонки красятся, мальчишки дерутся. В классе шум и гам, летают записки и карандаши. Ты стоишь у доски и, нервно подёргивая правым глазом, объясняешь новую тему урока. Тебя никто не слышит. Да ты и сама себя не слышишь, потому что в классе стоит дикий шум. И выйти тебе нельзя. Тебя закрыли на ключ с наружной стороны, чтоб не сбежала от детей. В итоге после такого урока – доска, которую ты проткнула указкой, раздавленные классным верзилкой твои любимые очки и порванный в клочки классный журнал, в котором ты пыталась поставить двойки. Боже сохрани моему ребёнку такую участь! Нет, в школу не пойдем работать.

– Мам, ну ты и нафантазировала! У нас в школе совершенно не так. Всё гораздо спокойнее. В принципе, работать в школе я хотела бы. Может, я и справлюсь как-нибудь.

– Дочь, «как-нибудь» нам не надо. Нам надо гореть и сиять на работе.

Сидя у окна с огромной кружкой в руках, она задумчиво смотрела в никуда. Из кружки шёл пар. Только что налитый кипяток норовил превратиться в тёплую водицу, подкрашенную чаинками. Мама никогда не пила чай или кофе из маленьких чашечек. Пить чай, так пить! Наслаждаться процессом надо подольше. Кофе тоже наливался большими объёмами и назывался тогда средним родом.

– Динка, будешь кофе? Оно ещё не остыло.

– Нет, спасибо. У меня от него колики.

– Колики-ролики, – задумчиво произносила мама, после чего с шумом втягивала чай. – Кстати, о «роликах». Ну что, ты уже определилась? Нам ведь уже надо на подкурсы записывать тебя.

– Определилась, мам. Может, мне в балерины податься?

При этом вопросе мама сначала застыла на пару секунд, а потом прыснула от смеха. Некоторое количество чая растеклось по столу.

– Ты себя в зеркало видела, балерина? Дай тряпку, я вытру со стола.

– А что со мной не так? – спросила я, подавая тряпку красиво, посильнее втягивая живот и щёки. Пирожки и булочки давали о себе знать. Естественно, в балет я не собиралась идти. В детстве мне даже по телевизору было неприятно наблюдать за внешним видом мужчин-балерунов, а видеть это воочию не хотелось тем более. Я заливалась краской от стыда, совершенно не понимая, для чего у них такие обтягивающие сценические костюмы. Да к тому же в балет идут с юных-юных лет. И сейчас моё время безнадежно упущено. Прощайте, па-де-де и арабески. На меня не налезет ни одна пачка балерины. Но настроение маме надо же было подпортить. Хочешь моего решения? На, держи.

– Что с тобой не так? Ты спрашиваешь, что с тобой не так? Дина, да ты в дверной проём-то с трудом пролазишь, только если тебе маслицем бока смазать. А тут в балет собралась! Да тебя даже к станку не пустят.

– Так я свой станок принесу!

Мама разразилась громким смехом. Одной рукой она держала тряпку и вытирала

поверхность стола, другой утирала слёзы. Потом она присела, снова ухватилась за своё «ведро» с чаем и продолжила:

– Ты хоть представляешь, что такое балетный станок? Ты как его переть на себе собралась?

– Как, как... в сумочке.

Мама до сих пор не понимала, что я тоже шучу. Она реально думала, что я совершенно не имела представления об огромном станке для балерин. Она упивалась чаем и своим умственным превосходством надо мной.

– Это же тебе не бритвенный станок для ног, Динка! Какая сумочка! Это огромная, длиннющая труба на ножках.

– Да?! – разыгрывая искреннее удивление, ответила я и протянула разочарованно: – Жа-а-аль...

Мы расхохотались вместе с мамой. Утро задалось. Насчёт маслица на боках она перегнула палку, как говорится. Я приятной внешности, совсем не толстая. Но у меня есть на что посмотреть.

Выпитая кружка чая придала маме особый шарм, который виднелся на раскрасневшемся лице. Раззадоренная смешным разговором, она поняла, что вот оно – время для советов наступило.

– Дина, вот снова повторюсь, а ты послушай спокойно. Чем тебе не нравится профессия воспитателя?

– А я и не говорила, что она мне не нравится.

– Ну что ты врешь! Кто недавно отпирался и говорил, что сможет обучать только красивому сидению на горшках? Не ты ли?

– А чему их ещё там учить, мам? Играть они и сами умеют. Кого хочешь заиграют. Я по Аришке знаю.

– Вот в том-то соль с перцем, Динка! Не профессия – мечта!

– Твоя мечта, мамочка.

– Какая разница, Дина, чья это мечта? Моя или твоя. Смотри: пришла на работу, переобулась в туфельки, халатик беленький надела, причёсочку подправила. Ручки в карманы засунула и пошла лебедем по группе: «Ванечка, отдай машинку Васечке. Машенька, уложи куколку в кроватку. Петенька, не бей Гошеньку по головушке».

Всё! Вечером ручки из карманчиков вытащила, причёсочку поправила, переобулась в сапожки и домой лебедем пошла. Весь день сыта, в тепле и спокойствии. Рай!

– А! Так я всё-таки вытащу ручки из карманчиков?

– Дина! Ну ничего ей не скажи. Не придирайся к словам. Я же образно говоря.

– По-моему, мамочка, всё совсем не так. Я с Маринкой за Аринкой в садик хожу иногда. Там такое в группе творится! Почти та же история про указку в доске. А халатик мне для чего? Чтобы манной кашкой не испачкаться? Да я ничего не знаю, как с детьми обращаться. Я их даже немного боюсь.

– Вот дурочка! Работа шикарная. Тебя научат в педучилище абсолютно всему: и как занятия проводить, и как играть, и как читать им, и как утренники вести.

– Боже мой, я ещё и утренники вести буду? Да меня заклинит точно, и всё, чему научат за несколько лет, я забуду за несколько минут.

Мама вздохнула и первой решила перестать спорить. Она мудро заключила:

– Дочь, ты подумай хорошенько. Повторюсь опять – будешь в тепле и сытости, и дети, которые у тебя родятся когда-нибудь, будут с тобой рядом. И если ты решишь всё-таки пойти учиться на воспитателя и окончишь педучилище, я буду самая счастливая мама на свете.

Мама сказала эти слова, похлопала меня по плечу и отправилась заниматься своими делами, оставив меня наедине с мыслями. Я долго сидела, пытаюсь найти верное решение. Пока сидела, накручивала ниточку на палец, задумав вопрос. Мамины слова засели в моей голове. Последний виток ниточки на пальце дал мне ответ, и я пошла осчастливливать родного человека.

В комнате был включён телевизор. Играла музыка. По непостижимому стечению обстоятельств по телевизору показывали фильм про Мэри Поппинс. Я поразились этому совпадению. А мама, улыбаясь и показывая мне на экран, сказала:

– Вот! Вот, смотри, Динка, какая ты будешь красивая, как Мэри Поппинс. В синем платье с белым воротничком и в шляпке.

– И вместо указки... зонтик... – продолжила я мечтательно.

Мама будто не слышала меня, она продолжала:

– И принесёт тебя ветром в какой-нибудь садик, где всё в цветах и детях. И ты будешь порхать как бабочка и петь песню, что ты леди Совершенство.

– Может, я буду заходить в группу, как миссис Фурия, поправляя грудь, и говорить: «Внимание, я захожу!» Ладно, мамуль, я решилась. Так и быть, буду я Мэри Поппинс. Когда в училище пойдём?

Мама аж взвизгнула от удовольствия. Она попросила меня сесть рядом с ней и обняла за плечи. Так мы и сидели долго, смотря фильм про меня. Пардон, про Мэри Поппинс. На следующих выходных мы собрались идти на День открытых дверей в педагогическое училище. Хорошо, если это будет День открытых дверей и окон, – чтоб было куда ретироваться в случае чего.

День открытых дверей и окон

Весна только начиналась, но в воздухе уже пахло свежестью. Не морозной зимней свежестью, а самой настоящей, весенней. В неё входили запахи цветов, талого снега и ещё чего-то многообещающего и прекрасного. И хоть приходилось перескакивать лужи и ручейки, но делалось это с особым приподнятым настроением. Скоро совсем потеплеет, и можно будет этим наслаждаться, радоваться каждому весеннему свежему утру. Потом наступит лето, а вместе с ним невыносимая жара, которую я не люблю. Так что, пока на улице межсезонье, можно наслаждаться этой порой.

Субботним днём мы с мамой отправились на День открытых дверей в педагогическое училище. Точного адреса мы не знали. Прогуглить, как это делается в настоящее время, мы не могли. Гуглить было негде, потому что ни компьютеров, ни сотовых телефонов у нас тогда не было. Это сейчас задаёшь любую задачу в Интернете, и он тебе, как яблочко на тарелочке,

выкладывает всё то, что можно, и даже то, что нельзя.

А в тот день мы шли по памяти. По маминей девичьей памяти. Когда-то в молодости она видела здание педучилища, куда вбегали счастливые, по её мнению, девочки-студентки. И примерное местонахождение этого здания отложилось у моей мамы в памяти.

Пока мы шли, она продолжала расписывать все прелести моей будущей профессии. И после того как тирада хвалебных речей иссякла, мама решила добить меня своими козырями. Она думала, это сразит меня наповал и заставит включить передачу для ускорения и обгона.

— И ещё, Динка, обычно в таких училищах, где учатся одни девочки, часто бывают интересные вечера встреч.

Произнося последние три слова, она немного их растянула и, приподнимая бровь, многозначительно посмотрела на меня. Конечно же, я догадалась, о чём идёт речь, но сделала вид, что не могу даже понять, что она имеет в виду. Разведя руки в стороны, я вопросительно посмотрела на маму:

— Что-что? Это ты про литературные вечера, что ли?

— Глупая ты девочка, Динка, — сокрушалась мама. Она взяла меня под руку и продолжила свой рассказ: — Насколько я знаю, мне об этом рассказывала Нина на работе, у девчат в педучилище частыми гостями бывают ребята из военного училища. Там у вас...

— Так уж и у нас!

— Не придирайся к словам! Да, у вас. Поэтому что я надеюсь, что тебе хватит ума поступить в училище. Так вот, там у вас будут организовывать вечеринки с танцами. И обычно приглашают на такие мероприятия мальчиков-курсантов.

Мама рассчитывала на мою бурную реакцию. Наверно, она хотела, чтобы я, остановившись, начала крутить руками в воздухе, издавая крики «Йёхо!!!». Но этого не произошло. Я часто заморгала глазами и сделала преглупое выражение лица. В душе мне было очень смешно, но ещё смешнее было доводить маму до истерии. Она смотрела на меня и ужасалась моей «глупости»

и непониманию. Она искренне не понимала, как можно было не радоваться столь прекрасному факту, как новость об интересных вечеринках с военными мальчиками. Но она знала точно, что готова сама лично меня познакомить с курсантом. Это была её вторая мечта...

— Я вообще-то туда учиться иду, мамочка, а не хвостом крутить, как ты любишь говорить.

— Ну, дочь, перед курсантами разрешаю. Это такие надёжные ребята! С ними как за каменной стеной. Выберешь себе мужа и проблем знать не будешь.

Потом некоторое время мы шли молча. Мама сама переваривала свою информацию, а может быть, продумывала, чем ещё удивить меня. Хотя я не собиралась удивляться. Меня интересовало мероприятие, которое должно было состояться в педучилище. Как там, чему учат, что вообще хорошего и плохого посулят.

Наконец, мы добрались до того места, где, по мнению мамы, должно было находиться училище благородных девиц — невест военных мальчиков. Перед зданием, широко расставив крылья и задрав нос, стоял настоящий самолёт. Небольшой, видимо отслуживший верой и правдой, стальной красавец. Мы прошли мимо него, рассматривая и восхищаясь величиим. Ведь несмотря на то, что это был небольшой ЯК-40, стоя перед нашим педучилищем, он выглядел очень впечатляюще.

— Интересно, а что здесь делает самолёт? — удивилась мама.

— Может, мы на улице Авиационной и поэтому самолёт стоит. А что вообще ты тут хотела увидеть? Бронзовую скульптуру воспитателя в глубоком наклоне до земли и раздутыми от натуги щеками, который держит в руках огромный шар? А над ним написано: «Дадим шар земной детям!»

— Какая же ты, Динка, дурочка. Непроходимая! Как тайга непролазная! — сказала мама и помотала головой, глядя на меня.

Мы засмеялись и пошли искать вход в училище. Войдя внутрь, поразились красоте и объёмам здания. Кругом зеркала, много света. Дышалось в этом здании очень лег-

ко. В голову полезли картинки моей будущей учёбы в этом здании. Мы подошли к столу, за которым сидел пожилой мужчина с усами. Он должен был заполнять списки пришедших и потом рассказать, куда проходить для ознакомления с училищем.

– Как вас зовут, юная леди? – спросил у меня усач, а мама довольно улыбнулась и опять многозначительно посмотрела на меня: «Вот видишь, ты уже леди! Цени!»

– Дина Ожерельева.

– Ого, какая красивая фамилия! Какая драгоценность к нам пожаловала. Похвально-похвально. Девочки нам нужны.

Мужчина записал меня в список пришедших на мероприятие и указал дорогу в актовый зал. Довольные собой и только что полученным комплиментом, мы буквально поплыли с мамой в зал. Я заметила, что вокруг много парней с родителями. Мимо мамы этот факт тоже не ускользнул.

– Мам, ты смотри, сколько мальчишек мечтает стать воспитателями.

– Может, они на учителей начальных классов пришли учиться. Тут же есть такая специальность тоже.

Потом мы присели в актовом зале. Кресла удобные, мягкие. Ещё бы ремень безопасности – и ты почти что в самолёте. Мы с мамой наслаждались тем, что наконец-то сели отдохнуть, вытянули ноги. Мама оглядывалась по сторонам и рассматривала людей. Ничего, абсолютно ничего нас не насторожило. Мы чётко верили в то, что сидим в шикарном актовом зале педагогического училища, и не иначе. Всё-таки мамина девичья память – это серьёзная штука!

Когда зал заполнился зрителями и наступило время приветственных речей от директора учебного заведения, на сцену вышел невысокого роста худощавый мужчина шестидесяти лет. Он взял микрофон и обратился к собравшимся:

– Добрый день, уважаемые товарищи абитуриенты и товарищи родители. Очень рад вас видеть в нашем авиационном техникуме, который готовит высокопрофессиональных специалистов своего дела.

Мы с мамой переглянулись, отвесив чёлости. Какой ещё авиационный техникум?

И только сейчас мы начали замечать плакаты, висевшие на стенах. На них были изображены самолёты целиком или в разрезе. Кругом был настоящий культ самолёта.

Покидать такой уютный актовый зал совершенно не хотелось, но надо было поторопиться и всё-таки успеть в педагогическое училище. Пока мы пробирались между креслами к выходу, нам очень захотелось смеяться. Даже не смеяться, а ржать во всё горло. Согнувшись так, чтобы не мешать сидевшим в зале, мы, похихикивая, наконец добрались до тяжёлой двери с надписью «Выход», и тут нас прорвало. Мы с мамой всегда любили похохотать от души. Но тут лавина смеха накрыла нас до такой степени, что уже ни говорить, ни дышать мы просто не могли. Акустика огромного холла разнесла наш ржач далеко за пределы авиационного техникума...

Мы расспросили прохожих о нахождении педагогического училища и буквально побежали в ту сторону. Оказалось, что действительно, ранее в этом здании было училище для педагогов. Девичья память не подвела маму. Но с тех пор прошло много лет. И здание отдали под авиационный техникум, а будущим воспитателям построили абсолютно новенькое. С большими аудиториями, таким же красивым холлом и гулками коридорами. Всё это мы увидели потом, когда наконец добрались до педучилища. А пока мы торопливо шли по направлению к нему и продолжали хохотать.

– Улица авиационная! – передразнивая меня, сказала мама.

– Девочки нам нужны! – передразнивала я усача.

– Не зря всё-таки там самолёт стоял, – продолжала мама, – я как чувствовала – что-то не так.

– Ага, чувствовала она, а кто сказал, что все парни, которые туда пришли, будущие учителя? Забыла? Слушай, мам, может, мне надо было там остаться? Я реально захотела носить шлем пилота.

– Иди уже, горе-пилот ты мой.

– Я думаю, может, не судьба мне воспитателем стать, раз нас в другое здание привело?

– Динка, ну кем тебе ещё стать, как не воспитателем?

– Есть много прекрасных профессий! В частности, я думала стать писателем.

– Кем-кем? Писателем? Не смейся.

– А что смешного, мама? Я с детства любила писать стихи, рассказы и сказки.

– Это ты про тот шедевр говоришь, где Золушку отправила в путешествие по всем известным сказкам? И сидела она у тебя не в карете, а в тыкве?

– Ну и что? Было весело, ты же сама смеялась, когда читала. Я люблю писать с юмором и необычно.

– Вот и иди учишься с юмором на воспитателя. Это стабильность какая-никакая. Реальный заработок. А что тебе даст работа писателем? Ну, напишешь ты про свою необычную Золушку в тыкве, и что дальше? Или стихи твои. Кто такое читать будет: «И вот звонок раздался звонкий, отец в костюме Дед Мороза, вместо зелёной пышной ёлки, принёс мне белый ствол берёзы!» Или вот ещё: «Мои прекрасные года, куда уходите, куда? Я так ещё не поняла. Зачем же мама родила!» Это не стихи, Динка.

– Надо же, ты меня цитируешь, мамочка. А я издам книгу. И так и назову её – «Это не стихи!».

Мы бы долго ещё с мамой пререкались, но здание педагогического училища нарисовалось перед нами во всей красе. Мы вошли внутрь и обо всех спорах тут же забыли.

Нас встречали стайки девочек-дежурных. Несмотря на то что мы порядком опоздали, нас встретили любезно, с широкими улыбками. Актовый зал оказался таким же уютным и комфортным. На сцене за большим столом сидела целая комиссия, которую возглавляла директор училища. Это была высокая и полная женщина с серьёзным выражением лица. Её тяжёлый взгляд пронизывал тебя насквозь, как раскалённая стрела. Но когда директор улыбалась, всё теплое вокруг и таяло. Вот какой резкий контраст. Хотелось сплясать «камарин-

скую», чтобы на лице этой властной женщины снова появилась улыбка и все растаяли, как натуральный шоколад на ладошке.

Потом нас водили по аудиториям, показали спортивный зал, раздевалки, туалеты, медицинский кабинет и, конечно же, столовую. Все вокруг охали и ахали. Здание новое, удобное и просто чудесное.

Нам сказали, что есть ещё одно здание у педучилища. Это старый корпус, до которого необходимо было идти минут десять. В том корпусе находились классы для занятия музыкой. Такие занятия были предусмотрены программой обучения в училище. Я посмотрела на маму, испуганно отвесив челюсть. Такого удара под дых я не ожидала. Несмотря на то, что у меня почти идеальный музыкальный слух, и я люблю петь, нотную грамоту я не знала. Ни с одним музыкальным инструментом я не была знакома. Но мама успокоила меня сразу:

– Пианино купить не обещаю, всё равно на четыре года обучения. Потом куда его денем? Ты всё равно играть не научишься.

– Спасибо, мамочка, за поддержку.

– Но аккордеон тебе куплю.

Так и решилась моя судьба. Мне понравилось абсолютно всё в этом училище. И люди кругом были такие доброжелательные и милые. Преподаватели – молодые и пожилые – все были с добрейшими глазами. Посетители девочки, которые пришли знакомиться с училищем, были тоже неплохие. Всё располагало к тому, чтобы сделать выбор в пользу педагогической деятельности.

Мама сдержала своё слово. Вскоре мне купили огромный зелёный аккордеон «Аэлита», который своими звуками наводил ужас на соседей. Нот я не знала. Но мне достаточно было всего лишь один раз увидеть, как проигрывает программу преподаватель. Я приходила домой, по памяти подписывала ноты русскими буквами и потом репетировала спокойно. Сдавала зачёт я на пятёрки, редко посещая занятия музыкой. Но об этом потом...

(Продолжение следует)

Эльвира Мухаметшина Москва

Жить дальше

Вера невидящим взглядом смотрела в экран монитора. В голове звенела глухая тишина. Ещё утром жизнь прикидывалась нормальной. Мир рухнул в 14:20 в кабинете врача. Приговор с небольшой отсрочкой.

Она не помнила, как вышла на улицу. Дрожащими руками искала телефон, чтобы кому-то позвонить, с трудом сдерживая давление отчаяния и протеста. Телефон нашёлся сам. Звонила Аня. Мир быстро собрался из осколков в свою чёрно-белую версию. Нужно было отвезти дочь на занятия, а Вера опаздывала. «Хорошо, что она позвонила», — мелькнула мысль и без продолжения была задвинута куда-то глубоко. День покатился дальше, милосердно подкидывая ей бытовые задачи.

Завод закончился несколько минут назад, когда Аня улеглась спать. Заклацали челюстями страх, обида, боль, гнев, дежурившие неподалёку в ожидании. Они были готовы наброситься, как только Вера вспомнит...

«Что будет с Анькой?» — Боль!

«Где Димка, когда он так нужен?» — Обида!

Монитор мигнул и привлёк её внимание. Как она оказалась на этой странице? Кажется, пыталась где-то зарегистрироваться, и её перебросило сюда. Экран предлагал: «Задайте свой вопрос». Курсор пульсировал в форме для ответа. Не задумываясь Вера напечатала: «Как выжить, если умираешь?» Нажала на кнопку «Отправить». Экран поперхнулся и залился синим светом.

— Не знаешь, и я не знаю, — закрыла глаза, откинувшись в кресле, Вера.

Где-то недалеко или в параллельной Вселенной. Офис IT-компании, разрабатывающей программное обеспечение. Двое смотрят в монитор на графики.

— Митяй, а что это у тебя нагрузка в разы скакнула? — спросил невысокий темноволосый парень, стоящий за креслом у настоящего Добрыни Никитича по комплекции.

— Всё по плану, — ответил Добрыня-Митяй. — Это запланированный рост. Система самообучаемая. Я её кормлю клиентскими базами данных. Ну теми, для тестирования программы рекомендации новых продуктов банка. После каждой новой порции данных программка увеличивает сложность модели и требует больше мощности для обчёта. Нагрузка на тестовую машину растёт. Пока хватает, но...

— Нет у меня свободных машин, — отрезал темноволосый.

— Андрюха, да не прошу я пока. Просто делюсь. Ты только послушай. Я добавил дополнительное условие в сценарий «вопрос — ответ». Он должен запросить все данные по объекту везде, где найдёт доступ, — от медкарты до отзыва на книгу в соцсетях, и вместо банковского продукта выдать рекомендации, улучшающие жизнь объекта. Дальше нужен апгрейд и перезапуск. Для этого вводим диалоговое окно с объектом. Он даёт согласие, и-и-и — трям! Запускается изменение модели!

Конечно, в реальности ничего не произойдёт. Слишком много персональной информации требуется. Да и вообще, реальность не обязана подчиняться моей модели, – казалось, с неодобрением и скрытым недоверием заключил Митяй.

– Да уж. Не зря ты здесь ночуешь. Кстати, тебе к семье не пора? – смягчился впечатлённый Андрияха.

– Я СМС отправил. Дай я тебе покажу, – торопился продемонстрировать свой мир создатель. – Выбери любой сценарий «ответ клиента». Нет, давай лучше посмотрим в режиме реального времени.

На экране появился вопрос: «Как выжить, если умираешь?»

– Какая у тебя интересная модель, – задумчиво смотрел на вопрос Андрей. – Самообучаемая, доступы нашла, похоже... Так, сегодня выкатили программу рекомендаций для банка. На реальных пользователях тестируют. Дима! Ты что-то держал на той машине?

– Так, прогноз на объект плохой, – не ответил, считывая данные Митяй. – Худший параметр – здоровье. Сейчас система рассчитывает, какие изменения нужны для положительной динамики. Отправляет ответ,

запускающий апдейт модели. Пользователь должен согласиться или отказаться.

– Что это? – спросил Андрей.

На экране появился поп-ап: «Уведомление от объекта. Показать?»

Не успела Вера вернуться к своим мыслям, как звякнул сообщением телефон. Пришлось открыть глаза, монитор светился: «Вы даёте согласие на получение рекомендаций, учитывающих ваши персональные данные? – Да/Нет». Сил на удивление не было. «Да», – выбрала Вера.

«Вероятность неправильного диагноза – 17 %. Альтернативные клиники...»

Дальше было что-то про случаи самоизлечения, подтверждённые медициной. Это было уже не важно. В голове начало проявляться. «Нужно действовать! Несколько месяцев, чтобы сделать всё, что хотелось и... жить дальше! 17 % – это, кстати, достаточно много. Да, пока не забыла! Кто бы это ни сделал...»

Формы обратной связи уже не было, и Вера набрала в пустоту: «Спасибо, ребята!» Нажала Enter.

Мир вокруг менялся.

Работа делает свободным

(Продолжение. Начало в № 12/2018)

Глава 2

Шли дни. Приближался конец апреля. Почки на деревьях уже лопнули, и из них постепенно разворачивались свежие зелёные листочки. Снега не осталось нигде. Даже из самых тёмных закоулков давно вытекли все ручьи от растаявших сугробов. Природа проснулась от долгого зимнего сна, несмотря на войну.

Тот день я запомнил навсегда. До сих пор встаёт перед глазами та стена бакалейной лавки, что неподалёку от моего дома, те испуганные люди с жёлтыми звёздами и крики.

Шёл дождь. Мы возвращались из лица. Проводили, как обычно, Цию, потом Максен куда-то ушёл. А Сара помахала карточкой и сказала, что ей надо заглянуть в лавку и получить по карточке продукты. Лавка находилась рядом с моим домом, я решил проводить Сару. Это же так здорово – махать рукой на прощание! Главное, ты знаешь, что потом опять встретишься с человеком, опять проводишь...

Мы с Сарой шли под её старым коричневым зонтиком. Свой я стеснялся достать: слишком новый. Она весело шлёпала разваливающимися ботинками по лужам. Я

смеялся и, глядя на её улыбку, вдруг вспомнил тот день, когда разговаривал с Цилей. «Может, Циле это не понравится, но всё-таки хочется Саре об этом рассказать. Вдруг переживает!» – подумал я и начал:

– Послушай, я хочу тебе кое-что сказать...

– Ой, завтра скажешь! – отмахнулась Сара. – Смотри, мы ведь пришли уже.

– Но это важно! Ция...

– Скажи завтра, хорошо? Пока!

Она взмахнула бантом и побежала по ступенькам в лавку, размахивая карточкой и что-то напевая. «Тогда завтра», – решил я и, дойдя до угла, замер. За спиной послышались крики. Я обернулся. Четверо немцев выводили людей из лавки.

Началась суматоха. Не попавшие под налёт люди спешили убраться с улицы. Один мужчина с жёлтой звездой толкнул меня за дом:

– Глупый ребёнок, беги!

Но я не убежал. Я высунулся из-за стены и, тяжело дыша, заметил мелькающий среди захваченных Сарин бант.

Евреев было восемь. Их поставили к стене, заставив заложить руки за голову. Я с ужасом смотрел, как Сара, растерявшись, вертела головой по сторонам.

На крыльцо лавки выскочил продавец. Он начал что-то говорить, но, прежде чем закончил, раздался выстрел. Продавец тяжело рухнул на дорогу. Люди у стены закричали. Один немец выругался. Раздались два выстрела. Крайние женщины упали, оставив на стене кровавые пятна. Сара вдруг сорвалась с места и кинулась на стоящего ближе к ней поляка-полицая, молоденького и черноволосого:

– Ты что творишь?! За что? Как ты посмотришь в глаза своей маме, когда вернёшься домой?!

Она повисла на его плече, рыдая во весь голос.

Раздались ещё несколько выстрелов, и людей у стены не стало. Одна Сара истерически плакала, хватая полицая руками за шею. Тот словно остоленел.

– За что, за что вы их убили?! – прохрипела Сара, размазывая по лицу слёзы.

Паренёк, приоткрыв рот, таращился прямо ей в глаза. Сара смотрела с какой-то бесильной мольбой. Немец подошёл сзади неё.

Выстрел. Сара покачнулась. Она сползла на землю, хватаясь за китель молодого поляка, который никак не мог понять, что происходит. А может, и понимал – чёрт его знает.

Сара упала. Ветер подхватил её карточку, на которую она так ничего и не купила. Карточка Сары взлетела выше домов и, гонимая порывами ветра, понеслась в небо. Немцы подхватили своего напарника под руки и потащили прочь с улицы, чуть не наворачнувшись в лужу. Всё стихло.

Дождь стучал по крыше. Гулкая тишина усиливала его звук, и казалось, будто тысячи маленьких барабанщиков провожают Сару в последний путь. Она лежала на дороге с широко распахнутыми глазами, которые медленно наполнялись дождём.

...Дома я упал в объятия перепуганной Анхиль. Она никак не могла понять, что происходит. Кое-как, не сдерживая слёз, я объяснил, что ей надо бежать к Ацевичам и говорить, что Сару убили. Анхиль в ужасе закрыла рот руками и бросилась к окну, выходящему в переулок с лавкой. Она сразу узнала лежащую на дороге девочку в кровавой луже.

Я остался на тахте в комнате сестры в полубессознательном состоянии. Всё моё существо отказывалось принять то, что Сары больше нет и никогда не будет.

Всю ночь отец сидел у моей кровати и держал меня за руку, глядя на меня грустными глазами.

– Так оно и бывает на войне, – говорил он. – Помню Сару ещё маленькой. Как вы все вместе дружили...

На следующий день в лицей я не пошёл. Отец очень сокрушался, что из-за фабрики не может остаться со мной. Весь день я спал и видел во снах Сару. Я просыпался с криком и весь мокрый. Я никак не мог поверить в смерть подруги. Такое коснулось меня впервые за всю войну. И я лежал, по-

ложив руку на глаза, и шептал проклятия в адрес нацистов, а потом срывался на вой.

Вдруг раздался звонок в дверь. Я прислушался: звонок повторился. Пришлось встать и пойти открыть.

– Кто?

– Мы!

Щёлкнув задвижкой, я распахнул дверь. Ворвался тёплый поток воздуха, я зажмурился. Лица Макса и Цили вытянулись от удивления. Ещё бы, я стоял перед ними в пижаме, растрёпанный и с распухшим лицом. Максен по-хозяйски втолкнул меня внутрь дома, Цили молча зашла следом и закрыла дверь.

– Хошка, ты похож на чёрта. Мы думали, с тобой тоже что-то произошло, – сказала она. – Мог бы и предупредить.

– Вы уже знаете о...

– Её понесут в братскую могилу, – произнесла Цилия. – Мы зашли за тобой, чтобы пойти туда, но ты, кажется, не в состоянии.

– Вы думаете, что я не провожу свою подругу на небо? – возмутился я.

Максен подтолкнул меня в комнату:

– Оденься и причешись. Быстрее только!

Я оделся в чёрный костюм, стянул волосы в хвост и убрал под шляпу. В комнату ворвался Максен:

– Быстрее! И так не мальчик, а картинка!

Его слова больно кольнули, но я понимал, что не время обижаться.

Глава 3

Сару нёс на руках её отец. На ней было старенькое голубое платье с кружевами. Рядом шла мать, вытирая лицо кухонным полотенцем. За ними шли мы с Максом и Цилей, какие-то незнакомые взрослые и пять одноклассников. Вдруг я услышал за спиной шёпот:

– Если бы сдох Езёранский, его бы несли в расписном гробу.

– Точно! И все немцы палили бы в воздух из ружей.

– Да сам Гитлер бы приехал на его похороны!

Максен резко обернулся и показал им кулак. Они притихли, испугавшись старшекласника, но вскоре опять принялись за своё:

– А это кто?

– Корчик из десятого класса. Паж Езёраньского.

Максен отошёл от нас, вклинился в агрессивную компанию и что-то сказал их главарю Вацеку. Вацек был моим самым ярким ненавистником и всегда держал при себе кучку товарищей, готовых подсобить, если понадобится. Зачем они пошли на похороны Сары, я так и не понял.

Максен вернулся к нам и оставался хмурым и молчаливым до самого кладбища. Помимо нас там были родственники и друзья тех, кого вчера убили у лавки. Я видел, как сначала в могилу опустили тех, кого я не знал, потом продавца (он единственный был завернут в одеяло), потом и Сару. Последний раз мелькнул голубой бант.

Могилу зарыли. Многие из пришедших упали на колени. Какой-то мужчина начал читать кадиш. Мы стояли довольно долго. Затекали ноги, но уйти я не мог. Это было бы неуважением к Саре.

Когда все разошлись, остались только Сарины родители и Циля. Мы с Максеном поклонились могиле. Циля не двинулась с места.

– Оставим её, – сказал Максен и потянул меня прочь с кладбища. Я бросил последний взгляд на могилу и пошёл за другом. Я понимал, каково сейчас Циле. Она так и не сказала Саре то, в чём призналась мне.

Когда мы дошли до перекрёстка, Максен отпустил мою руку:

– Иди домой. А мне надо забежать к своим.

Своими у Максена считались те, с кем он воровал. Я махнул ему рукой и пошёл к дому. Отсюда идти было далеко, а уже смеркалось. Сколько же мы проторчали на кладбище? Я взглянул на наручные часы и обомлел: десять минут девятого! Нет, так не успею. Придётся срезать дорогу дворами.

Пробираясь через дворы, я боязливо осматривался, нет ли полицейских. Но их не было. Я шёл и удивлялся, почему же сегодня так рано стемнело. Ведь конец апреля, день уже должен прибавиться. А небо тёмное, фонари не светят.

Я свернул в переулок и увидел в отблеске единственного тусклого фонаря над каким-то важным объектом пятерых парней. В них я сразу узнал Вацека с братией. «Пройду мимо них, даже голову не подниму», – решил я и двинулся сквозь переулок.

Но мои надежды не оправдались. Вацек, сплюнув в сторону, преградил дорогу. Остальные зашли по бокам и сзади. Я невольно сжал кулаки в карманах и остановился.

– Кто это у нас идёт? Герр Осия?

– Пропустите, пожалуйста, – ровным голосом ответил я, не поднимая глаз.

Шайка Вацека разразилась хохотом.

– Ох, интеллигент!

– Корона не жмёт?

– Ему, наверно, на заказ корону-то делали! В лучших ювелирных мастерских Рейха!

Они, смеясь, сжимались вокруг меня плотнее. Я закусил губу, стараясь не паниковать. Вацек подошёл почти вплотную:

– Ну, принц? Что скажешь? Ацевич-то из-за тебя умерла!

– Это ещё почему?

– А ты прятался за стенкой и плакал от страха, когда твою подружку убивали!

– А что я мог сделать? – спросил я, глядя на Вацека.

– Немцы же твои друзья! Попросил бы их пощадить Сару! Они бы тебе и бесплатно такую услугу предоставили. Может, не пришлось бы тебе и твоей сестрёнке хоть за это лечь под них.

– Никто ни под кого не ложится! – вскрикнул я, разозлившись.

Вацек загоготал и толкнул от себя. Сзади меня подхватил его товарищ Стась и заломил руку назад, заставив опуститься на колени.

– Сколько этот костюмчик стоит? А если мы немного его подпортим?

Стась вытащил перочинный ножик и подцепил лезвием мой рукав. Я услышал, как трещит, разрываясь, ткань.

– Да перестаньте же! Что я вам сделал? – всхлипнул я.

Вацек усмехнулся и сбил с меня ногой шляпу. Она упала в лужу, на неё тут же наступил ещё один прихвостень Вацека. Трое крепко держали меня за руки и поперёк живота. Стась нарочно резанул по голому плечу, углубив нож в ранку. Я вскрикнул и дёрнулся. Вацек наотмашь ударил меня по лицу.

– Молчи! Ребята, может, обрежем ему волосы? А то вдруг я его за девочку приму?

Вацек вырвал меня у своих друзей и прижал к стене всем своим телом. Я еле дышал, он сдавливал мне лёгкие. Я отчаянно забился, пытаюсь сбросить его с себя, но мы были в разных весовых категориях. Мне удалось зацепить его ногу своей, но я сделал только хуже себе. Вацек свалил меня на дорогу и уселся на моей спине, схватив за растрепавшиеся волосы.

– Значит, под немцев ложишься, а под своих не хочешь? Заставим, не волнуйся.

Он ударил меня лицом в лужу. Я слабо застонал, отплёвываясь от попавшей в рот воды. Вацек хищно оскалился и начал растёгивать ремень на брюках.

Неизвестно, чем бы это кончилось, если б в конце переулка не раздался пронзительный вопль:

– А ну отойдите от Хошки!

К нам бежал Максен с огромным алюминиевым краном. Команда Вацека побледнела и кинулась врассыпную, оставив меня. Максен для порядка сделал вид, что собирается гнаться за ними, но бросил кран:

– Ты почему не отбиваешься, идиот?!

– Да как... отбиться?... они же сильнее... – всхлипнул я и уставился на Максена. Тот смотрел с такой тревогой, что у меня заклокотало в горле.

– Вот привязались! И что с того, что твои родители на немцев работают? – ругался Максен. – А что ещё остаётся, когда тебе к виску приставляют дуло и угрожают расправой, если ты не будешь шить им сапоги!

Мы успели домой вовремя. На пороге нас встретили отец и Анхиль. Они уже хотели бежать меня искать. Анхиль налила воды, отец расспрашивал, что со мной случилось. Максен сам всё объяснил, обещав, что найдёт мне новую шляпу и, по возможности, новый костюм.

– Не надо, Макс! – говорил отец. – Не кради для нас ничего! Мы и сами как-нибудь... Что нам до костюма, когда ты Хошку спас? – И расцеловал Максена в обе щеки. Потом долго тряс его руку и предлагал деньги, но Максен противился. Отец умилился ещё больше. На секунду появилась мать, тряхнула своей рыжей гривой и бросила пару жёстких фраз в мой адрес. Мол, ещё позже бы пришёл.

(Продолжение следует)

Дмитрий Сарвин

Санкт-Петербург

Приквел

Петербург, 1869 год.

Раннее утро. Копылов проснулся, открыл глаза и долго смотрел в бледно-кисельный рассвет, потом вновь прикрыл глаза, пытаясь представить, как в мутное оконце его комнаты бьют солнечные лучи. Но дождь, барабанивший по крыше, портил ему светлый образ надуманного утра. Тогда Сила Силыч представил огромную дождевую тучу, которая, напоровшись на шпиль Адмиралтейства, разодрала ватное брюхо и разверзлась дождём. Петербург, словно написанный акварельной кистью, потерял чёткий контур, смешался с другими цветами и потёк куда-то вниз, туда, где грязный водосток заглывал всё, что вливалось в его пасть...

— Мы все умрём, — сказал Копылов, до боли зажмурившись, но в этот миг большие напольные часы пробили восемь. Сила Силыч вздрогнул от неожиданности, разозлился и сразу потерял ход мысли. Надеясь опять уснуть, он повернулся на другой бок, заставив кровать страдальчески скрипнуть, но в тот же миг в дверь постучались. Чуть

погода пухлое лицо Сони просунулось в душный полумрак комнаты.

— На службу, не проспите-с!

— Скажи, что я приболел! — не поворачиваясь, сказал Копылов.

— Опять-с больны-с?! — брови у Сони удивлённо взлетели.

— Опять-с-с-с! Хватит шипеть, как змея!!!

Поставь самовар...

— Слушаю-с.

И Соня закрыла дверь. За дверью послышался сдавленный шёпот, затем возня, и в приоткрывшуюся дверь всунулась физиономия Тарелкина.

— Сила Силыч, мил друг, ты что это — опять хворать вздумал?

Копылов повернулся, заставив кровать снова жалобно всхлипнуть, посмотрел на соседа и сказал:

— Кандид Касторыч, через полчаса заходи, чаю попью.

— Воля ваша!

И дверь за Тарелкиным закрылась.

Через полчаса они, сидя за столом, молча наблюдали сквозь влажное от дождя стекло, как исполняющий обязанности квартального надзирателя Расплюев вытаскивал из лужи какого-то мужика. Затем Соня принесла сдобные булки и чаю. Тарелкин оживился и, наливая чай в блюдечко, заученно забубнил:

— Кредиторы меня заели, начальство вогнало в гроб...

Копылов думал о своём, глядя, как пьяный мужик в борьбе за место в луже получил от Расплюева по шапке. Шапка от удара слетела с головы мокрого буяна, описала дугу и плюхнулась на мостовую. А битый Расплюевым мужик оказался лысым и, если бы Копылов так же пил, то очень даже мог сойти за него. «Да, все лысые на одно лицо...» — резюмировал своё наблюдение Сила Силыч. Тарелкин тем временем продолжал:

— Взять так и умереть, но не как всякая лошадь умирает, а всласть, так, чтоб пришли кредиторы, кровопийцы, пиявки, крокодилы, а я в гробике! Вот тут-то они

схватятся меж собой – именице-то у меня на три алтына – и начнут на куски рвать, а взять-то уже и нечего...

Копылов слушал, наблюдая, как шевелятся усы Тарелкина, и какая-то мысль не давала ему покоя.

– А люди скажут: «Вот ведь Тарелкин – умел пожить, умел и помереть!»

Кандид заёрзал на табурете, тема его, видимо, сильно беспокоила. Копылов, глядя на Тарелкина, неожиданно всё понял. Что-то щёлкнуло у него в мозгу, завращались шестерёнки сознания, закрутились маховики изворотливости, заработал механизм выживания.

– Мне ещё давеча сон снился, будто я собака, рыжей масти, а кредиторы мне травлю устраивают...

– Кандид Кастанович, – совсем не слушая Тарелкина, проговорил Копылов. – Ежели я вскорости помру, то завещаю вам все вещи свои. Родни у меня нет, жены нет, один я как перст на всём белом свете...

– Да что ж это вы такое, Сила Силыч, говорите! Перестаньте! Даже слушать не хочу...

Тем не менее по вспыхнувшим огонькам в глазах Тарелкина Копылов понял, что зёрна упали в благодатную почву.

– Кандид Кастанович, ещё об одном прошу: проследите, чтоб брэнное тело, забытое всеми, не протухло, а то ведь и к гробу подойти никто не сможет. Вонь-с, как поленом, от гроба всех отшибёт! Никто не захочет проститься...

– Сила Силыч... – начал было Тарелкин, но Копылов оборвал его жестом.

– И ещё за процессией проследите, чтоб не просто в яму сбросили да землицей присыпали! А то собаки к утру растаскают... Чтоб захоронили, как наша вера приписывает. И поминки устроить исполняющего обязанности квартального надзирателя Расплюева позовите, ну и тех, кто захочет проститься, вестимо... А теперь прошу вас оставить меня, ибо нахожу лёгкое головокружение и желание полежать в одиночестве.

– Как скажете, Сила Силыч, как скажете.

И Тарелкин с припрятанной в карман серебряной ложечкой, кланаясь, нашёл задом дверь и юркнул в неё, оставив довольного Копылова одного в ореоле таинственной хитрости.

Вечером Копылов вызвал Соню и дал ей расчёт, объяснив рыдающей девице, что он уезжает на лечение, а по возвращении вновь возьмёт её на службу. Провожая, по-христиански поцеловал её в обе щеки и в заплаканный нос, передал поклон её отцу, Семёну Захаровичу, титулярному советнику, поинтересовался его здоровьем.

– Пьёт-с... – ответила Соня и опустила глаза к дощатому полу.

Копылов вздохнул, сунул ещё одну мятую ассигнацию в её руку и затворил за ней дверь.

– Теперь нужен труп, – сказал Копылов и, словно муха, потёр ладонью о ладонь.

*Ночь, улица, фонарь, аптека,
два человека.*

– Вы гарантируете?

– Помилуйте, я ведь уже сказал! У меня там свой человек, сделает всё без лишних вопросов.

– Поймите, дело довольно щекотливое...

– Сделаем в лучшем виде, ваше превосходительство!..

– Всю сумму я отдам, как только получу... э-э... назовём это посылкой.

– Но помилуйте!..

– Вот бóльшая часть...

– Не извольте беспокоиться, сделаем в лучшем виде!

Один силуэт поклонился другому и, ссутулившись, исчез в ближайшей подворотне. Другой посмотрел на ледяную рябь канала и неспешно пошёл в направлении парящего купола Исаакиевского собора.

В полночь Копылов, закутав лицо тёмным шарфом, стоял в тени возле своей парадной. Дождь, который, казалось, кончился, начал накрапывать вновь. Посылку не везли. Копылова тряс нервный озноб,

смешанный с промозглостью ночи. Но вот – цокот копыт, затем шаги, и в свете чахлого фонаря в арочном проёме появилась фигура.

– Это вы от Карпа Савельевича?

– Да, я! Извольте говорить тише, – прошипел Копылов.

– Получать будете?

– Да, но сначала хочу взглянуть.

Тёмная фигура, от которой пахло формальдегидом, хмыкнула, мотнула головой, и они пошли к экипажу. Крытая повозка была окутана тем же резким запахом. Незнакомец открыл дверь и нырнул внутрь. Копылов, поколебавшись, последовал за ним. В тесном пространстве повозки незнакомец засветил свечу, и Копылов увидел то, что хотел увидеть и чего очень боялся.

– Берёте? – Свеча делала лицо незнакомца пугающим, а частокол неровных зубов и неприятный запах изо рта – вовсе отталкивающим.

– Сначала я хочу взглянуть на товар!

Незнакомец вынул нож. И Копылов пожалел о своей настойчивости. Незнакомец сунул свечу в руки Силы Силыча и та, подрагивая, осветила мешковину, которую пропахший формальдегидом незнакомец вспорол ножом. Копылов невольно зажмурился. Но злой окрик: «Держи ровней, а то повозку сожжёшь!» – заставил его открыть глаза. Русые длинные волосы, показавшиеся из мешка, сразу заставили Копылова замотать головой:

– Не-не-не то! Это женщина...

– А ты разве не из этих?

– Нет, мне нужен лысый мужчина!

– А, вон оно что... значит, из тех!.. Ну извиняй, барин, сейчас привезём.

И он задул свечу. Копылов, ругаясь, вылез из повозки, поскользнулся на мостовой, но, удержав равновесие, гордо закинул шарф. И тут же споткнулся и упал в лужу. Причём в ту самую, из которой Расплюев утром изымал мужика. Кучер гоготнул, формалиновый мерзко хихикнул, кони заржали, и повозка скрылась в ночи.

В третьем часу ночи вновь прибыл тёмный экипаж. Время уже поджимало. Человек с формальдегидным душком и кучер с водочным шлейфом затащили «посылку» в комнату Копылова. Когда распаковали замотанный в мешковину человеческий силуэт, выяснилось, что труп мужской, но не лысый. Копылов долго просил, требовал и умолял, в итоге, заплатив сверху, добился, чтоб труп побрили и переодели в его одежду. К четырём утра возня закончилась. Копылов отдал деньги и, затворяя за незнакомцами дверь, услышал хриплый голос кучера:

– Ну и клиент пошёл... удовольствие на пять минут, а подготовки-то...

Копылов фыркнул и закрыл дверь.

Ночь начала медленно таять, облака сонно поползли в разные стороны, открыв бледное питерское небо. Первый лучик робко коснулся горизонта, и тот, игриво жеманясь, начал розоветь. Копылов с небольшим саквояжем в руках вышел из арки, миновал несколько кварталов и, никем не узнанный, пошагал в рассвет.

Несколько дней спустя.

Тарелкин осмотрел окружающее пространство, вальяжно откинулся в кресле, счастливо вдохнул полной грудью и заговорил сам с собой:

– Да, я теперь только понимаю счастье, сердцем чувствую, носом слышу. Вот оно... Тишина, покой... независимость!!! Вот счастье!.. Нет начальства, нет кредиторов, даже друзей нет, чтобы отравить минуту отдохновения. Лихое дело справил. Одним махом стряхнул старые грехи, в прах полетели цепи, уплачены долги, и сама природа актом моей смерти подмахнула так: получено сполна! А здесь, при мне, вот тут, на самом сердце, запасный капитал. – Тарелкин бережно вынул из-за пазухи бумаги. – Собственноручные варравинские бумаги... Петля, в которой сидит его проклятая голова. Годик-другой всё будет тихо, а там и предъявлю, и зло предъявлю, чёрт возьми.

Ему и в голову войти не может, что я жив. Ха-ха-ха! Вот идейку мне Копылов подбросил, вот удружил! «И, в гроб сходя, благословил...»

*Пробили напольные часы, возвестив,
что прошло ещё время.*

Тарелкин, уже в облиии Копылова, без усов и обритый наголо, начал прощальную речь, стоя над гробом. В гробу покоилась кукла, набитая ватой. Но об этом никто не догадывался, ибо удушливый запах тлеющей рыбы напрочь отбивал желание увидеть покойного. Собравшиеся жались по углам, вонь была нестерпимой.

– Милостивые государи и ваше превосходительство, – начал Тарелкин, слегка поклонившись Варравину. – Итак, не стало Тарелкина! Немая бездна могилы разверзла пред нами чёрную пасть свою, и в ней исчез Тарелкин!.. Он исчез, извёлся, улетучился – его нет. И что пред нами? Пустой гроб – и только... Великая загадка, непостижимое событие. К вам обращаю я моё слово, вы, хитрейшие мира сего, вы, открыватели невидимых миров и исчислители неисчислимых звёзд, скажите нам, где Тарелкин?.. Гм... там!

Тарелкин ткнул пальцем в потолок в жёлтых потёках.

– То-то!.. Да, почтенные посетители, восскорбим душами о Тарелкине!..

Копылов, спрятавшись за спины скорбящих и праздно глазеющих, притаился в тёмном углу и наблюдал. Народу было немного, но остаться незамеченным было очень даже легко. Копылов слушал Тарелкина, пряча хитрую улыбку в фальшивую бороду.

...Однако глядите, у этого убогого гроба стоит сановник, – Тарелкин указал на Варравина. – Он властный мира сего, он силою препоясан. Что же говорит нам его здесь присутствие? Ужели лицемерием, или хитростью, или своекорыстной целью приведён он сюда и у этого гроба между нами поставлен? О нет! Своим присутствием он

читит в чинах убожество, в орденах – нищету, в мундире – слугу, который уносит с собою даже и в могилу собственные, сокровеннейшие, интимнейшие его превосходительства...

Варравин, забыв про вонь, подался вперёд. – Что такое?!

Копылов также высунулся и с интересом стал наблюдать сию сцену.

– ...Слёзы... – Тарелкин поглядел на напряжённую фигуру Варравина, потомил секунду и продолжил: – Я о слезах ваших говорю, ваше превосходительство.

Желваки заиграли на худом лице Варравина, он кивнул, развернулся на каблуках и вышел из комнаты. Словно чувства нахлынули на него и слёзы вот-вот брызнут из его глаз.

– Итак, почтим этот пустой, но многознаменательный гроб тёплой слезою и скажем: мир праху твоему, честный труженик на солёном поле гражданской деятельности. – Тарелкин возвёл глаза к потолку, отметив про себя, что больше никогда не поселится в таком клоповнике, и кивком дал понять, что закончил речь.

– Несите, – сказал Расплюев, и его подчинённые подняли гроб и двинулись к выходу. За ним поспешили чиновники и неузнанный Копылов.

Копылов в одиночестве.

– Так-так, это что же такое получается. Афера Тарелкина удалась, он теперь живёт под моей фамилией, но знать не знает, что я на самом деле жив! А я, воспользовавшись этим хитрым обстоятельством, хотел тянуть с него деньги! Сначала понемногу, а потом всё больше и больше!.. Но дело, оказывается, ещё более хитрейшего свойства!..

*Ночь. Погост, в дальней его части,
где хоронят бедных и немущих.*

Луна зарылась в вату облаков. Сделалось темно и особо тоскливо. Варравин, сжимая

в кармане рукоятку револьвера, шёл, освещая себе путь масляным фонарём.

– Максим Кузьмич, сюда! – позвал голос из могильной тьмы. Варравин крутанулся, извлекая пистолет из шинели.

– Ну, полноте, Максим Кузьмич, не волнуйтесь вы так! – замогильно успокаивал говорящий. Варравин приметил возле грубо сколоченного деревянного креста фигуру и жёлтое пятно фонаря, стоящего подле. Варравин подошёл ближе. Рядом пугающе шелестел листвой старый клён. Фигура незнакомца молча ждала.

– Кто вы? – спросил Варравин сдавленным от волнения голосом, направляя пистолет на зловещий силуэт.

– Ваше превосходительство, вы меня не знаете... А я грешным делом имею убеждение, что Кандид Кастанович Тарелкин унёс с собой в могилу что-то, что вам очень дорого. Не так ли, Максим Кузьмич?

– Положим, что так.

В этот момент ветер с болот зловонно подул сыростью, и незнакомец вдруг потянул к Варравину свои руки. Варравин от неожиданности отпрянул в сторону и выстрелил. Фигура упала. После выстрела всё замерло и стихло, казалось, что ветер также притаился. Варравин аккуратно подошёл к могильному кресту, стараясь рассмотреть, кого он подстрелил. И тут позади него, за деревом, хрустнула ветка. Варравин вскинул револьвер и открыл огонь по дереву. Грохот выстрелов, ошмётки коры и ворох падающих листьев. Кладбищенская тишина была разорвана в клочья.

– А-а-а-а! Не нада-а-а-а! – заорал кто-то за клёном, заставив Варравина прекратить стрельбу.

– А ну, покажись!

– Не стреляйте, я выхожу!..

Из-за истерзанного пулями клёна выглянуло бледное лицо Копылова.

– Максим Кузьмич, ваше благородие, господь с вами, не нервничайте вы так!

– Кто вы?

– Меня зовут Сила... Силантий Калашников, я...

– Что вам от меня надо? – оборвал Варравин. – И что это за человек, которого я подстрелил?

– Опустите пистолет, ради Христа!

Варравин опустил пистолет, зловеще блеснувший в свете любопытной луны, выглянувшей из-за рваных туч.

– Дело в том, что я могу открыть вам некую... э-э... скажем так, тайну, которая вам жизненно важна!

– Продолжайте!..

– Благодарю. Так вот, я подозревал, что место нашей встречи может вызвать у вас, Максим Кузьмич, волнительные состояния, и поэтому вы убили моё пальто на палке...

– Хорошо! Излагайте, что у вас там, только без фокусов!

– Господь с вами, Максим Кузьмич, какие фокусы... Но прежде мне нужны гарантии и... да, без них я не продолжу!

– Я могу вас застрелить!

– Хм, документально я уже мёртв...

– Что-о-о?!

Пистолет в слегка подрагивающей руке Варравина пополз вверх.

– Максим Кузьмич, если вы меня убьёте, то боюсь, что эту тайну мне придётся унести с собой в могилу... Тем более что вы выстрелили в пальто, это раз, а потом ещё сделали пять выстрелов в дерево – итого шесть. Я слышал, как щёлкнул ваш курок, не произведя выстрела. Перезаряжать в такой темноте – это утопия, а значит, я успею скрыться. Поверьте, я подготовился и тщательно выбрал место!..

– Чёрт вас подери!

– Не богохульствуйте, ваше превосходительство, мы же на кладбище!..

– Хорошо! Что вы хотите за ваше слово?

– В кармане пальто есть бумага, я там, так сказать, набросал свои пожелания...

Варравин, продолжая держать Копылова на мушке, поставил свой фонарь рядом с «убитым» пальто и, пошарив в карманах, изыал сложенный вдвое лист бумаги. Развернув его, Варравин приблизился к фонарю и прочитал написанное.

– Ого! Вы, Силантий, очень самонадеянный человек...

– Будьте покойны. То, что я вам скажу, стоит этих денег.

Варравин с минуту колебался, затем осмотрелся по сторонам и кивнул.

– Прошу вас дать слово дворянина.

– Слово дворянина, – сказал Варравин, убирая револьвер и поднимая фонарь так, чтоб видеть глаза говорящего.

Копылов кашлянул, прочищая горло и сказал:

– Тарелкин жив!

И, словно для усиления эффекта сказанного Сила Силычем Копыловым, колокольный звон тягучей поволокой пополз в ночном воздухе.

Рассвет. Погост.

Раскопанная могила.

Две фигуры склонились над дешёвым гробом, лежащим на боку. Крышка оторвана и, ощерившись кривыми зубами гвоздей, лежит в стороне. Из гробовой утробы вывалилась кукла, набитая ватой, с ужасным запахом протухшей рыбы. Рыбная тухлятина выпала следом за куклой.

– Спасибо, Силантий, я вам безмерно благодарен! Честно скажу, поначалу я грешным делом решил, что вы стригой!

– Не понял? – сказал Копылов, вытирая вспотевшее от работы лицо.

– Вурдалак! – и Варравин толкнул пустой гроб в свежевскопанную яму.

– Как-с? – переспросил Копылов, сталкивая обратно рыбную требуху и куклу в чёрное зеву могилы.

– Вампир, вурдалак, нежить!

– Господи Вседержитель, страсти-то какие!

– Ночью... на кладбище... что я должен был ещё подумать? А эта ваша странная фраза, что вы уже мертвы...

– Однако вы человек отчаянной смелости, Максим Кузьмич!

– Это действительно того стоило!

– Надеюсь на вашу честность, своё вознаграждение буду ждать в условленном месте...

Варравин кивнул, и они дружно начали закапывать могилу. Потом водрузили грубо сколоченный крест на прежнее место, поклонились друг другу и разошлись.

Жара. Остров Хива-Оа.

Копылов, вальяжно откинувшись на плетёном стуле в кружевной тени пальм, слушал шум моря. Потом взял половину кокоса, добавил в него водку и, глотнув самодельный коктейль, зажмурился от удовольствия. Затем открыл один глаз и, глядя на художника, который усердно писал затейливую картину, с ленцой в голосе спросил:

– Paul, comment cette image sera-t-elle appelée?¹

Поль, не оборачиваясь, намешал колер в палитре, сделал сочный мазок и сказал:

– D'où venons-nous? Qui sommes-nous? Où allons-nous?...²

Шум моря, крик чаек, бескрайняя бирюза за неба и бесконечная бирюза моря...

¹ Поль, как будет называться эта картина? (франц.)

² Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идём?.. (франц.)

Необычная соседка, или Мечты сбываются

– Здравствуйте, дети! – обратилась к четвертому «Б» классу Анжелика Петровна. – С сегодняшнего дня у нас будет учиться Снежанна Морозова. Прошу любить и жаловать.

Класс оживлённо зашушукал. Рядом с учительницей стояла просто одетая девочка с двумя пшеничными косичками.

– Интересно! Из какой глуши явилось это чучело? – подала голос с задней парты Ритка Королёва, которая относилась ко всем приезжим, как к людям второго сорта, недостойным учиться в одном классе с ней, коренной москвичкой.

– Марго! Прекрати, пожалуйста! Как тебе не стыдно?! – покачала головой учительница. – Проходи, Снежанна. Присаживайся вот за этот стол рядом с Антоном Кузнецовым.

Новенькая спокойно и уверенно взглянула на класс, приветливо улыбнулась и направилась к указанному месту.

Антон убрал со стоявшего рядом с ним стула свой рюкзак, освободив место для новой соседки. Наконец-то закончилось его одиночество.

Мальчик и сам только недавно пришёл в этот класс и ещё не успел подружиться с ребятами.

– Предупреждаю вас сразу, – говорила им с мамой Анжелика Петровна при знакомстве, – класс у нас нестандартный. Почти одни девочки. И как-то так получается, что мальчики тут долго не задерживаются. Кто переходит в другой класс, кто переезжает с родителями из нашего района и меняет школу. Сегодня мальчиков у нас только четверо. Ты будешь пятым, Антон!

– Ничего страшного, – уверенно возразила тогда мама Антона. – Он у нас рыцарь и умеет ладить с девочками.

На самом деле рослый загорелый Антон обладал незаурядной внешностью и всегда притягивал к себе заинтересованные взгляды сверстниц. Хотя самому ему было интереснее общаться с ребятами, с девочками он тоже умел находить общий язык.

Однако в новом классе ему пока что было достаточно скучно. На перемене небольшая часть девчат группировалась вокруг воображалы Ритки. Весь остальной класс просто тупо сидел, уткнувшись в свои телефоны или планшеты. Не то чтобы они как-то подчёркивали, что им неинтересно общаться именно с Антоном. Похоже, им просто не нужно было ничего, кроме их виртуального мира.

Наверное, именно поэтому Антон так обрадовался новой соседке.

Когда она села рядом, мальчику показалось, что наступил Новый год. Снежанна повернулась и взглянула на него своими огромными голубыми глазами. От неё повеяло чем-то таким знакомым и с детства любимым... Что это было? Неуловимые ароматы новогоднего праздника: мандарины, шоколад, орехи, свежая хвоя, зажжённые бенгальские огни... У Антона возникло ощущение, что вот-вот произойдёт какое-то чудо!

– Привет! – шепнула девочка, а затем стала внимательно слушать учительницу, проводившую урок.

А урок был достаточно необычный. Речь шла о народных традициях встречи Рождества и Нового года. Хотя декабрь ещё только начался, но все дети, вслед за Анжеликой Петровной, с удовольствием принялись вспоминать подробности и всякие приятные мелочи, которые сопровождают этот волшебный праздник.

И, конечно же, самые оживлённые споры разгорелись на тему, существует ли Дед Мороз. Мнения класса разделились. Часть ребят заявляли, что никакого Деда Мороза никогда не было и быть не может. Больше

всех поддерживала это мнение неугомонная Марго. Большинство учеников, не желая быть высмеянными, вообще предпочитали скромно помалкивать. И только несколько человек смело заявляли, что верят в Деда Мороза и не видят в этом ничего смешного или постыдного. В их числе был и Антон.

– Что плохого в том, что люди верят в чудеса? – сказал он уверенно. – Если ты веришь в чудо, то жизнь становится интереснее, легче и даже загадочнее. А ещё хочется самому совершать чудеса для людей, которые тебе нравятся.

Краем глаза Антон заметил, как Снежанна с уважением взглянула на него после этих слов.

– Тоже мне, Гарри Поттер нашёлся! – засмеялась Марго.

Антон не стал ей возражать. Просто пожал плечами и сел на место.

– Анжелика Петровна! – вдруг подала голос новенькая. – А вы верите в Деда Мороза?

– Я? – растерялась учительница, явно не ожидавшая, что разговор примет такой оборот.

– Да, вы! В детстве все верят в него. А вот что вы об этом думаете?

– Ну... Я не буду скрывать, что каждый раз с приближением Нового года я жду чего-то чуда.

– А какого, например? – не унималась девочка.

– Да даже какого-то совсем простого. Например, чтобы наконец зацвёл мой десятилетний кактус, который стоит позади вас на шкафу...

Учительница подняла глаза, взглянула на шкаф и замерла в недоумении.

Все оглянулись и вдруг увидели... цветущий кактус!!! По классу пронёсся удивлённый шепоток.

Почему-то Антон совсем не удивился произошедшему. Именно чего-то подобного он и ожидал от сегодняшнего дня. Мальчик осторожно скосился в сторону своей соседки и поймал её лукавый взгляд.

«У неё такой вид, как будто это она за-

ставила кактус зацвести! Да ну, ерунда. Просто показалось!» – подумал он.

Обескураженная и счастливая Анжелика Петровна решила закончить урок единственным вопросом: хотят ли ребята узнать что-то ещё о традиции празднования Нового года.

Антон опять бросил взгляд на Снежанну и уверенно поднял руку.

– Слушаю тебя, Антон.

– Я с детства никак не мог добиться от старших ответа на один вопрос. Почему всегда на новогодние праздники приезжает Дед Мороз и его внучка Снегурочка. А где же её мама и папа? И ещё, почему у неё нет бабушки, жены Деда Мороза? Они что, два сироты?

Дети засмеялись.

– Правильно говорить «двое сирот», Антон, – улыбнулась учительница.

– Если честно, меня тоже всё детство мучил этот вопрос, – добавила она.

И тут прозвенел звонок. Ребята загалдели.

Снежанна с приветливой улыбкой обратилась к Антону:

– А если бы тебе предложили исполнить одно твоё заветное желание, о чём бы ты попросил?

– Я бы хотел... – Антон запнулся. – Знаешь, желаний у меня много, но они такие простые и незначительные...

– Ну, хотя бы одно из самых-самых!

Мальчик пожал плечами. Немного подумал и решительно сказал:

– Если Дед Мороз и Снегурочка на самом деле существуют, мне бы хотелось, чтобы у Снегурочки были мама и папа, и вообще была большая весёлая и дружная семья. Человек, который дарит так много радости другим, имеет право быть счастливым! Ты согласна?

– Конечно же! Конечно, согласна! – сказала Снежанна и, подумав, добавила: – Ты добрый мальчик! Очень добрый.

Все остальные уроки в этот день стол учителя украшал расцветший кактус. А сама Анжелика Петровна просто светила от счастья, то и дело задерживая на

нём свой взгляд. Наверное, именно поэтому и весь класс пребывал в необыкновенно приподнятом настроении.

За ужином Антон рассказал о маленьком кактусовом чуде маме и затем спросил у неё:

– Мам! А у тебя бывало такое, что ты чего-то сильно захотела и твоё желание сбылось?

– Не знаю, сынок, – ответила мама. – Если ты говоришь о каких-то случайностях, как с этим цветком, то, наверное, бывало. Я просто никогда не задумывалась над этим.

Ночью выпал первый в этом году снег.

Как будто по мановению волшебной палочки, Москва преобразилась. На смену серым, свинцовым облакам, которые несколько недель нависали над городом, появилось скупое зимнее солнышко. Мягкий морозец придал выпавшему снегу особую лёгкость и пышность. Снежок скрипел под ногами, но не таял.

Антон бежал через скверик к школе с раскрасневшимися от мороза щеками и с наслаждением вдыхал сразу ставший удивительно чистым воздух. Ощущение праздника и волшебства не покидало его и сегодня.

На выходе из сквера, прямо напротив школы, мальчик заметил необычный фургон. Это был своеобразный киоск на колёсах, весь разрисованный весёлыми яркими картинками. На витрине красовались шоколадные зайцы, разноцветные пряничные и мармеладные фигурки, сахарные леденцы, сладкая вата и даже эскимо на палочке. Молодая красивая женщина с мягкой и доброй улыбкой бойко и весело вела торговлю. Спешившие в школу дети и сопровождавшие их родители с удовольствием покупали незатейливые сладости.

Возле школы детишек ждали новые сюрпризы! На центральной площадке перед школой всех встретила высокая пушистая ель. На ней ещё не было новогодних украшений, но одно её появление многообещающе напомнило о приближении Нового года!

А на спортивной площадке справа от школы какой-то молодой светловолосый мужчина с аккуратной бородкой, в красной спортивной куртке и в настоящих валенках собирал сложную конструкцию из ярких пластмассовых деталей. По уже собранным фрагментам было понятно, что скоро тут появится целый комплекс всевозможных горок.

Ритка Королёва вплыла в класс перед самым началом первого урока. Ребята столпились у окна и наблюдали за кипевшей на спортивной площадке работой.

– Что, любуетесь работой нового дворника? – высокомерно фыркнула Марго.

Никто из ребят не обратил на неё внимания.

– А вы в курсе, что этот дворник – папашка нашей новенькой? Вот до чего дошло! К нам теперь в класс уже детей гастарбайтеров и бомжей стали зачислять. У них ведь даже жилья нет! Они живут в фургоне, из которого её мамаша продаёт петушков!!!

И как эта Марго вечно умудрялась узнавать все новости первой! Все заинтересованно оглянулись на Снежанну. Очевидно, что Королёва старалась унижить новую ученицу перед всем классом, надеясь, что та будет готова сбежать или спрятаться под парту от стыда. Антон даже попытался встать между девочками, ему хотелось защитить добродушную и открытую Снежанну от нападок столичной грубиянки.

Но девочка абсолютно не смутилась.

– Да, это мой папа! – с гордостью и неподдельной радостью ответила она. – Папа взялся построить целый зимний городок. Кроме пластмассовых горок, которые ему поручили собрать сейчас, он собирается залить настоящие ледяные горки и даже каток. А ещё там будут ледяные скульптуры, снежные крепости, дворцы и лабиринты!

Ребята радостно зааплодировали.

– Здорово! Такого в нашей школе никогда не было!

– Снежанна! Твой отец просто супер!

Дети обступили девочку и наперебой высказывали своё одобрение ей и её родителям. Всем хотелось заговорить с ней, о чём-то спросить, сказать что-то приятное.

Рита ещё раз попыталась привлечь внимание к себе:

– Ледяные скульптуры у нас в Москве? Смешно! Да через два дня опять пойдёт дождь и всё растает. Твой папа что, волшебник?

– Да! – не задумываясь ответила новенькая.

Класс притих. У ребят побежали мурашки по коже от такого заявления.

– Для моего папы нет ничего невозможного! Всё, что он берётся делать, получается у него самым лучшим! – добавила она. – Вот хочешь, папа сделает одну скульптуру специально для тебя? Что бы ты хотела? Не бойся! Папины ледяные скульптуры простоят до самой весны.

Рита была в замешательстве. Она никак не ожидала такого поворота.

– Нашей королеве Марго не помешал бы трон! – раздался голос учительницы, только что вошедшей в класс.

Дети рассмеялись и стали рассаживаться по местам.

– А вот и нет! Я бы хотела большого королевского пуделя! – вдруг выпалила Маргарита. – Я давно просила родителей подарить мне настоящего, но они всё время твердят, что у них нет таких денег. Пусть был хоть ледяной...

«А она не такая уж плохая девчонка!» – подумал про Риту Антон.

– Наверное, ты имеешь в виду вот такого? – произнесла учительница и подала знак классу, подзывая всех обратно к окну.

А там кипела работа. Новый работник закончил собирать пластмассовые горки и сейчас трудился над скульптурой собаки. Рядом с ним сидела и модель – настоящий королевский пудель чисто белого цвета!

– Эта собака прибилась к нам несколько дней назад, по дороге в Москву, – сказала Снежанна. – Думаю, она будет счастлива обрести такую хозяйку, как ты, Марго! Поговори с родителями.

– Да! Только давай уговор: сделаешь это после уроков! – подвела итог необычному разговору Анжелика Петровна. – А сейчас начнём занятия!

Вторым уроком была физкультура. Дети высыпали на спортивную площадку. Тут сегодня появилось так много интересного! Но самым волнующим было знакомство Маргариты с Лордом. Так она назвала своего нового друга. Вопреки запрету пользоваться телефоном во время занятий, Марго ещё на уроке списалась с родителями и получила разрешение взять пуделя домой. И сейчас все наблюдали трогательную картину знакомства. Недаром учительница в шутку называла Риту «королевой Марго». Со стороны казалось, что сейчас на спортивной площадке друг другу были представлены две особы из высшего света. И девочка, и пудель вели себя достаточно сдержанно, даже церемонно раскланялись. Но это было только начало. Под конец урока высокомерную Марго было не узнать. То она устроила невообразимую возню на горках, пытаясь научить пуделя спускаться по скользким разноцветным трубам, то бегала со своим новым другом наперегонки вокруг ледяной статуи пуделя, сбивая всех с ног. Оба выглядели абсолютно счастливыми.

С сияющим видом она подбежала к Снежанне и протянула ей руку.

– Спасибо огромное тебе за такое чудо! Прости меня, пожалуйста, если я обидела тебя.

– Я рада, что вы подружились, – сказала новенькая и с радостью ответила Марго рукопожатием.

– Знаешь, с тех пор как ты появилась в нашем классе, вокруг стало происходить так много всего удивительного! – сказал Антон своей соседке после уроков.

Они в этот момент только вышли из школы и наблюдали, как Марго с Лордом подбежали к машине, на которой за ней приехали родители. Издалека было видно, что вся семья была очень рада неожиданному подарку.

– У нас сегодня бабушка печёт свой любимый пирог с лимоном. Приходи вечером к нам на чай! Где мы остановились, ты знаешь, – вместо ответа произнесла Снежанна и кивнула на разноцветный фургон со сладостями.

– Хорошо. Спасибо за приглашение, – неуверенно ответил Антон.

За свою не слишком ещё длинную жизнь он не так часто получал приглашения в гости от своих одноклассников, а тем более одноклассниц, и не очень представлял, как надо вести себя в подобной ситуации.

Мама, наоборот, очень обрадовалась тому, что её сына пригласила соседка по парте.

– Я же говорила тебе, пройдёт время и ты обязательно подружишься с ребятами в новом классе!

– Мам! Но я не знаю, как правильно себя вести. Ведь меня пригласили на пирог, который будет печь бабушка. Значит, мне тоже надо принести что-то к чаю? Но у них столько разных сладостей! Целый магазин на колёсах! Чем я могу их порадовать?

– Антоша! Но ведь ты можешь принести не что-то к чаю, а сам чай! Помнишь, сколько в этом году мы заготовили разных трав и растений?

– Чабрец, иван-чай, листочки и ягодки малины, земляники, брусники, шиповника, – начал перечислять оживившийся Антон.

– И даже морошку собирали у бабушки в Карелии, – добавила мама. – Сейчас я разложу сборы по красивым баночкам, а потом мы упакуем их вот в эту разноцветную коробку! Достань её, пожалуйста, с верхней полки.

Вечером фургон, в котором жила Снежанна, выглядел ещё праздничнее и веселее, чем днём. Весь он переливался разноцветными огоньками гирлянд, как новогодняя ёлка.

На двери не было никакого звонка, и мальчик просто постучал.

Дверь открылась. Из фургона вырвались звуки музыки и чьих-то весёлых голосов. В

дверях стояла аккуратная седая женщина в красном платье и белом переднике.

– А вот и наш гость! – радостно крикнула она тем, кто был в это время в фургоне, и распахнула двери пошире. – Заходи, мальчик! Мы ждём тебя!

Антон переступил порог и почувствовал такое головокружение, что даже покачнулся и чуть-чуть не упал.

Дело в том, что фургон, который снаружи казался совсем небольшим, как обычный прицеп к машине, внутри был таких огромных размеров, что невозможно было понять, имеет ли он хоть какие-то разумные границы. Просторная комната с высоченными потолками, в которую попал Антон, имела множество дверей, которые были распахнуты и открывали вид на следующие комнаты с открытыми дверьми, а те на следующие, и так до бесконечности.

В комнате стоял длинный стол с огромным сияющим самоваром в центре. За столом сидело много взрослых и детей разного возраста, одетых очень пёстро и ярко. А во главе стола – седобородый старик в белой, расшитой красным рубахе и красных шароварах. Рядом с ним была Снежанна в белом пушистом свитере и красной короткой юбочке. Увидев Антона, она встала и поспешила ему навстречу.

– Проходи, Антон! Ты как раз вовремя. Бабушка только что собралась вынимать из печки пирог!

«Неужели тут ещё и настоящая печка есть?» – подумал мальчик, оглядываясь по сторонам.

– Спасибо! Вот это вам! – протянул он коробку с травами. – А где это мы?

– Там, куда ты так мечтал попасть! – ответил за внучку старик.

– В гостях у Деда Мороза! – закончила появившаяся с большим румяным пирогом на подносе седовласая хозяйка. Все сидевшие за столом приветливо и ободряюще улыбнулись Антону, подтверждая её слова.

– Вы Дед Мороз?! – удивлённо переспросил гость. – Но откуда вы узнали о моей мечте? Ведь я никогда никому о ней не говорил!

– Это правда! Ты никому об этом не говорил, – подтвердила Снежанна, усаживая Антона за стол. – Даже когда я спросила тебя, чего бы ты попросил, если бы тебе пообещали исполнить одно твоё самое заветное желание, ты загадал, чтобы у Снегурочки были мама, папа, бабушка и большая дружная семья. За что я очень тебе благодарна. Ты захотел помочь Снегурочке, а не просил что-то для себя лично! Наверное, благодаря тебе и твоему желанию нас теперь так много.

– А узнал я от тебя самого! – заявил Дед Мороз. – Каждый раз, когда я приходил к тебе в новогоднюю ночь, чтобы положить под ёлку подарок, ты шептал во сне одно и то же: хочу в гости к Деду Морозу! Мы решили, что такое постоянство заслуживает награды. Да только как тебе попасть к нам? Кто тебя отпустит одного так далеко? И мы приехали сюда специально ради тебя. Вместе с нашим волшебным фургоном, который на самом деле является нашим дворцом. А моя внучка Снегурочка, или, по-иному, Снежанна, чтобы познакомиться с тобой, захотела поучиться немного в вашем классе.

– Дедушка Мороз! Бабушка Зима! – вмешалась тут девочка. – Давайте пить чай! Антон принёс такие ароматные сборы. Папа их уже заварил.

В этот момент в одной из боковых комнат послышался звук хрустальных колокольчиков. В дверях появился папа Снежанны, который вёз серебряную тележку, точнее сервировочный столик, с большим количеством расписных заварных чайничков. Самое удивительное было то, что вместе с ним в комнату влетело несколько зайчишек в новеньких белых шубках. Озорные зверушки крутились вокруг столика, пытаясь помочь его везти, тут же отвлекались, начинали бегать друг за другом и создавали весёлую кутерьму.

– Знакомься! – обратился Дед Мороз к Антону. – Это мой сын, повелитель снега и льда, Северный Ветер.

– Зови меня просто дядя Сева! – улыбнулся молодой мужчина и протянул Антону

свою крепкую жилистую руку. – Никакой я не повелитель. Обычный инженер. Занимаюсь строительством. Просто моя специализация – сооружения из снега и льда. А моё хобби – ледяная скульптура.

– А вот и его супруга! – объявил Дед Мороз. – Настоящая фея Драже, как в балете Чайковского «Щелкунчик».

Под очередной перезвон хрустальных колокольчиков из противоположных дверей появилась мама Снежанны. Она шла позади ватаги шустрых белочек, которые катили ещё один сервировочный столик. Столик изобиловал различными сладостями.

– Ох! И скажете вы, Мороз Иванович! Я работаю главным технологом на нашей новогодней конфетной фабрике. Так получилось, что мои любимые лакомства – это драже. Наша фабрика выпускает много различных видов драже. Но мои самые любимые – обычные мятные драже простого белого цвета. А зовут меня Дарина. Наверное, поэтому, я очень люблю дарить людям подарки. Вот держи эту коробочку с драже для твоей мамы.

Чаепитие прошло весело и шумно. Дед Мороз познакомил Антона со своей большой и дружной семьёй: детьми и внуками, а также братьями, сёстрами, племянниками и даже с двумя дядюшками и одной тётюшкой.

А потом Снежанна повела мальчика показать дедушкин волшебный дворец. Удивительные залы сменяли друг друга, а Антона в это время мучил только один вопрос.

– Почему ты сказала, что может быть именно благодаря мне вас теперь так много? – спросил он у одноклассницы.

– Потому что я подозреваю, что именно после того, как ты загадал своё желание, у меня появилось столько родни.

– Что значит – подозреваешь? А ты что, точно не помнишь, были ли у тебя мама и папа?

– Отчего же! Конечно помню! Помню, что они были у меня всю мою жизнь! Но... это ничего не значит. Твоё желание могло

повлиять на моё прошлое и изменить его вместе с моими воспоминаниями.

– Мне трудно понять то, о чём ты сейчас говоришь, Снежанна! Моё желание? Как я, простой московский школьник, мог бы изменить прошлое таких знаменитых волшебных героев, как Дед Мороз и Снегурочка?

Девочка остановилась возле двери, ведущей на улицу, и загадочно улыбнулась.

– На прощание я открою тебе один маленький секрет и один большой. С какого начать? – произнесла она вместо ответа.

– Я готов услышать их в любом порядке. Но, может быть, начнёшь сразу с большого?

– Хорошо. Вот он: в мире существует всё, во что человек способен поверить!

– Ого! Кажется, мне сразу трудно представить, что бы это могло означать!

– Это очень просто! Вот ты веришь в Деда Мороза? И он существует! И будет существовать до тех пор, пока хоть один человек в него верит. Понимаешь?

– Кажется, да! А каков же тогда маленький секрет? – спросил Антон, набрасывая курточку.

– Любая твоя мечта может исполниться. Нужно только очень сильно захотеть.

– Не может быть! Хотя... Я мечтал побывать в гостях у Деда Мороза и попал к нему. Я пожелал, чтобы у него была большая семья и на следующий же день с ней познакомился!!! Ого!!! Как это получилось? Я что, теперь стал какой-то особенный?

– Да, конечно! Ты особенный! – услышал Антон голос Бабушки Зимы, которая вышла попрощаться с гостем. – И каждый человек в мире особенный! И каждый может исполнить свою мечту. Нужно только выполнить несколько волшебных условий.

– На прощание мы хотим подарить тебе волшебные правила! – продолжил стоявший рядом с супругой Дед Мороз. – Вот,

держи этот волшебный свиток. Прочти его вечером перед сном и всё запомни. Потому что завтра, когда взойдёт солнышко, свиток исчезнет.

– А теперь прощай! – с грустью произнесла Снежанна. – Мы встретились с тобой. Завтра нам пора заняться подготовкой к Новому году. Декабрь пролетит быстро. А работы у нас ещё много!

Она подала Антону руку, и он крепко её пожал.

Конечно же, мама с удивлением и даже с небольшим недоверием выслушала рассказ сына о необычном чаепитии.

Но хрустальная шкатулка с золотыми фигурками Деда Мороза и Снегурочки, в которой Дарина передала ей драже, подтверждала, что Антон говорит правду!

А мальчик поспешил лечь в постель.

Он достал из-под подушки волшебный свиток и с волнением прочёл:

ПРАВИЛА ДОСТИЖЕНИЯ МЕЧТЫ

1. Подумай о своей мечте, такой сильной, что от одной мысли о ней, тебе становится радостно на душе.

2. Опиши своё желание на бумаге так, как будто оно уже исполнилось. Например: «у меня новый велосипед». Или «у меня за четверть самый высокий балл по математике».

3. Подумай, что можешь сделать ты для того, чтобы твоя мечта осуществилась.

4. Каждый день делай хотя бы один шаг, чтобы приблизить исполнение своего желания! И тебе обязательно поможет волшебство!

Удачи тебе! И помни: мечты сбываются!

Твои Дед Мороз и Снегурочка!

Хозяин леса

Лес, умытый ночным дождём, стоял весёлый под летними солнечными лучами. Старый леший только закончил перегонять стадо волков на новую территорию и теперь, крихтя, искал сухую корягу, чтобы присесть и вытянуть уставшие ноги.

Везде блестела роса, и всё было мокрым. Леший недовольно морщился и скрипел конечностями.

– Дедушка, иди сюда, – звонкий голос разрушил очарование тишины леса. Леший повернулся на голос.

В стороне, выглядывая из-за дерева, стоял маленький лешёнок и махал ему рукой. Поскрипев конечностями, старый леший направился к внуку. Лешенок привёл его на небольшую полянку и указал на старую сухую корягу.

Довольный смекалкой внука, удобно усялся на корягу, вытянул натруженные ноги и стал отдыхать. Лешенок тихо присел рядом в ожидании. Он знал, что дед сейчас отдохнёт и придёт время историй. Лешенок очень любил этот ранний час, когда старик, наработавшись, окунался в дремучее прошлое.

Так прошёл час с небольшим. Маленький леший всё это время сидел тихо и не мешал деду отдыхать. Наконец старик открыл глаза и потянулся.

– Ну что, Лешек. Всё сидишь? – старик усмехнулся. Внук только кивнул, и в глазах блеснуло любопытство.

– Деда, у меня после последнего разговора опять появились вопросы, – выпалил Лешенок.

Дед улыбнулся в бороду.

– Ну, задавай, что хотел узнать?

Лешенок задумался, какой вопрос задать первым.

– Деда, скажи, почему люди нас боятся?

Леший задумался. Как объяснить внуку то, что уже веками сложилось. И стало настолько привычным, что ни первые, ни вторые не замечали и действовали на уровне инстинктов. Поскрипев суставами, старый леший посмотрел вдаль.

– Не всякий люд нас боится и не каждого мы пугаем или смеёмся над ним, – прокрихтел дед. – Всё зависит от позыва, внук.

– От какого позыва, дедуля? – малец подался вперёд.

– Как тебе объяснить. Вот ты идёшь по лесу, если подходишь с осознанием к делу, то лишнюю ветку не поломаешь или зверя не станешь пугать ради забавы, так?

– Конечно, – кивнул Лешенок. – А к чему, ведь лес – это дом наш. Можно повеселиться, но портить и ломать дом зачем?

– Вот видишь, это твой внутренний позыв, – подытожил старый леший. – Так и человек: если пришёл он в лес и чтит правила и нужды леса, относится к нашему дому с почтением и уважением, не сорит, не глумится – так чего ж его пугать или смеяться над ним. С таким надобно дружить и привечать его. А вот, к примеру, зашёл человек и стал бить зверя без разбору, мусорить, уничтожать лес. Что же, смотреть на это безучастно?

– Таким здесь не место, – погрозил Лешенок кулачком в пустоту.

Дед только хрюкнул от смеха.

– Ответил я на твой вопрос?

Внук с серьёзным видом утвердительно кивнул.

– Вот ещё что хотел спросить, деда. А как мы появились?

Леший сник, что-то сегодня внучок решил добить его. Такие вопросы подготовил, что так просто и не ответишь.

– Сложный вопрос, деда? – в голосе внука сквозило лукавство.

– Не то чтобы сложный, но однозначно не ответишь, – старый леший опять крикнул в бороду.

– Ну, так и быть. Пойдём издалека... – вздохнул дед и настроился на долгий рассказ. – Всё живое на земле, начиная с муравья и заканчивая человеком, проживает свой круг жизни, отведённый ему природой. Как круг заканчивается, все поднимаются в высшее царство.

– А что они там делают, деда, в высшем царстве? – У Лешонка глаза стали круглыми.

– Ну как же, внучок, я уже тебе рассказывал. Невнимательный ты, – укоризненно покачал головой леший. – Высшее царство и есть наш общий большой дом. Оттуда, когда приходит время, и воплощаются сюда, на твердь. Там хранятся все знания, которыми мы пользуемся. Так происходит, если круг жизни заканчивается естественно. А вот если круг жизни человека оборвать насильственно или сам человек его оборвёт, не дождавшись завершения, то душа его иногда не желает уходить в высшее царство.

– А почему, деда? Ведь там так хорошо.

– Множество есть причин. Может, нерешённые вопросы её держат на тверди, – задумчиво протянул леший. – А может, что другое держит здесь. Вот такая душа однажды забрела в первозданный лес и поселилась там. И родился первый леший,

значится так. Прародитель наш. – Леший вкусно причмокнул.

Внучок впал в задумчивость, переваривая рассказ деда.

– Так значит, мы, можно сказать, дальние родственники людям? – через время изрёк он.

– Получается, что так, – поглаживая бороду, подтвердил старый леший.

Со стороны заката затрещали ветки, и на поляну выкатился внук соседского лешего, вредного и ворчливого старика.

Старый леший грозно сдвинул брови. Лешачок чуть оробел, но всё же подкатился к внучку, они тихо пошептались, и Лешонок повернулся к деду.

– Дедушка, я пойду, проверю лесок? – голос его звучал важно.

Старый леший побряхтел для виду и важно кивнул в знак одобрения.

Внучок только этого и ждал и со своим другом уже скрылся в кустах. Детские голоса замерли где-то в чаще, а старый леший опять поскрипел суставами, уселся в удобную позу и заснул до следующей ночи.

Страница автора
vk.com/id49575264

г. Мыски, Кемеровская обл.

У экрана

Чайник я на газ поставив,
Побежал смотреть футбол.
И, боясь уже, представил,
Что пропущен первый гол.
На экране, правда, страсти
Разгорались не шутя.
И, довольный, я от счастья
В кресле ёрзал, как дитя.
Только радовался рано,
Твёрдо веря в наш успех,
И любимая команда
Опозорилась при всех.
Да!.. Такого вот футбола
Лучше бы и не видать –
Ни единого нет гола,
А пропущено уж пять!
Подо мной ножа острее
Кресло было в этот час.
– Идиот!!! Давай, быстрее! –
Я на форварда кричал.
– Идиот!!! – кричит из кухни
В унисон моя жена. –
Здесь конфорки все потухли!
Чайник выкипел до дна!
Газ не выключил, скотина!
Хочешь, чтоб взорвался дом?
А в глазах моих картина –
Весь бурлящий стадион.
Там уже такие страсти
Разгораются, кипят,
Что, наверное, несчастья
Хуже нет, чем счёт 0:5!
– Что мне чайник твой сгоревший
И невыключенный газ!
Для меня, поверь, главнейшей
Нет трагедии сейчас!

Королевская дочка

Король с королевой на троне сидят.
Король с королевой на дочку глядят.
И спорят они меж собой день и ночь –
А всё ж на кого же похожа их дочь?!
Король говорит: «Эта дочка – моя!
Смотри, как похожа она на меня! –
И брови, и щёчки, и вздёрнутый нос,
И этот виток золотистых волос!»
Но мать-королева, качнув головой,
Плечо короля тихо тронув рукой,
Ему отвечает спокойно и в такт:
«Нет, Ваше Величество, это не так!
Глаза, подбородок и губки – мои!
И та же походка. И так же стоит!
Манеры всё те же, и та же вся стать.
Нет-нет! Она – копия! Вылита мать!»
...А дочке исполнилось только пять лет,
И будто до них ей совсем дела нет.
Она говорит им: «Вы спорите зря!
Я дочка не ваша!» –
«А чья же?!» –
«Своя...»

Мерзляк

Когда уже пройдут дожди,
Замёрзнет в лужицах водица,
На ветках иней заискрится;
Тогда, конечно, зиму жди!

Вода в реке ещё рябит,
Листки с кустов летят не все,
А ты, смотрю, совсем,
Хоть солнце нити золотит,

Стоишь и дуешь в свой кулак,
И натянул на уши кепку.
Ну, перестань! Ведь ты же крепкий!
Ты ж настоящий сибиряк!

Возьми пример с меня хотя б –
Я никогда почти не мёрзну.
И говорю тебе серьёзно.
А что я в шубе – это так...

Лариса Назарова

Одинцово

Брат

Столько сил потратил:
 Я просил о брате.
 Думал, с ним на пару
 Мы б собрали марок.
 Во дворе б гуляли
 И в футбол гоняли –
 Выиграть с братом вместе
 Было б дело чести!
 Умолял я маму,
 Говорил ей прямо –
 Мама отвечала:
 «Подрасти сначала».

 Намекал я папе –
 Он спасался в храпе.
 Сочинял я прозу
 К Дедушке Морозу...
 Наконец, свершилось –
 Чудо совершилось:
 Братик мой родился!
 Как же я гордился!
 Но какие марки –
 Нос да чепчик яркий,
 Речь не о футболе –
 Спал? Поел? Доволен?
 Столько сил потратил:
 Я просил о брате.
 Намекну-та тонко:
 Мне нужна сестрёнка!

Кефир и пломбир

Перед сном я ел пломбир,
 Ну а папа пил кефир.
 «Этот чудо-эликсир, –
 Он сказал, – прибавит сил.

Лучше сладкого не ешь,
 Им язык ты свой не нежь.
 Вкусно только пять минут,
 А недуги тут как тут:

Кариес – зубы заболят
 За одним другой – подряд,
 Ожиреешь вместе с тем.
 Лишний вес тебе зачем?

На ночь надо пить кефир:
 Он сожжёт ненужный жир,
 Сон улучшит. Крепкий сон –
 Знаешь, как полезен он!»

Я представил: пью кефир –
 Постройнел, набрался сил,
 Ночь сплю, ну, как сурок!
 Бодрым встал – и на урок.

Зубы белые блестят –
 Сверху ряд и снизу ряд!
 Ленке нравлюсь – мне она
 Машет, машет из окна...

Что же нужно тут ещё?
 Я решил: кефир – и всё!
 Стану на ночь пить кефир,
 Днём и утром есть пломбир!

Поздний дождь

Обмирает сердце:
 Дождь стучится в дом,
 Просится согреться,
 Мёрзнет за окном.

Форточку открою –
 Будет дождик рад!
 Если не укрою –
 Превратится в град.

Международный детский литературный клуб «Озарёнок»

Страницу ведёт Н. П. Гаврикова, руководитель МДЛК «Озарёнок»

Совещание молодых авторов «Драматургия слова» в Уфе

Союз писателей России совместно с Башкирским Государственным педагогическим институтом им. М. Акмуллы провели в Уфе Всероссийское совещание молодых литераторов СПР «Драматургия слова». В совещании принимали участие 60 молодых авторов из 17 регионов Российской Федерации. Среди

молодых авторов была и Анастасия Нестерова, ученица 11-го класса Лицея № 5 г. Уфа, президент Международного детского литературного клуба «Озарёнок», которую на совещание молодых авторов рекомендовал коллектив клуба.

Кроме работы творческих семинаров по драматургии, поэзии и прозе, на мероприятии проходили круглые столы по современной прозе и по организации современного литературного процесса. Мы с удовольствием побывали на этом важном для нашей родной столицы и республики Башкортостан мероприятии. Было интересно познакомиться с такими же творческими ребятами, увлечёнными литературным творчеством, и именитыми писателями. Спасибо огромное Светлане Чураевой за организацию мероприятия и возможность посетить творческую театральную постановку «Хорошо живём» в Молодёжном театре им. М. Карима при участии большого разнообразного коллектива: студентов, школьников, журналистов и профессиональных актёров. Это было здорово! Что отметил и сам председатель правления Союза писателей России Николай Иванов, выступая в заключение мероприятия, которое состоялось по окончании спектакля.

Отдельно хочется поблагодарить литературного критика Яну Сафронову и председателя Союза молодых литераторов России Андрея Тимофеева за изумительное ведение семинара-секции для студентов. Были даны очень душевные и корректные замечания в отношении творческих работ, даны наставнические предложения в доверительной, дружеской и тактичной манере, что было видно: все воодушевлялись желанием творить и пробовать перо и в дальнейшем. В заключение отдельно выражаем благодарность Андрею Тимофееву за предоставленную возможность поучаствовать во всех мероприятиях фестиваля, кураторство и наставничество во время знакомства с писательским сообществом Республики Башкортостан. Мероприятие было замечательным!

Н. С. Нестерова, руководитель МДЛК «Озарёнок», г. Уфа

Поздравляем!

По итогам Всероссийского литературного конкурса, посвящённого 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева «Родине поклонитесь», в номинации «Подростковое и детское творчество» **II место** заняла **НЕСТЕРОВА АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА** (г. Уфа, Башкортостан) с рассказом «Выжженное сердце».

Подведены итоги Всероссийского литературного конкурса памяти Л. Н. Афанасьевой

Завершён Всероссийский литературный конкурс памяти Людмилы Николаевны Афанасьевой, руководителя МДЛК «Озарёнок». В конкурсе, проводившемся на сайте «Союз писателей» (soyuz-pisatelei.ru/forum/391-16734-1), приняли участие 38 юных авторов из разных регионов нашей необъятной страны. Среди них: члены и кандидаты в члены МДЛК «Озарёнок» из Сокола и Уфы, постоянно соревнующиеся в подобных конкурсах, выпускники клуба «Озарёнок» из Хабаровска и Нижнего Новгорода, студент Сокольского лесопромышленного политехнического техникума, а также первоклассники из Казани. Радует, что географические горизонты с каждым годом расширяются. В этом году к нам присоединились школьники из Тамбова и Тамбовской области, а также из Москвы и Йошкар-Олы.

Изначально в конкурсе предусматривалось три номинации: «Первый раз в первый класс», «Школьные истории» и «Ода учителю». Что интересно – конкурсанты пробовали силы и в стихотворениях, и в рассказах, поэтому тексты разделились на две категории, в результате руководителю конкурса Н. П. Гавриковой пришлось ввести подноминации «Поэзия» и «Проза». Работы, представленные молодыми литераторами, порадовали членов жюри, выбирать лучших было крайне трудно, практически все показали достойный уровень, но конкурс есть конкурс... Представляем лучшие конкурсные работы участников из Уфы:

1-е место – Анастасия Нестерова

11 «А» класс, МБОУ «Лицей № 5», г. Уфа, Президент МДЛК «Озарёнок».

Руководитель Н. П. Гаврикова

Гордость

Маленькая комната, кровать, накрытая клетчатой жёсткой материей, узкий шкаф с потёртыми ручками, стол, под которым прячется табуретка, и мигающий экран телевизора на тумбочке – все удобства, предоставленные ей на двое суток. Метро недалеко, пешком всего квартал – наверное, это един-

ственный плюс в этой гостинице. И цена. Пришлось потратить немало денег на срочную покупку билета до Москвы и обратно, а в кошельке на всё про всё треть зарплаты простой провинциальной учительницы. Как прожить остаток месяца дома, она старается не думать, но получается плохо – ещё и потому, что там сейчас, в эту минуту, её класс остался без направляющей руки и, должно

быть, староста снова не отметила отсутствующих. Она набирает сообщение, встаёт с кровати, беспокойно бродит по комнате — два шага туда и два назад — и, оглядываясь на бегущую строку новостей, снова проверяет, не пришёл ли ответ.

Телефон пищит, показывая, что пришло новое послание, и она читает его несколько раз подряд, не чувствуя, как улыбка прокрадывается в уголки губ. Конечно, одиннадцатый класс — уже взрослые ребята, которые могут сами всё сделать, но ей трудно в это верить. Пять лет назад, когда она только начала работать в школе после института — совсем молодая, неопытная, — ей сразу дали классное руководство над этим классом, поскольку прежняя учительница ушла в декрет. Первый выпуск уже стал на несколько голов выше её самой.

Прежде было тяжело: они не слушались нового учителя, не хотели выполнять поручения, теперь — сами спрашивают, чем могут помочь, раньше её узнают обо всём, что творится в школе, и даже не боятся шутить, принимая как свою. Авторитет, заслуженный в те годы, создаёт в классе обстановку, подобную семье, где каждый на своём месте и все с уважением и в то же время на равных относятся друг к другу. И пускай кто-то считает такой порядок неправильным — ей всё равно, лишь бы классу было с ней хорошо.

Она быстро собирает сумку, берёт с собой ноутбук, пухлую папку с листами, пестрящими графиками и диаграммами, садится в электричку и всю дорогу шепчет, едва размыкая губы, заученный текст. Мысль об ответственном, крайне важном для её карьеры выступлении бросает в жар.

В зале для научной конференции, ради которой приезжают педагоги, шумно, места на креслах и скамейках заняты приборами, плакатами, сумками, верхней одеждой. В этом году такое холодное начало октября, что, пока не включили отопление, можно бы сидеть в пальто в помещении, но никто этого не делает: все хотят выглядеть опрятно и представительно. Регламент не предполагает ограничений по времени, и поэтому все говорят долго, стараясь разъяснить каждую

деталь. Жюри тоже никуда не торопится, задаёт вопросы, рассматривает приложенные документы и установки. Голова идёт кругом: какие вопросы станут задавать ей? Как назло, ни одного отвлекающего предмета с собой, одна блестящая брошка на тонкой блузке, под которую неторопливо проползает страх и сквозняк из оконных щелей. И бледные губы снова трепещут, повторяя знакомые слова, ставшие почти молитвой.

Телефон непрерывно жужжит в кармане, она достаёт его, не понимая, кто может звонить. Оказывается, в беседу класса сыплются фотографии нескончаемым потоком, и она пролистывает их по очереди, внимательно разглядывая каждую, и на каждой видит лица своих учеников. Они все в садовых перчатках, позади стройным рядом красуются огромные чёрные пакеты, грабли прислонены к голым столбам тополей на дорожке, по которой она каждый день идёт на работу...

Как же можно забыть про субботник! Нет, она, конечно, чётко помнит, что предупредила старосту, чтобы та сама отвела их на пришкольный участок, но не проверила, не проследила, как обязан учитель. На последней фотографии за спинами ребят она замечает чужие фигуры и, не успевая спросить, читает, что физрук и учителя биологии и математики, узнав о том, что руководителя нет в школе, решили сопровождать ребят. «Все, кто был, получили пятёрки по физ-ре», — хвастает староста.

Гордость охватывает её, и дрожь отступает вместе со страхом неудачи. Но она гордится не своими любимыми учениками, завоевавшими любовь и прочих учителей, а самой собой. За то, что воспитала из тех капризных, изнеженных созданий большее, лучшее. За то, что смогла изменить их и измениться сама, став сильнее. Почему она раньше не понимала этого?

Осознание собственного достоинства вытягивает на поверхность уверенность в себе и умиротворение. И, когда называют её имя, выходить на сцену перед толпой тех, кто мгновение назад казался совершенным, оказывается так же просто, как улыбнуться. Да, своё выступление она начинает с полной гордости улыбки.

2-е место – Настя Лобанова

1 «А» класс, МБОУ «Лицей № 5», член МДЛК «Озарёнок», г. Уфа. Классный руководитель – В. Г. Чанышева; руководитель МДЛК «Озарёнок» – Н. С. Нестерова

Я учусь в 1 «А» классе. Мою первую учительницу зовут Венера Гаязовна. Она очень любит меня и моих подружек. Один раз я с радостью подарила ей рисунок. Я его сама нарисовала, без помощи взрослых.

На уроках она строгая и требовательная. Мы читаем по цепочке и решаем примеры,

рассказываем свои истории. Иногда на перемене празднуем дни рождения. Благодаря учителю я научилась писать прописными буквами, разбивать на группы числа и много чего ещё интересного. Я теперь легко встаю в школу и не опаздываю.

Венера Гаязовна – самый добрый и лучший учитель!

2-е место – Екатерина Лобанова

8 «Б» класс, МБОУ «Лицей № 5», кандидат в члены МДЛК «Озарёнок», г. Уфа. Руководитель – Н. С. Нестерова

Мой первый учитель

Моей первой учительницей была Сазонова Елена Георгиевна. Она всем сразу понравилась. Очень редко можно встретить таких добрых, отзывчивых и интересных людей. Помню, как пришла впервые в класс. Было очень страшно от неизвестности, так как я не знала, чего мне ожидать от моих одноклассников, от учителя и вообще от школы. Но всё прошло замечательно, ребята сразу подошли ко мне, чтобы познакомиться, Елена Георгиевна помогла нам всем лучше узнать друг друга и найти общий язык.

Некоторые предметы у нас преподавали другие учителя. Все уроки были очень интересными.

Сейчас я учусь в восьмом классе. Иногда мы с классом заходим к Елене Георгиевне. Она всегда рада нам. Это бесценно – видеть её счастливые, горящие глаза.

Я очень благодарна своему первому учителю. Хочу сказать ей огромное спасибо за то, что обучала нас все эти четыре года, любила и радовалась за каждое наше достижение. Как же хочется вернуться назад и побольше насладиться этими моментами с Еленой Георгиевной.

3-е место – Герман Гаус

4 «Б» класс, МБОУ «СОШ № 41», Советский р-н, г. Уфа. Руководитель – Н. С. Нестерова

Моя учительница

Мою учительницу зовут Наталья Германовна Чекурова.

Она нам очень много задаёт, зато потом ставит мне пятёрки. Только редко. Она не весёлая и не грустная. Разрешает нам поль-

зоваться замасками, даже на контрольных, потому что она добрая. Ребята у нас в классе дружелюбные, на уроках не шумят, потому что за шум Наталья Германовна нас редко ругает.

В общем, мне нравится у неё учиться, только уроков очень много.

Популярные книжные новинки

Владимир Волкович
www.knigi-market.ru

КНИГА ПЕРВАЯ. ГЛУБИННЫЙ РАЗЛОМ

КНИГА ВТОРАЯ. НА ПЕРЕКРЁСТКАХ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Побеги
древа Византийского

18+

Союз писателей
ААУ

QR-код

М. З. ПАВЕЛ 16+

ПРОБУЖДЕНИЕ
ПЕТИ САВИНА

16+

Союз писателей
ААУ

www.knigi-market.ru

QR-код

СТРАЖИ
ПАНДЕМОНИУМА 16+

Фэнтези

Сьюзен Да Сильва

СТРАЖИ
ПАНДЕМОНИУМА

ФЭНТЕЗИ

СЬЮЗЕН
ДА СИЛЬВА

18+

Союз писателей
ААУ

www.knigi-market.ru

QR-код

ИЛЬЯ БАХМУТСКИЙ
ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ
ЖИЗНЕННЫХ ДОРОГ

18+

Союз писателей
ААУ

18+

QR-код

#КНИГА

Интернет-магазин
современной литературы

knigi-market.ru

Журнал в социальных сетях

/journal_sp

/journalsp